

А. М. Камчатнов

Н. А. Николина

Введение в языкознание

Учебное пособие

10-е издание, стеротипное

Москва

Издательство «ФЛИНТА»

Издательство «Наука»

2011

УДК 800/80(075.8)
ББК 81
К 18

Камчатнов А.М.
К 18 Введение в языкознание : [электронный ресурс] учеб.
пособие / А.М. Камчатнов, Н.А. Николина. – 10-е изд., сте-
реотип. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. — 232 с.

ISBN 978-5-89349-149-4 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-011720-4 (Наука)

Пособие написано в соответствии с программой по курсу «Введение в языкознание». Рассматриваются внутренняя и социальная структура языка, даются основные сведения о лингвистической типологии и языковом родстве. Особое внимание уделено философии языка.

Для студентов, аспирантов, преподавателей филологических факультетов и педагогических вузов.

УДК 800/80(075.8)
ББК 81

ISBN 978-5-89349-149-4 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-011720-4 (Наука)

© Издательство «ФЛИНТА», 1999

Кто отчасу далее в язык углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле, или, лучше сказать, едва пределы имеющее море.

Михайло Ломоносов

Разумную цель лингвист имеет тогда, когда, не ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа.

Федор Буславев

ВВЕДЕНИЕ

Только обыватель знает, что такое язык. Всякий же, кто занимался изучением языка более или менее основательно, понимает, что язык есть *тайна*. Однако из признания того, что язык есть тайна, вовсе не следует, что об этой тайне нам нечего сказать. Напротив, чем глубже тайна, тем больше о ней нужно говорить; можно сказать, что сама тайна говорит из себя о себе, выносит из своей глубины на поверхность мысли все новые и новые свои определения. Горы книг написаны о языке, но все они не в состоянии вместить в себя полноты знания о языке, поскольку разгадка тайны языка равносильна разгадке тайны мира и человека.

Пытливая человеческая мысль уже давно стала задумываться о тайне языка. В древней Греции возникли два основных направления в понимании того, что такое слово и язык вообще: школа Платона полагала, что имена устанавливаются не по произволу, а «в соответствии с природой вещей» («Кратил» 387de), что дать имя в соответствии с природой вещей значит воплотить эту природу в звуках и слогах («Кратил» 389de); другая школа — Демокрита — полагала, напротив, что имена сами по себе нисколько не связаны с природой вещей, что ни один предмет сам по себе в наименовании не нуждается и может существовать, не имея никакого имени, а имена предметов нужны только нам — для передачи нашей мысли о предмете другим и потому устанавливаются по условному соглашению; иначе говоря, слово есть лишь условный знак, символ предмета, созданный самим человеком. В эпоху Средневековья эти два направления вылились в знаменитый спор о природе универсалий; какова природа общего: существует ли общее само по себе, в самой реальности или же оно существует только в сознании людей и выражено ими в сло-

вах? Признававшие реальность общего, или универсалий, стали именоваться реалистами, а отрицавшие реальность общего — номиналистами.

Хотя множество ценных лингвистических идей было высказано еще древними философами и филологами, языкознание как наука родилось в XIX веке. При этом оно сразу попало в объятия номиналистов, что и немудрено, ибо господствующими направлениями европейской философии XVII—XIX веков были родственные номинализму сенсуализм, эмпиризм, материализм и позитивизм. Можно лишь с небольшой долей преувеличения сказать, что вся лингвистика пронизана номиналистическим научным мировоззрением. Реалистические тенденции в языкознании проходят как бы пунктиром, причем эти тенденции проявляли себя не столько в описании конкретных языков, сколько в философских рассуждениях о языке. Среди крупных имен реалистического направления можно назвать Вильгельма фон Гумбольдта, Константина Сергеевича Аксакова, Александра Афанасьевича Потебню, чья философия языка, впрочем, весьма противоречива из-за влияния психологизма, русских религиозных философов о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и Алексея Федоровича Лосева. Воздействие названных философов, особенно религиозных, на нашу лингвистическую мысль в условиях государственного атеизма и материализма в нашей стране было нулевым.

Авторы настоящего пособия дерзнули рассказать о языке с позиций реализма; основные положения книги основаны на идеях православного энергетизма, развитых применительно к языку в трудах названных философов. Насколько нам известно, попыток построить учебный курс на основе этого комплекса идей ранее никем не предпринималось, потому мы со смирением, уподобляясь древнерусским книжникам, просим: **аще чьто грубое сыписахомы, не зазрите и не клените, но чьтуще исправливайте.**

Противопоставление номинализму находит наиболее яркое воплощение в проблемах семантики, прежде всего лексической, а затем словообразовательной и грамматической, о чем пойдет речь в главах «Лексикология: философия имени», «Морфемика и словообразование» и «Грамматика». Более традиционно написаны главы «Фонетика и фонология», «Дифференциация языка», «Структурная типология языков» и «Языковое родство».

Язык есть сложно организованная система, которую образуют так называемые уровни, или ярусы; каждый уровень характеризуется наличием особой единицы: фонемы, морфемы, слова, словоформы, словосочетания и предложения. В соответствии с этим изложение в пособии строится как последовательное описание этих уровней языковой системы (главы 1—4). Главы 5—7 посвящены вопросам типологии, истории и дифференциации языка.

Глава 1

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

§ 1. Три стороны звуков речи

Человеческий язык — это прежде всего *звучащая речь*. Простое наблюдение за звуками речи открывает нам в них три стороны: акустическую, артикуляционную и функциональную.

§ 2. Акустическая характеристика звуков речи

Во-первых, звуки речи — это *физическое явление*, то есть колебательное движение воздуха, и как таковые они обладают акустическими характеристиками силы, тона и тембра. **Сила звука** зависит от амплитуды колебания: чем больше амплитуда, тем сильнее, громче звук. **Тон звука** зависит от частоты колебания: чем больше частота, тем выше звук. **Тембр**, или **окраска звука**, зависит от тех дополнительных обертонов, которые накладываются на основной тон при прохождении звука через резонатор — ротовую и носовую полость, которые совершенно индивидуальны, и потому голос каждого человека имеет неповторимое своеобразие.

Акустические характеристики звуков речи еще, однако, несколько не приблизили нас к их познанию, ибо каждый звук — шум прибора, свист ветра, мяуканье, рев, блеянье, мычание, гудок парохода и т. д. — имеет силу, тон и тембр, поэтому при акустической характеристике специфика звуков человеческой речи ускользает от нас.

§ 3. Устройство речевого аппарата

Во-вторых, звуки речи — это *физиологическое явление*, так как в их производстве участвуют органы тела, которые в своей совокупности образуют речевой аппарат: легкие, бронхи, трахея, гортань, глотка, носовая полость, надгортанник, uvула, небо, язык, зубы, губы. Речевой аппарат состоит из трех основных частей. Первую часть

Рис. 1

образуют диафрагма, легкие, бронхи и трахея; это своеобразные «мехи», которые образуют струю воздуха, движущуюся из легких по бронхам и трахее к гортани. Вторая часть — гортань, состоящая из трех хрящей (см. рис. 1). К щитовидному и черпаловидному хрящам прикреплены голосовые связки. Струя воздуха, поступающая из легких, приводит в движение связки, колебанием которых создается основной тон звука.

Третья часть — резонатор, состоящий из ротовой и носовой полости; здесь на основной тон накладываются дополнительные обертоны. Если uvула (маленький язычок) продвинута вперед и закрывает проход в ротовую полость, то струя воздуха устремляется в носовую полость, в этом не изменяемом по форме и объему резонаторе звук приобретает носовой, или назальный, тембр, например, при произнесении русских согласных [м, н] или французских носовых гласных. Если же uvула продвинута назад, то она закрывает проход в носовую полость и струя воздуха движется в ротовую полость. Движениями языка, нижней челюсти и губ меняется объем и конфигурация этого резонатора, благодаря чему и создается все богатство звуков человеческой речи. На основании того, какие органы речи работают и как они работают, построена артикуляционная классификация звуков речи.

§ 4. Артикуляционная классификация звуков речи

Гласные и согласные звуки. Если струя воздуха свободно проходит через носовую или ротовую полость, не встречая на своем пути никаких препятствий, то произносится гласный звук. Если же струя воздуха вынуждена преодолевать тем или иным способом то или иное препятствие, то произносится согласный звук. Гласные звуки состоят из чистого тона; преодоление препятствия всегда создает шум, поэтому согласные — шумные звуки.

Глухие, звонкие и сонорные согласные. Если согласный звук состоит из одного шума, то это глухой согласный; таковы русские согласные [п, ф, х, ц, ч, ш, т] и др. Если согласный звук состоит из шума и тона, но шум преобладает, то это звонкий согласный; таковы русские согласные [б, в, г, ж, д, з] и др. Если же, наоборот, тон преобладает над шумом, то это сонорный согласный звук; таковы русские сонорные [л, м, н, р].

Классификация согласных

Качество согласного звука зависит от того, какие органы речи образуют препятствие (место образования) и каким способом это препятствие преодолевается. По месту образования согласные делятся на губно-губные, губно-зубные, переднеязычные межзубные, переднеязычные зубные, переднеязычные гингивальные (лат. *gingiva* — ‘десна’), переднеязычные альвеолярные (альвеолами называют бугорок над верхними зубами), переднеязычные небные, среднеязычные средненебные, заднеязычные средненебные, заднеязычные задненебные, заднеязычные глубокие, увулярные, надгортанные, гортанные.

По способу образования согласные делятся на **фрикативные** (лат. *fricatio* — ‘трение’), когда органы речи образуют щель и шум возникает от трения струи воздуха об эту щель, и **смычные**, когда органы речи образуют полную преграду — смычку, а струя воздуха так или иначе преодолевает эту смычку, образуя шум. В зависимости от способа преодоления преграды смычные делятся на **взрывные**, когда смычка преодолевается взрывом, **аффрикаты** (лат. *affricare* — ‘притирать’), когда смычка мгновенно переходит в щель, **носовые**, когда струя воздуха проходит через носовую полость, **боковые**, когда смычка не преодолевается, а струя воздуха проходит между языком и щеками, **дрожашие**, когда вибрирующий кончик языка последовательно смыкается и размыкается с альвеолами.

Каждый звук речи должен быть охарактеризован по этим двум признакам — месту и способу образования. Приведем примеры.

Фрикативные звуки: англ. [w] — губно-губной, русск. [ф] — губно-зубной, англ. [ð] — переднеязычный межзубный, русск. [с] — переднеязычный зубной, русск. [ш] — переднеязычный задненебный, русск. [ж] — среднеязычный средненебный, укр. [gʷ] — полумягкий звонкий заднеязычный средненебный (напр. в слове *геть!*), южно-русс. [g] — твердый звонкий заднеязычный задненебный, узбек. [x] — заднеязычный глубокий (напр. в слове *хана* ‘дом’), арабск. [z] — надгортанный, чешск. [h] — звонкое гортанное придыхание, напр. в слове *hrad*, или англ. глухое гортанное придыхание, напр. в слове *house* ‘дом’.

Смычные взрывные звуки: русск. [п] — губно-губной, русск. [д] — переднеязычный зубной, нем. [d] — переднеязычный гингивальный, англ. [d] — переднеязычный альвеолярный, бенгали [d] — переднеязычный переднеязычный, русск. [г] — заднеязычный заднеязычный, казах. [к,] — заднеязычный глубокий (напр. в слове *кыз* ‘девушка’, нем. [h] — гортанный кнаклаук перед начальными гласными.

Смычные аффрикаты: русск. [ц] — переднеязычный зубной, русск. [ч] — переднеязычный переднеязычный.

Смычные носовые звуки: русск. [н] — переднеязычный зубной, нем. [n] — переднеязычный гингивальный, англ. [n] переднеязычный альвеолярный, бенгали [n] — переднеязычный небный, исп. [ɲ] — среднеязычный среднеязычный, напр., в слове *niño* ‘мальчик’ казах. [ŋ] заднеязычный среднеязычный, напр. в слове *эртенг* ‘утро’, англ. [ŋ] — заднеязычный глубокий в слове *morning* ‘утро’.

Смычные боковые звуки: русск. [л] — переднеязычный зубной, англ. [l] — переднеязычный альвеолярный, исп. [l] — среднеязычный среднеязычный.

Смычные дрожащие звуки: русск. [р] — переднеязычный переднеязычный, франц. [r] — увулярный.

Кроме основной артикуляции согласные звуки могут иметь дополнительную артикуляцию — так называемую **палатализацию**, когда средне-передняя часть языка поднимается к твердому небу (лат. *palatum*), что вызывает изменение шума, которое метафорически называют смягчением.

Таким образом, артикуляционная классификация согласных звуков включает в себя следующие признаки:

- 1) глухой / звонкий / сонорный;
- 2) место образования;
- 3) способ образования;
- 4) палатализованный / непалатализованный (мягкий / твердый).

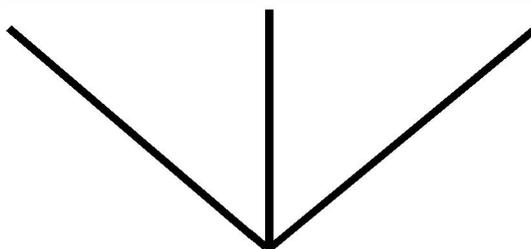
Классификация гласных

Гласные — тоновые звуки и различаются качеством тона. Различие в качестве тона достигается за счет изменения конфигурации резонатора движениями языка. Язык может двигаться вперед и назад, вверх и вниз. Гласные, которые образуются без передвижения языка вперед или назад, называются гласными **среднего ряда**; движение языка вперед создает гласные **переднего ряда**, движение назад создает гласные **заднего ряда**. Гласные, которые образуются без движения языка вверх, называются гласными **нижнего подъема**; гласные, образуемые движением языка вверх, называются гласными **среднего и верхнего**

подъема. На основе этих двух признаков — ряда и подъема — русские гласные можно классифицировать следующим образом:

Подъем	Ряд		
	<i>Передний</i>	<i>Средний</i>	<i>Задний</i>
<i>Верхний</i>	и	ы	у
<i>Средний</i>	э		о
<i>Нижний</i>		а	

Однако эта классификация слишком приблизительна и груба, в ней не находят места даже все русские гласные, не говоря уже о гласных звуках всех языков мира. Из множества попыток создать универсальную классификацию гласных¹ нам представляется наиболее удачной таблица Л.В.Щербы. Дело в том, что реальное движение языка таково, что передвижение вперед или назад является и передвижением вверх; кроме того, язык может двигаться вертикально. Эти три направления движения языка и отражает таблица Л.В.Щербы: верхне-переднее, верхне-заднее и вертикальное:

На этих лучах могут быть с любой степенью точности отражены любые гласные звуки любого языка. Форму резонатора могут изменять еще и губы, такие гласные называются огубленными, или лабиализованными; на схеме они помещаются на внешней стороне луча, нелабиализованные — на внутренней стороне. Наконец, резонатором может быть не только ротовая, но и неизменяемая носовая полость; гласные этого тембра называются назальными.

Таким образом, артикуляционная классификация гласных звуков включает в себя следующие признаки:

- 1) степень продвижения вперед или назад (ряд)
- 2) степень продвижения вверх (подъем)
- 3) лабиализованность
- 4) назальность.

¹ См. о них в кн.: Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. С.32—40.

§ 5. Слог. Ударение. Такт. Фраза

Несколько звуков, а иногда и один звук могут составлять **слог**. То, что слог не иллюзия, а реальная фонетическая единица, доказывает поэтическая речь. Ее ритм создается чередованием ударных и безударных слогов. Если в ямбический стих, состоящий из чередования безударного и ударного слогов, добавить лишний слог, то стих разрушится; ср., например:

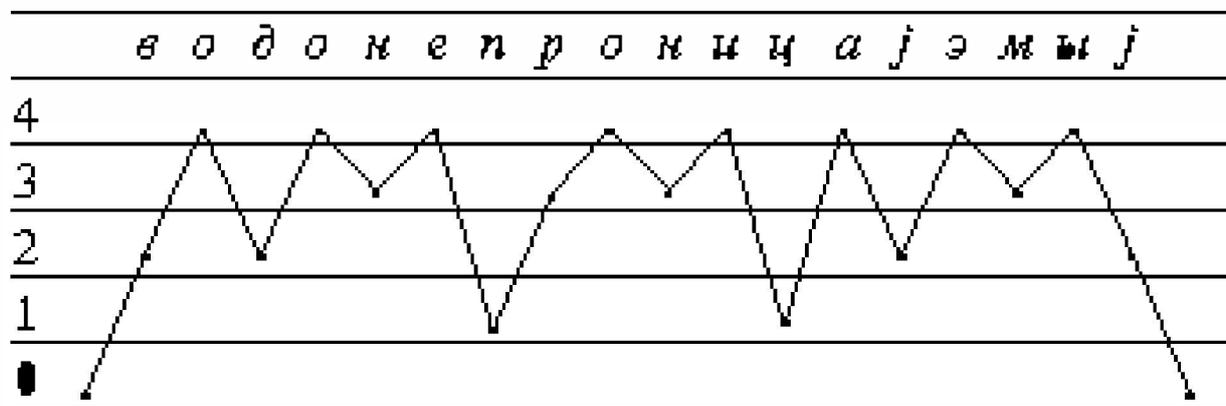
*У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...*

и

У лукоморья тополь зеленый...

Один звук в слогe является слоговым (слоγοобразующим), а все прочие — неслоговые. Что это значит? Какова акустическая природа слогового звука? Где проходит граница между слогами в слове? На эти вопросы пока нет окончательных ответов. Рассмотрим одну из наиболее убедительных теорий слогообразования.

Эта теория исходит из того, что звуки различаются по степени звучности: если звучность глухих согласных обозначить единицей, то звучность звонких согласных равна 2, сонорных — 3, гласных — 4 единицам. Во многих словах, таким образом, звучность то повышается, то понижается, то есть распределяется волнообразно, что хорошо видно на схеме:

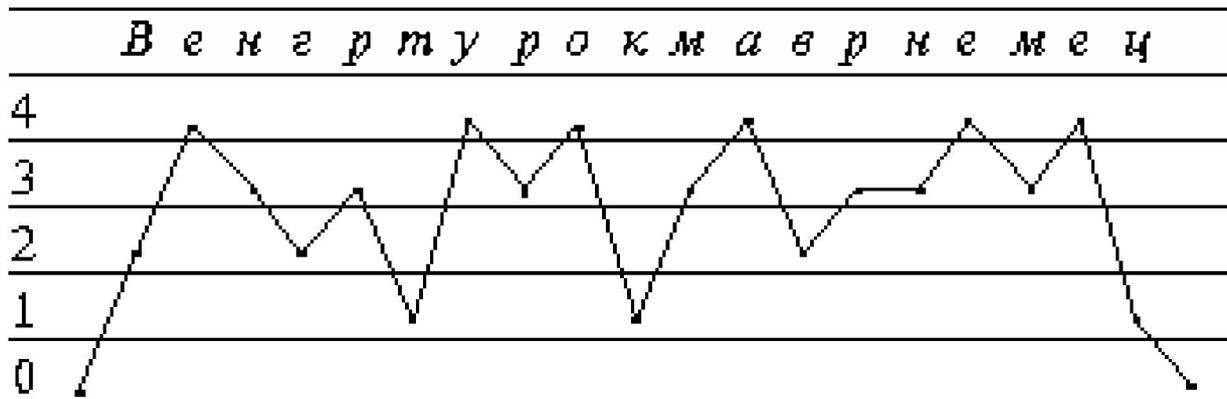

На схеме видно, что у этого слова восемь «горбов» — пиков звучности, — следовательно, восемь слогов; граница между слогами проходит в местах впадин между «горбами»: *во-до-не-про-ни-ца-е-мый*. «По этой теории, слогообразующий звук — тот, который сонорнее окружающих»². Эта теория называется теорией волны sonorности, она позволяет объяснить многие факты. Например, двустипшие

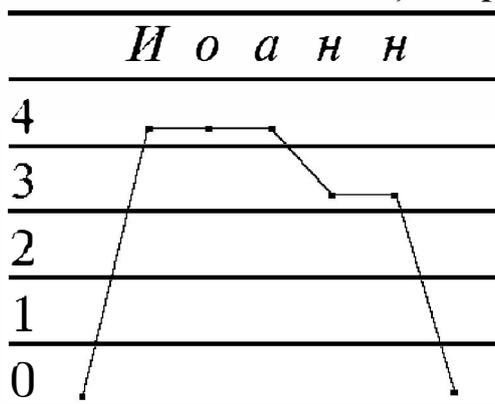
² Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. С. 72.

*Венгр, турок, мавр, немец
Очень любят красный перец*

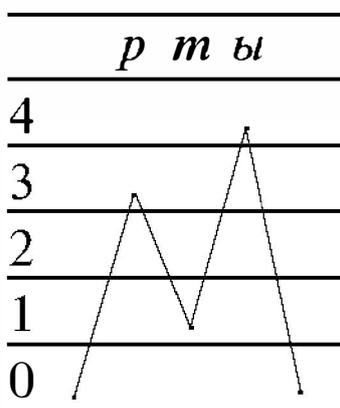
написано хореем, значит, слова *венгр* и *мавр* — двусложные? Проверим:

На схеме видим восемь «горбов», два из которых образованы сонорными согласными *р*: так как они в данном случае «сонорнее» окружающих, то и являются слоговыми; в слове же *турок* сонорный *р* находится между более звучными гласными и потому слоговым не является. Однако есть такие слова, в которых невозможно при помощи волны сонорности установить слоговое деление, например, в имени *Иоанн*:

«Горб» — один, а слогов, конечно, три. В слове же *рты* по этой теории оказывается два слога:

Два «горба» — два слога, хотя в любом стихотворении это слово используется как односложное. М.В. Панов пытается примирить теорию с фактами: в словах типа *Иоанн* в действительности три «горба», так как между гласными *и-о-а* происходит понижение и новое повышение тона; в словах типа *рты* действительно два слога, од-нако в первом слоге слогообразующим является не сонорный *р*, а *ъ*-образный призвук, который воспринимается звукозаписывающим аппаратом: [*зрты*]; но, не являясь системным, этот призвук не воспринимается нашим сознанием, и потому слово с лингвистической точки зрения — односложное³.

Слоги бывают **открытыми**, то есть оканчивающимися на гласный, и **закрытыми** — оканчивающимися на согласный; **прикрытыми**, то есть начинающимися с согласного, и **неприкрытыми** — начинающимися с гласного; наконец, **ударными** и **безударными**.

Что такое ударение? **Ударение** — выделение одного из слогов с помощью различных фонетических средств. Ударным называется акустически выделенный звук. Водных языках, например китайском, акустическим средством выделения является тон: ударный звук — это звук, произнесенный повышенным тоном. Такое ударение называется тоновым. В других языках, например в русском, акустическим средством выделения является сила: ударный звук — это звук, произнесенный с большей силой. Такое ударение называется силовым, или динамическим. Долгое время казалось, что ударный звук произносится сильнее других звуков в слове, однако исследования при помощи специальных аппаратов показали следующее. В словах *пи́ла* и *ли́па* звук [а] всегда сильнее, то есть независимо от того, является он ударным или безударным, а звук [и] — всегда слабее. Таким образом, в слове *липа* звук [и] слабее звука [а], но тем не менее является ударным. Этот парадокс удалось объяснить Н.И. Жинкину. Он считает, что у каждого звука есть свой порог ударности, достигнув которого, он становится ударным. Так, в слове *липа* звук [и] хотя и слабее звука [а], но он превысил *свой* порог ударности, тогда как звук [а] хотя и сильнее звука [и], но он не достиг своего порога ударности, поэтому [и] — ударный звук, а [а] — безударный. Таким образом, ударный звук является более сильным не по отношению к другим звукам слова, а по отношению к собственному порогу ударности⁴.

Бывают языки с **фиксированным** и **нефиксированным ударением**. Так, в чешском языке ударение всегда падает на первый слог, в

³ См.: Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. С. 73—75. О других теориях слога см. там же, с. 75—77.

⁴ См.: Жинкин Н. И. Восприятие ударения в словах русского языка // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. Вып. 54. М., 1954.

польском — на предпоследний, во французском — на последний слог. В русском языке ударение является нефиксированным. Кроме того, в русском языке ударение является подвижным, то есть меняет свое место в разных формах одного слова: *голова́, го́ловы, голо́вушка*. Благодаря своей нефиксированности и подвижности ударение в русском языке может быть средством различения слов и грамматических форм: *го́ловы — головы́, замо́к — за́мок*.

Тактом называется совокупность слогов, объединенных одним ударением. Такт может быть равен слову, но может быть и не равен, когда к слову примыкает спереди или сзади односложное служебное слово, так называемые проклитики и энклитики: *на́ дом, чита́л бы, кто́-то*. Из-за энклитик и проклитик возможно неверное восприятие и понимание фраз; так, один мальчик, еще не умевший читать, на слух название комедии А.С. Грибоедова воспринял и понял как «Горе Атума».

Как разделить непрерывно звучащую речь на такты? На этот вопрос отвечает формула А.А.Потебни. Примем силу ударного слога за 3 единицы, тогда сила первого предупредительного слога будет равна 2 единицам, сила всех остальных слогов 1 единице:

...11123111...

Будем непрерывно повторять слово *замок*:

замокзамокзамокзамокзамокзамокзамокзамок

Если произношение отвечает формуле *3131313131*, то это слово — *збмок*, если же оно отвечает формуле *2323232323*, то это слово — *замо́к*. Как разделить на такты фразу, отвечающую формуле *1231323*? Только так: *1231/3/23*. А как разделить на такты фразу *31123*? Есть несколько возможностей: а) *3/1123*, б) *31/123*, в) *311/23*. Из-за этого также возможно неверное восприятие на слух звучащей речи. Рассказывают, что «один мальчик так понял строчки М.Ю. Лермонтова:

*Не видно на нем капитана,
На нем флюгеране шумят...»⁵*

В самом деле, сочетание *флюгера не шумят* — *1 2 3 1 2 3* можно поделить на такты или так: *123/123*, т.е. *флюгера не шумят*, или так: *1231/23*, т.е. *флюгеране шумят*.

Фразой называется группа тактов, отделенная от других паузами и объединенная интонацией. Фраза — явление фонетическое и потому далеко не всегда равна предложению; например, многочленное сложное предложение может состоять из нескольких фраз.

Интонация — понятие сложное; оно включает в себя такие признаки, как мелодика, ритм, логическое ударение, темп, интенсивность, эмоциональная окраска.

⁵ Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. С. 83.

Мелодика состоит из повышений и понижений голоса, причем условия, при которых происходит это повышение или понижение, в каждом языке своеобразны, поэтому мелодика итальянской речи отлична от мелодики немецкой речи, мелодика английской — от мелодики испанской, мелодика русской — от французской и т. п. Овладение мелодикой чужого языка — одна из самых сложных задач его изучения.

Средний **ритм** речи также является одной из характеристических черт языка: средний темп испанской речи заметно выше среднего темпа греческой речи.

Логическое ударение — это интонационное выделение одного из слов фразы, которое для говорящего является смысловым центром фразы, включает в себе ту информацию, которую говорящий хочет сообщить слушающему. Сравним:

Вася идет в школу.
Вася *идет* в школу.
Вася идет *в школу*.

В первой фразе сообщается, что именно Вася, а не кто-то другой идет в школу. Во второй фразе сообщается, что Вася идет в школу, а не остается дома. В третьей фразе сообщается, что Вася идет в школу, а не в театр. Это различие в информации достигается за счет логического ударения (подробнее об этом см. в разделе о синтаксисе).

Темп речи — величина произвольная, поэтому он является выразительным средством: в замедленном темпе есть что-то важное, торжественное, в скороговорке — что-то взволнованное.

Интенсивность — также величина произвольная: одну и ту же фразу можно прокричать, сказать громко, тихо, прошептать. Интенсивность поэтому является выразительным средством: в исступлении — орут, приказы — выкрикивают, лекции читают громко, о чем-то интимном сообщают тихо, полупшепотом или шепотом.

Эмоциональная окраска — это такие тембровые наслоения, которые делают речь игривой, высокомерной, гордой, гневной, насмешливой, ироничной, грустной, обиженной, капризной и т. д.

§ 6. Комбинаторные изменения в потоке речи

В потоке речи артикуляция одного звука взаимодействует с артикуляцией другого звука, происходит приспособление одного звука к другому. Такое приспособление принято называть комбинаторными изменениями звуков. Существует несколько видов комбинаторных изменений.

Аккомодация (лат. *accomodatio* — «приспособление») возникает чаще всего между согласными и гласными звуками. Так, в русском языке гласный, приспособляясь к окружающим его мягким согласным, становится более передним и узким (закрытым); сравним: [вол — в'ол; рад — р'ад; кон — к'он'; мол — м'ол'; м'эл — м'ёл']. В общеславянском языке V—XI вв. была обратная зависимость, а именно заднеязычные согласные аккомодировали гласным переднего ряда, в результате чего происходили так называемые палатализации заднеязычных, следы которых сохранились до настоящего времени: **старикы** — **старче**, где [к] аккомодировало гласному переднего ряда [е]; **лыгати** — **лыжь**, где [г] аккомодировало гласному переднего ряда [ь]; **дѡу҃хы** — **ѡу҃сѧ**, где [х] аккомодировало [ѣ] (э). Во французском и английском языках согласные приспособляются к гласным, являясь чуть более палатализованными перед или после гласных передней зоны образования; ср. произношение англ. [m] в словах *most* — *meet*.

Ассимиляция (лат. *assimilatio* — «уподобление, отождествление») — это уподобление одного звука другому, но того же рода, то есть гласного гласному, согласного согласному. Ассимиляция может быть полной и неполной. Например: *сжечь* [ж:'ѣч'] — полная, *бантик* [бан'т'ик] — неполная — по признаку мягкости; *обман* в диалектном произношении [омман] — полная; *Ванька* в диалектном произношении [ван'к'а] — неполная — по признаку мягкости; *ребенок* в диалектном произношении [роб'онок] — полная межслоговая ассимиляция гласных.

Диссимиляция — это расподобление звуков одного рода; она может быть как контактной, так и дистактной. Например: *коридор* (дистактная, расподобление *p* — *p* по месту и способу образования), *секретарь* (дистактная, расподобление *p* — *p* по месту и способу образования), *бомба* (контактная, расподобление *m* — *b* по месту образования), *транвай* (контактная, расподобление *m* — *v* по месту образования), *што* (контактная, расподобление *ч* — *t* по способу образования).

Диэреза, то есть выпадение звука или слога (последнее называется еще гаплогогией), особенно часто наблюдается в быстрой речи. Так, мы произносим *бывает* как [быват], *будем* как [бум], *человек* как [челаэк], *когда* как [када], *сколько* как [скока], *сердце* как [серце], *лестница* как [лесница].

Эпентеза, напротив, вставка звука. В русском языке она наблюдается между гласными в просторечном произношении заимствованных слов: *Ларивон*, *Родивон*, *Левонтий*, *радиво*, *какаво*, *скорпиен*, *шпиен*, *фиалка*. В немногих случаях эпентезу можно встретить и в исконно русских словах: *ндрав*, *страм*.

Протеза представляет собой «приставку» звука перед словом: *вострый*, *восемь* (ср. лат. *octo*), *гусеница* (корень *ус*, ср. *за-ус-енец*),

аржаной (ср. фамилию *Аржанов*). Тюркские языки при заимствовании некоторых слов, чтобы избежать скопления согласных в начале слова, почти всегда добавляли протезу: *ыстакан*, *ыштаны*.

Метатеза — это перестановка звуков или слогов в слове: *тарелка* (ср. нем. *Teller*, польск. *talerz*), *Фрол* (ср. лат. *flor* ‘цветок’), *Селиверст* (ср. лат. *silvester* ‘лесной’), *нерв* (ср. греч. $\epsilon\upsilon\lambda\eta\theta\iota\omicron$, отсюда *невроз*, *неврит*), *медведь* < *ведмедь* ‘ведающий мед’, *ладонь* < *долонь* (ср. церковнослав. *длань*, а также *долина*, *долгий*).

Некоторые из этих комбинаторных изменений возникли случайно, некоторые же — в соответствии с фонетическими законами конкретного языка, которые изучает соответствующий раздел языкознания.

Артикуляционная характеристика звуков речи при всей ее практической значимости еще не вскрывает специфики звуков человеческой речи. И лай собаки, и кукареканье петуха, и карканье вороны, и мяуканье кошки тоже имеют свою артикуляцию и могут быть соответствующим образом описаны. Известны случаи, когда люди с поврежденным речевым аппаратом (вместо языка был небольшой отросток, отсутствовали зубы и т.д.) безусловно произносили звуки, называемые язычными или зубными. Это значит, что «все произносимые нами звуки могут быть получены в случае необходимости совсем иным путем, причем это никак не отразится на акустическом эффекте»⁶. Попугай, чей речевой аппарат сильно отличается от человеческого, способен весьма ясно артикулировать звуки человеческого языка. Кроме того, в реально звучащей речи мы, строго говоря, вообще не имеем отдельных звуков. Рентгенофильмы, на которых была заснята работа речевых органов, показали, что «звуки не следуют друг за другом, — они переплетаются друг с другом: артикуляция звука, который по акустическим впечатлениям следует за некоторым другим звуком, может происходить одновременно с артикуляцией последнего или частично даже до нее»⁷. Из этого следует, что мы сначала, хотя бы и *бессознательно*, выделяем какие-то единицы речи, а потом описываем их артикуляцию. Иными словами, сама артикуляционная характеристика основывается на чем-то более глубоком, чем работа органов речи, и это более глубокое основание есть *функция звуков речи*. Без учета функциональной значимости артикуляционная и акустическая характеристики будут превращаться в бессмысленное накопление эмпирических данных, в которых нельзя разобрать, что важно, а что нет; напротив, функциональный взгляд позволяет разобраться во всей гряде накопленных фактов. Функциональный подход и раньше скрытно присутствовал в артикуляционных

⁶ *Якобсон Р.* Звук и значение // *Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985. С. 37.

⁷ Там же. С. 36.

описаниях, но лишь в XX веке лингвисты поняли, что специфика звуков человеческой речи заключается не в их акустических и артикуляционных свойствах, а в их третьей, функционально-лингвистической, стороне, а именно — в *способности различать смысл*. Изучением функциональных свойств звуков речи занимается особый раздел фонетики, получивший название **фонологии**.

§ 7. Функциональные свойства звуков речи. Фонология

Попытаемся ответить на вопрос: *сколько звуков в языке?* Ответ очевиден: их бесконечно много, ибо сколько людей — столько и звуков, да и отдельный человек в разные моменты своей жизни говорит по-разному. Тем не менее мы каким-то образом понимаем речь друг друга. Это значит, что в нашей речи наряду с случайным и особенным есть что-то неслучайное и всеобщее, свойственное не индивиду, а языку, языковой системе, которая реализуется особенным образом в речи каждого из нас. Следовательно, надо найти элементы языковой системы, отделив их от того, что хотя и произносится, но элементом системы не является. В 20—30-е годы XX в. сложились две научные школы, которые сумели решить эту задачу, причем разными способами. Одна школа сложилась в Москве (А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов, с 50-х годов М. В. Панов), ее принято называть МФШ — московская фонологическая школа. Другая школа сложилась в Праге (кн. Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон) в составе Пражского лингвистического кружка — ПЛК. Рассмотрим сначала фонологическую концепцию МФШ.

Ученые МФШ исходили из признания того, что фонетика языка представляет собой живое единство противоположностей, а именно единство бесконечного и конечного: бесконечного количества звуков, которые объединяются в конечное количество элементов, названных **фонемами**. Следовательно, задача заключается в том, чтобы найти принцип объединения звуков в фонемы.

Посмотрим, чем в произношении отличаются слова *рад* и *ряд*: [рат] — [р'ât]. Как видим, они отличаются твердостью и мягкостью первого согласного и открытостью и закрытостью гласного, однако в действительности эти слова различаются только твердостью и мягкостью согласного, только этот признак является, как говорят, фонологически значимым. Почему? Потому, что есть слова, которые различаются только этим признаком и никаким другим, например: *жест* — *жесть* [жэст — жэс'т']. В то же время мы никогда

не найдем (конечно, в русском языке, т.е. в одной фонологической системе) таких слов, которые различались бы открытостью и закрытостью гласного [а — â]. Кто хочет, пусть удостоверится в этом сам. Получается, что закрытость гласного в русском языке — не самостоятельный признак, она возникает как следствие влияния звукового окружения. Значит, звуки [а — â], несмотря на свое артикуляционное различие, составляют одну единицу, так как элемент, который только сопровождает другой элемент, сам не является элементом системы. Фонетические позиции, в которых звук испытывает влияние соседей, называются *перцептивно слабыми*; если же звуки не испытывают влияния соседей, то они находятся в перцептивно сильных позициях.

Слова *вол* — *вал* различаются гласными [о — а], а те же слова во множественном числе в произношении не различаются: [вУлы — вУлы]. Звуки [а — о] в первом предударном слоге сокращаются количественно, или редуцируются, и изменяют свое качество — сливаются в одном неразличимом на слух звуке [У], то есть нейтрализуются. Позиции нейтрализации звуков называются **сигнификативно слабыми**, если же нейтрализации звуков в какой-либо позиции не происходит, то такая позиция является для них **сигнификативно сильной**.

В словах *вел* — *вял* [в'ол — в'âl] звуки [ô — â] находятся в перцептивно слабой позиции, тем не менее они различают два слова, значит, перцептивно слабая позиция может быть сигнификативно сильной.

Из этих наблюдений следуют такие выводы:

1) звуки являются полноценными различителями смысла в сигнификативно сильных позициях; это — основной вариант фонемы, который для краткости называют просто фонемой;

2) звуки в перцептивно слабых, но сигнификативно сильных позициях хотя и испытывают влияние звукового окружения, все же являются полноценными различителями смысла; это — позиционные вариации фонем;

3) звуки в сигнификативно слабых позициях, позициях нейтрализации, не являются полноценными различителями смысла; это — позиционные варианты фонем.

Теперь мы можем дать такое определение фонемы: **фонема** — это фонетическая единица, которая служит для различения смысловых единиц языка (слов и морфем); фонема представлена в языке совокупностью позиционных вариаций и вариантов.

Для того чтобы определить состав фонем любого языка, нужно сначала выяснить, какие фонетические позиции являются для данного языка сигнификативно и перцептивно сильными и слабыми, затем в сигнификативно сильных позициях выявить состав фонем, а в

сигнификативно и перцептивно слабых позициях — состав вариаций и вариантов фонем. Проиллюстрируем это на примере русского языка.

Гласные фонемы. В русском языке сигнификативно сильной для гласных фонем является позиция под ударением в абсолютном начале слова или после твердых согласных. Опыт убеждает нас, что в этой позиции употребляется всего пять различных единиц, то есть в том, что в русском языке — 5 гласных фонем: <и — э — а — о — у>. В самом деле, в русском языке слова различаются только этими фонемами: <вол — вал; гул — гол; жир — жар; шэс 'т' — шас 'т'; бук — бак — бок — бык> и т.п. В этом составе фонем мы не находим привычного нам со школьной скамьи звука [ы]. Разве он не различает слова? Например: *был* — *бил* [был — б'ил], *мыл* — *мил* [мыл — м'ил]. Неужели [ы] — не самостоятельная фонема? Действительно, это так: [ы] не фонема. Напомним еще раз: только те звуки являются полноценными различителями смысла, то есть самостоятельными фонемами, которые встречаются в одном фонетическом окружении. Встречаются ли в одном фонетическом окружении звуки [и — ы]? Исследование показывает, что нет, не встречаются: [и] встречается только после мягкого согласного, [ы] — только после твердого, там, где возможно [ы], невозможно [и], и наоборот. Про такие звуки говорят: они находятся в дополнительном распределении, или дистрибуции, и являются вариантами одной фонемы. Какой из этих вариантов основной? Тот, что встречается в сигнификативно и перцептивно сильной позиции; таким является вариант [и], именно он употребляется под ударением в абсолютном начале слова: *иго*, *иглы*, *из-за*; [ы] — вариант этой фонемы в позиции после твердого согласного. Что касается слов типа *был* — *бил*, *мыл* — *мил*, то они различаются не гласными фонемами, так как это одна фонема, а твердостью — мягкостью начального согласного.

Сигнификативно сильной, но перцептивно слабой позицией гласных фонем является позиция под ударением после, перед или между мягкими согласными; здесь гласные фонемы представлены за-крытыми вариациями; в транскрипции над этими гласными ставится знак крышечки или одна или две точки:

<a> — *мял* [м'âл], *враль* [врâл'], *прядь* [пр'âд'];

<o> — *вел* [в'ôл], *моль* [мôл'], *тетя* [т'ôт'ь];

<э> — *мел* [м'êл], *шельф* [шêл'ф], *день* [д'êн'];

<y> — *люк* [л'ÿк], *руль* [рÿл'], *чуть* [ч'ÿт'];

<i> — *бил* [б'ÿл], *гниль* [гн'ÿл'].

Сигнификативно слабой позицией гласных фонем, кроме <y>, является безударная позиция. При этом качество редукации фонем зависит, во-первых, от расположения безударного слога: в этом отношении различаются позиции первого предударного слога и всех

прочих слогов; во-вторых, от качества предыдущего согласного — его твердости или мягкости.

А. Редукция гласных после твердых согласных

Фонема	Первый предударный слог	Второй предударный слог	Ударный слог	Заударный слог
<a>	[ъ] бастурма [бъстурма́]	[Û] трава [трÛва́]	[a] дар [да́р]	[ъ] рама [ра́мъ]
<o>	[ъ] волокно [вълÛкно́]	[Û] вода [вÛда́]	[o] дом [до́м]	[ъ] рано [ра́нь]
<э>	[э] шестопер [шъстÛп'ор]	[ы³] шестой [шы³сто́й]	[э] шест [шэст]	[ъ] больше [бо́льшъ]
<и>	[ъ] живодер [жъвÛд'ор]	[ы³] жираф [жы³ра́ф]	[ы] жир [жыр]	[ъ] лыжи [лыжь]

Вабсолютном начале слова в безударной позиции все гласные «ведут себя» так же, как и в первом предударном слогe: *абрикос* [Û]брикос, *орошение* [Û]рошение, *энциклопедия* [ы³]нциклопедия.

Б. Редукция гласных после мягких согласных

Фонема	Первый предударный слог	Второй предударный слог	Ударный слог	Заударный слог
<a>	<ь> пяточок [п'ътÛч'ок]	<и³> пятак [п'ятáк]	<a> пять [п'áт]	<ь> пуля [пул'ь]
<o>	<ь> темнота [т'ьмнÛта́]	<и³> темно [т'и³мнó]	<o> четки [ч'óтк'ь]	<ь> затемно [зát'ьмнъ]
<э>	<ь> лесовод [л'ьсÛвóт]	<и³> леса [л'и³са́]	<э> Лева [л'óвь]	<ь> после [пóсл'ь]
<и>	<ь> миролюб [м'ьрÛл'уп]	<и³> миры [м'и³ры́]	<и> мир [м'ир]	<ь> грабли [гра́бл'ь]

Из этих таблиц видно, что позиция первого предударного слога после твердых согласных является позицией нейтрализации

фонем <а — о> = [Û] и фонем <э — и> = [ы^э]. Позиция остальных предударных и заударных слогов после твердого согласного является позицией нейтрализации фонем <а — о — э — и> = [ь].

Позиция первого предударного слога после мягких согласных является позицией нейтрализации фонем <а — о — э — и> = [и^э]. Позиция остальных предударных и заударных слогов после мягких согласных является позицией нейтрализации фонем <а — о — э — и> = [ь].

Теперь не составляет труда определить состав вариаций и вариантов каждой гласной фонемы русского языка (сначала идет основной вариант, после одной косой — вариации, после двух косых — варианты):

$$\begin{aligned} \langle a \rangle &= [a / \hat{a} // \dot{U} \text{ и}^{\text{э}} \text{ ь } \text{ь}] \\ \langle o \rangle &= [o / \hat{o} // \dot{U} \text{ и}^{\text{э}} \text{ ь } \text{ь}] \\ \langle \text{э} \rangle &= [\text{э} / \hat{\text{э}} // \text{ы}^{\text{э}} \text{ и}^{\text{э}} \text{ ь } \text{ь}] \\ \langle \text{и} \rangle &= [\text{и} / \hat{\text{и}} // \text{ы} \text{ и}^{\text{э}} \text{ ь } \text{ь}] \\ \langle \text{у} \rangle &= [y / \hat{y}]. \end{aligned}$$

Совокупность вариантов и вариаций фонемы называется ее фонемным рядом.

Согласные фонемы. В русском языке сигнификативно сильными позициями для согласных фонем являются: 1) перед гласным, 2) перед сонорными согласными, 3) перед [в — в’]. В этом нетрудно убедиться: слова *том — дом* [том — дом] различаются фонемами <т> и <д> перед гласным [о]; слова *мол — мел* [мол — м’ол] различаются фонемами <м> и <м’> также перед гласным [о]; слова *враг и фрак* [врак — фрак] различаются фонемами <в> и <ф> перед сонорным [р]; слова *дверь — Тверь* различаются фонемами <т> и <д> перед [в’].

Исследование показало, что в этих позициях различаются 34 фонемы, которые и образуют систему согласных фонем русского языка; это <б — б’ — п — п’ — в — в’ — ф — ф’ — м — м’ — н — н’ — л — л’ — р — р’ — д — д’ — т — т’ — з — з’ — с — с’ — ж — ж:’ — ш — ш:’ — г — к — х — ц — ч’ — j’>.

Сигнификативно сильной, но перцептивно слабой позицией являются такие позиции.

Для заднеязычных согласных это позиция перед гласными переднего ряда, где они смягчаются: *рука — руки* [рука — рук’ь], *нога — ноги* [нÛга — ног’ь], *муха — мухи* [мухь — мух’ь]. Почему [к’ — г’ — х’] не самостоятельные фонемы наподобие <п’ — д’ — в’ — с’> и др.? Потому что <к — к’>, <г — г’>, <х — х’> никогда не встречаются в одном окружении, следовательно, они находятся в дополнительной дистрибуции; поэтому мягкость заднеязычных согласных позиционно обусловлена и не является фонологическим,

смыслоразличительным признаком; [к' — г' — х'] — позиционные вариации фонем <к — г — х>.

Сигнификативно слабыми позициями согласных фонем, то есть позициями нейтрализации, являются следующие.

1. Звонкие и глухие парные фонемы не различаются а) на конце слова, б) перед глухими шумными, в) перед звонкими шумными: *серб* — *сери* [с'эрип — с'эрип], *обед* — *обет* [Уб'эт — Уб'эт], *маг* — *мак* [мак — мак]; *душка* — *подушка* [душкь — пУдушкь], *леска* — *железка* [л'эскь — жы'л'эскь], *ласка* — *сказка* [ласкь — скаскь], *водка* — *глотка* [воткь — глоткь]; *изба* — *просьба* [изба — проз'бь], *усадьба* — *женитьба* [усад'бь — жы'н'ид'бь].

2. Твердые и мягкие фонемы <н — н'> нейтрализуются перед мягкими зубными шумными, то есть перед [ч'] и [ш:']: *барабан* — *барабаничик* [б'ьриУбан — б'ьриУбан'ш:']к], *жена* — *женщина* [жы'на — жэн'ш:']нь], *бутон* — *бутончик* [бутон — бутон'ч'ьк].

3. Свистящие фонемы <с — с' — з — з'> в позиции перед шипящими <ш — ш:' — ж — ж:'> и аффрикатой <ч'> нейтрализуются, реализуясь в шипящем звуке: *шить* [ш:']т'], *сжить* [ж:']т'], *разжать* [рУж:']ат'], *расщедриться* [рУш:']эдр'ьц:']ь], *расчистить* [рУш:']ис'т'ьт']ь].

Теперь не составит труда определить фонемный ряд той или иной фонемы:

<с> = [с // с' з з' ж ш ш:']; например: *соль* [сол'] // *кость* [кос'т'], *сдать* [здат'], *косыба* [кУз'ба], *сжать* [ж:']ат'], *с Шариком* [ш:']ар'ькьм], *с щеки* [ш:']ик'и];

<з> = [з // з' с с' ж ш ш:']; например: *зуб* [зуп] // *борозда* — *бороздит* [б'ьриУзда — б'ьриУз'д'ит'], *поезд* [по']ьст], *слезать* — *слезть* [сл'и']зат' — сл'эс'т'], *разжалобить* [рУж:']альб'ьт'], *раз шагнуть* [раш:']ьгнут'], *воз щепок* [вУш:']эп'ьк];

<г> = [г / г' // к]; например: *гора* [гУра], *телега* — *телеги* [т'и']л'эгь — т'и']л'эг'ь], *подвиг* [подв'ьк];

<н> = [н — н']; например: *ноты* [ноть], *кафтанчик* [кУфтан'ч'ьк];

<р> = [р]; например: *русло* [русль].

Фонетическая и фонологическая транскрипции

Фонетическая транскрипция — это передача на письме при помощи специальных знаков реально звучащих звуков речи того или иного языка. Совокупность знаков транскрипции называется фонетической азбукой. В настоящее время применяются две азбуки: азбука Международной фонетической ассоциации (МФА), основанная на латинице, и русская фонетическая азбука (РФА),

основанная на кириллице; в той и другой азбуке используются также дополнительные знаки.

В РФА используются следующие знаки. Гласные звуки под ударением обозначаются буквами: **а, о, э, и, ы, у, о**. Гласные звуки в первом предударном слоге обозначаются буквами: **Û, и°, ы°, у**. Гласные звуки в остальных безударных слогах обозначаются буквами: **ь** (ер), **ь** (ерь), **у**. Дополнительными знаками являются: черточка над буквой или двоеточие после буквы, обозначающие долготу гласного, знак **^** или одна или две точки над буквой, обозначающие закрытость гласного в позиции после, перед или между мягкими согласными, а также знаки ударения: **´** — акут, обозначающий основное ударение, и **`** — гравис, обозначающий побочное ударение в таких, например, словах, как *тёмно-с^иний, палеограф^афия, четырёхязычный, Шниц^берген*.

Согласные звуки обозначаются буквами кириллицы: **б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш**. Дополнительными буквами являются: **w, g, j, h, дж°, дз°**. Буква **w** обозначает губно-губной [в], встречающийся в западно- и южнорусских диалектах великорусского наречия, а также в малорусском и белорусском наречиях: [wс'э]. Буква **j** используется для обозначения среднеязычного средненебного звонкого мягкого сонанта. Греческая **g** используется для обозначения заднеязычного фрикативного [г], который произносится в ограниченном круге слов русского литературного языка, а главным образом свойствен южновеликорусским говорам и малорусскому наречию: [гуспъд'ь], [б'эльгбъ гр'и'эбов нÛjt'и]. Буква **h** обозначает гортанный звук придыхательного образования, свойственный английскому, немецкому, чешскому языкам; в русском языке он встречается лишь в немногих междометиях: [aha], [oho], [hm]. Буква **дж°** обозначает звук, являющийся позиционным вариантом фонемы <ч> перед звонким шумными согласными: *испечь бы* [и'сп'эдж'бъ], *начдив* [нÛдж'д'иф]. Буква **дз°** используется для обозначения звука, являющегося вариантом фонемы <ц> перед звонкими шумными: *Шницберген* [шп'идз'б'эрг'ьн]. Кроме того, буквы **дж°** и **дз°** используются для обозначения произношения иностранных слов типа *джаз, джем, джемпер, джинсы, пиджак, джейран, джигит, джут, Вирджиния, Чжан, Чжоу, Джордано, дзюдо, муэдзин, Янцзы и др.* Дополнительными знаками являются черточка над буквой или двоеточие после буквы, обозначающие долготу согласного, и апостроф, обозначающий мягкость согласного.

Вот несколько примеров транскрипции русских слов: *невыносимый* [н'вьнÛс'имъ], *всево-навсево* [фс'и'во-нафс'вь], *счастливый* [ш:'и'сл'ивъ]. Вот пример транскрибирования целого текста (одна косая черта означает границы тактов, две косых — границы фраз):

[м'Ѹд'ад'ь/ самъх/ ч'эснъх/ прав'ьл//
 к'Ѹгдъ/ н'и'фшутку/ зън'и'мок//
 он/ ув'Ѹжат'/ с'и'б'ь/ з'Ѹстав'ьл//
 и'элуч:'ь/ выдумьт'/ н'и'эмок//]

Фонологическая транскрипция — это обозначение при помощи условных знаков состава фонем данного слова или морфемы. В качестве знаков обычно используются буквы какого-либо алфавита. Фонологическую транскрипцию принято заключать в угловые скобки. Рассмотрим пример. Слово *холода* произносится как [х'ьл'Ѹда]. Звук [х] находится в абсолютно сильной позиции и является основным вариантом фонемы <х>. Звук [ъ] находится в сигнификативно слабой позиции и является вариантом фонем <а> и <о>; чтобы узнать, вариантом какой фонемы этот звук является в данном слове, нужно найти его, **в той же самой морфеме**, в сигнификативно сильной позиции; в данном случае это корневая морфема; в сильной позиции этот звук находится в слове *холод*, следовательно, в данном слове звук [ъ] является вариантом фонемы <о>. Звук [л] находится в абсолютно сильной позиции и является вариантом фонемы <л>. Звук [Ѹ] находится в сигнификативно слабой позиции и является вариантом фонем <а> и <о>, но в этом слове это вариант фонемы <о>, так как в сильной позиции находим основной вариант <о> — *холодный*. Звук [д] находится в абсолютно сильной позиции и является основным вариантом фонемы <д>. Звук [а] находится под ударением, то есть в сигнификативно сильной позиции и является вариантом фонемы <а>. Фонологическая транскрипция этого слова такова: <холода>. Как видим, написание слова полностью отражает фонемный состав слова: буквы обозначают не звуки, а фонемы.

Слово *увядший* произносится так : [ув'атш'ь]. Звук [у] находится в сигнификативно сильной позиции и является вариантом фонемы <у>. Звук [в'] находится в абсолютно сильной позиции и является основным вариантом фонемы <в'>. Звук [а] находится в сигнификативно сильной позиции и является вариантом фонемы <а>. Звук [т] находится в сигнификативно слабой позиции и является вариантом фонем <т> и <д>; находим его в той же морфеме, но в сигнификативно сильной позиции: *увядать*, значит это вариант фонемы <д>. Звук [ш] находится в абсолютно сильной позиции и является основным вариантом фонемы <ш>. Звук [ъ] находится в сигнификативно слабой позиции и является вариантом фонем <а>, <о> и <и>; он входит в состав окончания прилагательных и причастий ед.ч., муж.р., им.п., значит, нужно найти это окончание под ударением, хотя бы и в другом слове: *молодой, большой, крутой*; следовательно, звук [ъ] является вариантом фонемы <о>. Звук [ь] находится в сильной позиции и является вариантом фонемы <ь>. Фонологическая транскрипция слова такова: <ув'адш'ь>. Написание

окончания *-ий* является традиционным и не отражает реального фонемного состава этой морфемы.

Слово *корова* произносится так: [к'Уровъ]. Все согласные звуки и гласный [о] находятся в сигнификативно сильной позиции и являются основными вариантами фонем <к>, <р>, <о> и <в>. Звук [ъ] находится в сигнификативно слабой позиции и является вариантом фонем <а>, <о>, и <и>; он является окончанием ед. ч., жен. р., им. п., следовательно, это вариант фонемы <а>: ср. *вода, жена, трава*. Звук [Û] находится в сигнификативно слабой позиции и является вариантом фонем <а> и <о>; найти этот звук в сильной позиции в составе данного слова не удастся, поэтому фонологическая транскрипция слова такова: <ка/орова>. Единицы типа <а/о> принято называть гиперфонемами. Гиперфонема не является особой языковой единицей наряду с фонемой. «Гиперфонема — это фонема на ступени ее неполной языковой выявленности. Поэтому гиперфонема — не особая языковая сущность, иной природы, чем фонема. Слова состоят из фонем. Некоторые из них, языком не выявленные полностью, даны как гиперфонемы»⁸. Написание слова через *о* является традиционным и отражает более древнее состояние языка, когда действовали другие законы и фонема <о> находилась в сильной позиции.

Фонологическая теория помогает нам понять устройство нашего письма, точнее, орфографии. Наше, русское, письмо, как и письмо у многих других народов, является буквенным. Что же обозначается буквами? Приведенные выше примеры показывают, что буквами обозначаются главным образом фонемы, то есть наше письмо является фонологическим. Фонологический принцип написания означает, что буквой обозначается фонема, в какой бы позиции она ни находилась и каким бы звуковым вариантом ни выражалась. В некоторых случаях наша орфография отступает от фонологического принципа: например, одни и те же приставки мы пишем то как *раз-*, *воз-*, *из-*, то как *рас-*, *вос-*, *ис-*; или один и тот же корень мы пишем то как *зори*, то как *заря* вместо фонологически более правильного **зоря*; это — уступка фонетическому принципу, когда буква обозначает звук. В некоторых же случаях наша орфография является традиционной; там, где имеет место гиперфонема, оно и не может быть иным. Можно с уверенностью сказать, что русская орфография по ясности своих принципов является одной из самых совершенных в мире, далеко превосходя французскую или английскую, целиком традиционную, где приходится запоминать написание каждого слова.

Изложение концепции МФШ мы иллюстрировали примерами русского языка, поэтому закономерен вопрос о том, применим ли ее понятийный аппарат к другим языкам? Как оказалось, эта

⁸ Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. С. 121.

концепция вполне универсальна. Например, в русском языке [т — т'] встречаются в одном окружении и потому являются самостоятельными фонемами — смыслоразличительными единицами языка; во французском же языке [t — t'] в одном окружении не встречаются, поэтому это не две, а одна фонема, [t'] — вариация фонемы [t] в перцептивно слабой позиции — перед гласными переднего ряда. Если в русском языке конец слова — сигнификативно слабая позиция для шумных парных согласных, то во французском языке это сигнификативно сильная позиция: *douce* — *douze* [dus — du:z]. Таким образом, оказывается возможным выявление всех типов позиций для французского языка, а следовательно, и всех позиционных вариантов, включая основной, и вариаций.

Фонологическая концепция ПЛК. Рассмотрим теперь главнейшие принципы пражской фонологической концепции. Как мы видели, главное наблюдение лингвистов МФШ состояло в том, что звуки ведут себя неодинаковым образом в разных фонетических условиях; с этого и началось построение концепции. У лингвистов ПЛК также было некое основное наблюдение, с которого все и началось. Заключалось оно в следующем. Они обратили внимание на то, что слова могут различаться не только целым звуком, как *вран* — *кран*, но и каким-то признаком звука: так, слова *мал* — *мял* различаются твердостью — мягкостью начального согласного, а слова *том* — *дом* — глухостью — звонкостью начального согласного. Отсюда был сделан вывод, что минимальной различительной единицей является не звук, а признак звука, названный лингвистами этой школы **дифференциальным признаком**. В то же время было отмечено, что никто не может произнести отдельно один дифференциальный признак — твердость или мягкость, глухость или звонкость и т.п.; мы всегда произносим одновременно твердость и звонкость или твердость и мягкость одновременно, если это согласный звук. Следовательно, есть нечто, что является носителем признаков, и это нечто было названо фонемой. **Фонема — это совокупность, или, как предпочитали говорить лингвисты ПЛК, пучок дифференциальных признаков.**

Далее было замечено, что дифференциальными являются только такие признаки, которые образуют **оппозицию**; причем одни и те же артикуляционные признаки могут быть релевантными, то есть значимыми, дифференциальными для одного языка, и быть нерелевантными для другого языка. Так, долгота — краткость гласных в английском языке образуют оппозицию и являются дифференциальными признаками: *will* 'воля' — *wheel* 'колесо' [wil — wi:l]; в русском языке этот признак не образует оппозиции и дифференциальным не является. Долгота — краткость гласных нерелевантна для русского языка и релевантна для английского.

Точно так же признак открытости—закрытости гласного является оппозитивным во французском языке (*fait* ‘факт’—*fee* ‘фея’ [fê — fe]) и не является таковым в русском языке.

Чтобы описать фонологическую систему какого-либо языка на основе этих принципов, нужно: 1) установить набор дифференциальных признаков, релевантных для данного языка; 2) установить состав фонем данного языка. Решение первой проблемы оказалось наиболее трудным для лингвистов ПЛК. Дело в том, что лишь небольшая часть артикуляционных признаков является оппозитивной: твердый — мягкий, глухой—звонкий, верхний ряд — нижний ряд и др. Большая же часть артикуляционных признаков не образует никаких оппозиций: например, у признаков *передний ряд* — *щелевой* нет общей основы для противопоставления. Выход из этой ситуации был найден в создании особой акустической системы признаков, которые были оппозитивными и включали в себя как гласные, так и согласные звуки⁹.

Решение второй задачи в принципе несложно: в языке столько фонем, сколько фонетических единиц с разными наборами дифференциальных признаков. Набор таких единиц устанавливается эмпирически.

Такова в общих чертах фонологическая концепция ПЛК. Между двумя концепциями — МФШ и ПЛК — нет существенных противоречий. Концепция МФШ исходит из понятия позиции и функционального отождествления всех тех различий, которые обусловлены позицией и потому не функциональны. Концепция ПЛК исходит из понятия оппозиции и различения всего, что вступает в оппозиции и потому функционально. Это два разных способа описания одной и той же языковой реальности. Самое главное заключается в том, что идеи обеих фонологических школ оказали мощное влияние на лингвистическую мысль XX века и нашли свое применение не только в изучении фонетики, но и в изучении других уровней языка.

Л и т е р а т у р а

Аванесов Р. И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

Жинкин Н. И. Восприятие ударения в словах русского языка // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. Вып. 54. М., 1954.

Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.

Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 1968.

---

⁹ См.: Якобсон Р., Фант Г., Халле М.. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.

- Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.
- Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1965.
- Панов М. В.* Занимательная орфография. М., 1989.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967.
- Реформатский А. А.* Из истории отечественной фонологии. М., 1970 (вторая часть книги представляет собой хрестоматию из статей Р.И.Аванесова, П.С.Кузнецова, В.Н.Сидорова, М.В.Панова и др.).
- Реформатский А. А.* Фонологические этюды. М., 1975.
- Сидоров В. Н.* О московской фонологической школе // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Халле М.* Фонологическая система русского языка // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
- Якобсон Р., Фант Г., Халле М.* Введение в анализ речи // Там же.
- Якобсон Р.* Звук и смысл // Избранные работы. М., 1985.

Глава 2

ЛЕКСИКОЛОГИЯ: ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ

§ 1. Звук и смысл. Проблема смысла

Вдумаемся в данное нами определение фонемы: фонема — это звуковая единица, которая служит для различения слов и форм, это — смысловозначительная единица языка. Но ведь для того чтобы нечто различать, это нечто уже должно быть, ибо как можно различать то, чего нет? Следовательно, слово — это нечто отличное от фонемы, фонема по отношению к слову занимает служебное положение, а суть слова заключается в его смысле.

Как происходит соединение смысла со звуком, мы не знаем; это — тайна, причем одна из величайших тайн, подобная тайне соединения души и тела. Факт соединения смысла и звука настолько очевиден, что для многих тут вообще нет даже загадки; например, Ф. де Соссюр свой «Курс общей лингвистики» начинает с констатации того, что в слове есть означаемое и означающее; первое — это понятие, второе — звуки; они связаны конвенциональной (условной) связью, что видно из того, что одно и то же понятие в разных языках обозначается разными звуками. И на этом он успокаивается. Однако для того, чтобы заключить конвенцию, условиться, какой смысл каким звуком будем обозначать, — для этого уже нужен язык. Выход из этого затруднения всякого рода позитивисты находят в указании на длительность исторического развития человека и его языка: мол, в течение миллионов лет в процессе общения *как-то сама собой* установилась эта связь. Такой ответ есть на самом деле уход от ответа: мы спрашиваем, *как* соединены смысл и звук, а нам отвечают: они соединялись *очень долго*. Поэтому, оставаясь на почве реализма, мы должны утверждать таинственность, мистичность этой связи, этого соединения. Это не значит, что мы отказываемся от познания этого соединения; это значит, что это соединение мы познаем как тайну явления смысла в звуке. Звук есть та перво-

материя, в которой и из которой смысл образует себе тело, и в этом целостном, органичном виде слово рождается в человеке. Смысл не безразличен к своему телу, он сам себя инструментует сверхсознательным, органическим подбором звуков. Материя языка еще не язык, но она и не безразлична к языку, что и доказывается сознательной фонетической инструментовкой поэтической речи при помощи аллитераций и ассонансов. Эта инструментовка была бы бессмысленной и попросту не замечалась бы, если бы звук был безразличен для смысла и случайно склеивался бы с ним. Сознательное усиление природы слова путем аллитераций возможно только потому, что и само слово, его смысл, неслучайным образом инструментовало себя именно в эти звуки. Однако остается верным и то, что эту связь едва ли можно обосновать рационально, кроме тех простейших случаев, когда слово возникло путем звукоподражания: *ку-кушка, кукарекать, мяукать, гавкать* и др. Но все же как понять реальную множественность языков, реальное разнообразие звукового выражения одного смысла в разных языках? Не является ли этот и без того трудный вопрос теперь совсем неразрешимым? На этот вопрос мы попытаемся ответить, после того как рассмотрим проблему смысла и акт именованя.

Итак, категория смысла — это основная категория лексикологии. Как было уже отмечено во Введении, вопрос о том, что такое смысл слова, можно решать двумя основными способами: реалистически и номиналистически. Первое решение означает, что *вещи имеют имена, имя есть свойство, сторона самой вещи*; второе решение означает, что *имена даются вещам для целей общения, сами же вещи имен не имеют и в именах не нуждаются*. Мы также говорили, что номинализм является господствующим направлением в европейском языкознании. В пределах номинализма существует несколько направлений мысли, но мы остановимся на одном из них, наиболее распространенном и влиятельном — концептуализме.

Согласно этой теории, значением слова является понятие. Концептуалистская теория значения стала едва ли не общим местом в нашем языкознании, в той или иной форме ее можно встретить почти в каждой научной и учебной книге по семасиологии. См., например: «Значения слов, как и понятия, покоятся на специфической форме отражения действительности — обобщении и абстракции. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т. е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений»¹. О.С.Широков также считает, что «само существование языка как знаковой коммуникативной системы возможно лишь при появлении понятий»; понятия же

¹ Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965. С. 9.

формируются из ощущений и представлений, когда «при длительном совместном опыте в человеческом коллективе накапливались абстрактные представления о наиболее существенных признаках предметов в их связи с другими предметами, в отвлечении от случайных и несущественных свойств»². Правда, эти и многие другие авторы прямо не отождествляют значение и понятие; они говорят о понятии как о пределе, стержне или ядре значения, которые «обволакиваются дополнительными смысловыми «оттенками» экспрессивного и стилистического свойства»³, тем не менее все же «главное в значении слова это обобщенный характер содержащегося в нем отражения реальности»⁴. Итак, в концептуализме общая посылка номинализма о том, что имена даются вещам, приобретает такой вид: слова являются выражением понятий, которые в свою очередь возникают из познавательной деятельности человека. Возможно ли это?

В основании концептуалистской теории смысла (значения) лежит классическая сенсуалистская схема: предмет—ощущение—представление—понятие. Из чувственных ощущений возникает представление, то есть цельный чувственный образ предмета. Постепенно образ разлагается на признаки, одни из которых, как свидетельствует опыт, оказываются существенными, другие — более или менее случайными. Совокупность существенных признаков образует понятие, которое соединяется с каким-либо комплексом звуков (разным в разных языках), и так образуется слово: «Примитивная абстракция задается путем отсеивания одних чувственных признаков предмета как иррелевантных и выделения других чувственных признаков в качестве ее «сущности», или инвариантной основы»⁵. В этой схеме есть два уязвимых момента.

Во-первых, не ясно, как из ощущений само собой возникает цельное представление, или образ, предмета. Возможность такого спонтанного возникновения была подвергнута убедительной критике еще Вл. Соловьевым, который писал, что для сведения различных ощущений (зрительных, слуховых, осязательных) в цельный образ предмета требуется посредник, а именно — идея этого предмета: если переход от ощущения к образу предмета возможен, то только благодаря идее этого предмета⁶. Таким образом, не идея (понятие) возникает из представления, а представление возникает благодаря идее.

Во-вторых, не ясно, как из представления само собой может возникнуть понятие. Если у меня есть образ собаки и я разлагаю

---

² Широков О.С. Введение в языкознание. М., 1985. С. 241, 243.

³ Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ См.: Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Соч. в 15 т. Т. 2. СПб., б/г. Репринт. М., 1993. С. 245—253.

его на признаки: черная, с белым хвостом, двумя карими глазами, на четырех лапах и т.д., то понятно, что для этого разложения и до этого разложения я уже должен иметь общие понятия, или идеи, цвета, числа, части и целого. Таким образом, не только представление непосредственно не выводимо из ощущений, но и понятие непосредственно не выводимо из представления, иными словами, сверхчувственное непосредственно не выводимо из чувственного. «Уже Платон и Аристотель глубокомысленно раскрыли различие между чувственным опытом и рациональным познанием. В опыте мы воспринимаем частное, единичное, в понятиях мыслим общее, поэтому ни понятия нельзя производить из чувственного восприятия, ни опыт объяснять из общих понятий разума. Ни чувственность нельзя сводить к мысли, ни мышление — к чувственности»⁷. Это различие было хорошо понятно и Лейбницу, который к сенсуалистской формуле *nihil est in intellectu, quod prius non fuerit in sensu* не без иронии добавил: *nisi intellectus ipse*. Эту критику сенсуализма не могут поколебать ссылки на длительность эволюционного процесса образования понятий. Эти ссылки по существу спекулятивны и являются выражением философской беспомощности, нежелания обсуждать вопрос принципиально. «Если сослаться на даль веков, в которых ничего не видно, то ведь это *asylum ignorantiae*, и в эту серую даль можно напихать что угодно»⁸. Легко все свалить на эволюцию, но трудно ответить на вопрос о том, почему, например, язык возник только у человека? Почему бобры, живущие трудовыми коллективами, тем не менее обходятся без языка — одними ощущениями и инстинктами? Или пчелы, также живущие высокоорганизованной социальной жизнью с разделением трудовых функций, осуществившие лозунг «Кто не работает, тот не ест», — почему они так и не испытали потребности что-то сказать друг другу, не говоря уже о том, чтобы создать культуру? Как понять эту странную избирательность эволюции? Философски беспомощна и ссылка на длительность процесса образования понятий, так как не решает главного вопроса о переходе, а точнее — о скачке от чувственного к сверхчувственному; на место миллионов можно поставить триллионы лет эволюции, но это нимало не приблизит нас к решению интересующего вопроса, и длительность эволюционного процесса, по меткому замечанию С.Н.Булгакова, — это *asylum ignorantiae*. Эволюционизм не может быть научной почвой для решения этого вопроса, поскольку эволюции, заменившей идею Бога, попросту придали божественные свойства.

⁷ Трубецкой С.Н.. Учение о Логосе в его истории // Трубецкой С.Н. Соч. М., 1994. С. 100.

⁸ Булгаков С.Н. Философия имени. Париж, 1953. С. 17.

А.А.Потебня, один из философски наиболее сильных лингвистических умов, в целом стоявший в познании на почве сенсуализма, все же понял основную его слабость и признал, что возникновение как представления, так и понятия невозможно без осмысленного слова: слово есть «средство создания общности образа»⁹, «потому же, почему разложение чувственного образа невозможно без слова, необходимо принять и необходимость слова для понятия»¹⁰. Если продумать эту мысль до конца, то придется прийти к выводу о том, что слово и его смысл (значение) не выводимы из познания, не являются функцией познания. Напротив, само познание, даже на уровне чувственных образов, не говоря уже о понятиях, есть функция осмысленного слова, одно из его употреблений. Как писал С.Н.Булгаков, «логика и гносеология разъясняют именно смысл слова, усматривая в нем общее понятие или представление, скрытое суждение и проч. Поэтому можно как будто предполагать, что законы логики и гносеологии предшествуют слову, суть для него prius. Однако, если мы внимательнее всмотримся в такие рассуждения, то убедимся, что обсуждается в таких случаях не само слово, но то или иное его употребление, т.е. то, что является уже продуктом слова, мыслию. <...> Слово есть первоэлемент мысли, на который она разлагается, но само оно далее уже не разложимо»¹¹. Слово не возникает из познания в качестве его результата, продуктом познания является мысль, но возникает она лишь при посредстве осмысленного слова. По удачному выражению С.Н.Булгакова, слово есть клетка мысли, ее можно разложить на клетки, но сами они далее уже не разложимы и ни на что другое не сводимы.

Таким образом, номиналистическая концепция слова в ее концептуалистской интерпретации оказывается внутренне противоречивой и потому неприемлемой.

Столь же противоречивы и некоторые другие течения номинализма.

Коммуникативная теория смысла утверждает, что слово возникает как продукт общения, однако это невозможно: чтобы общаться, надо иметь средство этого общения, то есть разумное, осмысленное слово. Поэтому будет справедливо обратное суждение: не объединенные (чем?) люди изобретают слова как средство взаимопонимания и общения, а «слова, язык соединяют людей, которые, как умеют, пользуются этим своим единством в слове. Социальность здесь есть не производящая причина, как теперь охотно думают, но следствие, результат, осуществление»¹². Не будь слова, не было бы и общения, как нет его, в нашем

⁹ Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 138.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Булгаков С.Н. Философия имени. С. 23.

¹² Там же. С. 22.

человеческом понимании, у животных, хотя и живущих организованной социальной жизнью, — пчел, муравьев, бобров, обезьян и проч. Так называемый «язык животных» означает то, что «хотя они и объясняются друг с другом, но отнюдь не по поводу самих вещей и обстоятельств, совокупность которых и есть мир. Это со всей ясностью видел уже Аристотель: если крик зверя лишь призывает его сородичей к определенному поведению, то языковое взаимопонимание с помощью логоса раскрывает само сущее»¹³.

Контекстуальная теория смысла утверждает, что слово имеет смысл только в контексте, а вне этой связи оно никакого смысла не имеет. В соответствии с этим истолкование значения заключается в установлении связи слова с целым, с контекстом. Так, А.А.Потебня писал: «Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет»¹⁴. Главный недостаток этой теории смысла заключается во внутренней противоречивости понятия контекста. Если мы признаем, что вне контекста слово не имеет смысла и получает его только в контексте, то мы тем самым признаем, что неизвестное ищем через неизвестное. В самом деле, в последовательности слов А В С D, образующих предложение, смысл слова В определяется соседством с А и С, а смысл слова С — соседством с В и D; таким образом, получается, что мы одно неизвестное ищем через другое неизвестное, что невозможно. Вне контекста слова А, В, С и D не имеют смысла, являются смысловыми нулями, а в контексте вдруг странным образом превращаются в полновесные смысловые единицы, образующие новую смысловую единицу — предложение. Если же понятие контекста является практически полезным, то, очевидно, только потому, что слова имеют объективный смысл и вне контекста, что контекст — это частное применение объективного смысла слов к определенному случаю, когда происходит взаимодействие и видоизменение смыслов.

Согласно парадигматической концепции, каждая единица языка входит в два типа отношений. Один тип отношений является линейным, или горизонтальным, в него вступают единицы языка в процессе речи: таковы отношения звуков в слове, слов в словосочетании, предложений в тексте; совокупность единиц этого ряда, образующих некую целостность в каком-либо отношении, называют синтагмой, а сами отношения синтагматическими. Другой тип отношений называется вертикальным, или парадигматическим; в эти отношения вступают единицы одного уровня, противопоставляясь по смыслу. Парадигматическая теория смысла утверждает, что вне

¹³ Гадамер Г.-Х. Истина и метод. М., 1988. С. 515.

¹⁴ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958. С. 42.

парадигмы у слова нет никакого смысла, оно обретает смысл только в составе той или иной парадигмы. Истолковать значение слова можно, только найдя место слова в парадигме. По существу эта теория воспроизводит в новых условиях ошибку контекстуальной теории — пытается искать неизвестное через неизвестное. В самом деле, если у нас есть лексическая парадигма из элементов А В С D, то значение элемента А определяется соотношением с В С D, а значение элемента С определяется соотношением с элементами А В D, отсюда и следует, что неизвестное определяется через неизвестное. Если же понятие парадигмы оказывается практически полезным, то, очевидно, потому, что слово и вне парадигмы имеет объективный смысл (значение), только благодаря которому это слово и может вступить в те или иные парадигматические отношения и занять в парадигме то или иное место, которое учитывается как говорящим, так и понимающим речь. Не бессмысленные слова вступают (с чего бы?) в парадигматические отношения и непостижимым образом обретают в парадигме значение; чтобы быть членом парадигмы, слово должно иметь свой собственный объективный смысл, благодаря которому оно может вступить в осмысленные отношения с другими осмысленными словами и образовать парадигму, в которой слово обретает еще обусловленную отношениями ту или иную значимость. отождествить значение со значимостью, то есть видеть в языке одни отношения, как того хотели бы Ф. де Соссюр и особенно Л. Ельмслев и вслед за ними многие другие, значит загнать всю проблему смысла в безвыходный логический тупик: «Ведь для того чтобы существовало отношение, необходимы еще и те члены, между которыми устанавливается отношение. Если каждый из таких членов есть по содержанию своему ничто, т.е. по содержанию своему отсутствует и не обязателен, то явно рухнет и само понятие отношения»¹⁵.

Обзор номиналистических концепций смысла убеждает нас в том, что слово и его смысл не выводимы ни из мышления (если, конечно, понимать его в сенсуалистском духе), ни из контекста, ни из парадигматических отношений, ни из общения; слово во всем этом участвует, но чтобы участвовать во всем этом, слово должно прежде всего просто быть. Так мы переходим к реалистическому взгляду на природу слова и его смысла. Если же слово должно существовать, прежде чем быть так или иначе употребленным, прежде чем войти в те или иные отношения, то это может означать только одно: сущность слова и его смысла онтологическая. «Остается просто, смиренно и благочестиво признать, что не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят, и наш дух есть при этом арена самоидеации вселенной, ибо в с е может быть выражено в слове»¹⁶.

¹⁵ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 191—192.

¹⁶ Булгаков С.Н. Философия имени. С. 23.

§ 2. Онтологическая теория смысла и ее основания

Онтологическую теорию языка впервые у нас, насколько нам это известно, пытался развивать К.С.Аксаков. В своем замечательном, к сожалению, неоконченном «Опыте русской грамматики» он не раз писал о самостоятельном, до и вне всякого употребления, значении, или смысле, грамматических категорий.

В XX в. онтологическую концепцию языка в связи с богословской проблемой имяславия развивали П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, А.Ф.Лосев. Как известно, в имяславских спорах обсуждался вопрос о том, есть ли Имя Божие только условное имя, подобное всем прочим словам человеческого языка, или же оно есть Сам Бог со всеми своими бесконечными свойствами, то есть вопрос об условности или онтологичности, номиналистичности или реалистичности Имени Божия¹⁷. Общецерковного решения эта проблема не имеет до сих пор, однако, как бы там ни было, эти споры «дали определенный толчок развитию мысли — стимул и материал для создания философии слова»¹⁸.

Труды названных мыслителей, в которых, по существу, была создана онтологическая теория языка, в силу понятных, но не имеющих к науке никакого отношения, причин не смогли оказать сколь-нибудь заметного влияния на развитие отечественного языкознания. Онтологическая теория смысла могла бы стать, но не стала основой разнообразных лингвистических исследований, то есть не превратилась в методологию лингвистической семасиологии.

Онтологическая, или реалистическая, теория смысла, в отличие от номинализма, не редуцирует смысл к другим категориям, не выводит его из других категорий, а стремится вскрыть собственный, самостоятельный и независимый смысл слова, узнав который, можно объяснить и каждую частность употребления слова в том или ином контексте, в том или ином странном, темном месте изучаемого текста. К изложению этой теории мы теперь и перейдем.

Всякая деятельность человека есть стремление к подлинной действительности; то, что я считаю подлинно действительным, то и является целью моих действий. Поэтому и вся философия сводится к одному вопросу: что такое действительность? Ясно, что вещи относятся к действительности, но как нужно мыслить вещь, чтобы у нас получилась именно вещь? Можно ли сказать, что спецификум вещи — в ее вещественности? Вот дерево растет у меня под окном, вот стол, сделанный из дерева; чем же отличается дерево от стола?

¹⁷ Суть проблемы, ход дискуссии и ее последствия подробно изложены игуменом Андроником (Трубачевым) в примечаниях к книге: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1990. С. 424—433.

¹⁸ Андроник (Трубачев). Указ. соч. С. 425—426.

И стол и дерево состоят из дерева, и в этом отношении они тождественны, стало быть, «различаются они чем-то совершенно иным, вовсе не деревянностью и даже вообще чем-то невещественным»¹⁹. Чем же? «Чтобы стать *вещью*, вещество должно оформиться, определиться, организоваться», поэтому, пишет А.Ф.Лосев, «нет действительности без внешней материальной базы, осуществляющей и воплощающей некое внутреннее содержание; и нет никакой действительности без внутреннего невещественного образа и формы, или смысла, что оформляет и осмысляет материю и делает ее реальной»²⁰. Таким образом, в реальности «мы имеем дело не с голыми идеями, не с голой материей, но с тем их абсолютно-нерушимым тождеством, которое и есть реальная действительность»²¹. Важно то, что смысл, идея, форма, сущность есть такая же объективная сторона действительности, как и вещественность, а сама «действительность есть полное, абсолютное, совершенно неразрушимое *тождество идеи и материи*»²². Будем называть эту интуицию вещи как тождества идеи и материи **реализмом**; как таковой он является философским выражением христианского догмата о Боге как Творце мира. Бог творческим словом творит *нечто* (свет, землю, небо, солнце), то есть одновременно творит вещь и ее идею в их неслитности и нераздельности. Христианский реализм не является ни идеализмом, ни материализмом, поскольку идеализм утверждает существование горнего мира идей без вещей, а материализм утверждает существование дольного мира вещей без идей; у идеалистов из идей непостижимым образом рождаются вещи, у материалистов из вещей столь же непостижимым образом рождаются идеи. Христианское апофатическое (отрицательное) богословие утверждает, что Бог не есть ни вещь, ни идея, ибо сам превосходит и то и другое, творя из ничто и то и другое одновременно в их неслитности и нераздельности²³. Эта реалистическая интуиция настолько очевидна и естественна, что кажется совершенно непонятным, как можно думать иначе. Тем не менее в истории философии мы без конца встречаемся с тем, что подлинной действительностью признается или одна, или другая сторона, а противоположная сторона оказывается чем-то производным: это или односторонний **идеализм**, или столь же односторонний **материализм**. Какое это может иметь отношение к языку? Самое прямое: так как вещи *имеют* имена, а имена суть какие-то *явления* вещей, то ответ на вопросы о том, что такое имя и как относится имя

---

¹⁹ Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев А.Ф. Имя. СПб., 1997. С. 172.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 173.

²³ См. об этом подробнее: Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность М., 1994. С. 387—397.

к вещи, прямо зависит от исходной интуиции. А.Ф.Лосев строит свое учение об имени, исходя из реалистической установки, и доказывает реальность, онтологичность имени, то есть то, что *имя вещи есть сама вещь*.

Что же такое вещь и ее имя с точки зрения реализма? Значит ли, что вещь есть то, что нами воспринимается? Нет, это неверно, хотя, как пишет А.Ф.Лосев, так «думают почти все обыватели и большинство философов»²⁴. Это неверно потому, что «сначала должна быть вещь сама по себе, а потом она будет восприниматься. Если нет вещи, то как она может быть воспринимаемой?»²⁵ Сам термин “восприятие” указывает на то, что восприятие есть приятие чего-то отдельно существующего от воспринимающего. Поэтому правильно будет сказать, что вещь есть «некая определенная *самоутвержденность, самоположенность*. Не мы ее утвердили и положили, но она сама себя утвердила и положила. Поэтому она и есть *действительность, действительная вещь*»²⁶. Вещь потому только и может ощущаться, восприниматься, мыслиться, что сама она вне ощущения, восприятия и мышления, что она есть простая самоположенность.

Как же возможно общение с вещью, если сама она вневосприимательна и внемысленна? Восприятие, ощущение, мышление и всякое иное общение с вещью возможно только «*при помощи их имен, через эти имена*»²⁷. И А.Ф.Лосев развертывает диалектику имени как орудия общения с вещью.

1. Чтобы общаться с вещью, я должен как-то обратиться к ней, следовательно, назвать ее по имени, поэтому «*имя вещи есть то, пользуясь чем, мы можем иметь общение с самой вещью*»²⁸. Значит, **имя вещи есть орудие общения с самой вещью**.
2. Если я обращаюсь к вещи по имени, значит, я знаю эту вещь, то есть прежде всего отличаю ее от всего остального, провожу границу между этой вещью и всеми остальными; поэтому «*имя вещи есть орудие отличия от всего остального*»²⁹. О-пределить, о-граничить вещь значит увидеть ее собственную форму, образ, смысл. Поэтому имя, касаясь смысловой стихии вещи, «оказалось не просто орудием общения с вещью, но орудием *смыслового* и, следовательно, *осмысленного* общения с вещью»³⁰.
3. Но этого мало. У вещи есть много признаков, как существенных, так и несущественных. Если я посредством имени общаюсь именно

---

²⁴ Лосев А.Ф. Вещь и имя. С. 181.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 182.

²⁷ Там же. С. 183.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 184.

³⁰ Там же. С. 185.

с этой вещью, то я общаюсь с ее специфическим, существенным смыслом — с такими ее свойствами и признаками, «без которых данная вещь не может быть данною вещью, не может быть самой собою»³¹. Следовательно, **имя вещи есть орудие существенно-смыслового общения с нею.**

4. Вещи, однако, бывают разные, например, одушевленные и неодушевленные. Имя, в отличие от слова, «всегда есть имя *одушевленной* вещи. Имя есть всегда имя *личности*», поэтому **имя есть орудие индивидуально-живого, личностного общения с вещью.**

Итак, имя вещи есть: 1) орудие смыслового общения с вещью, 2) орудие существенно-смыслового общения с вещью, наконец, 3) орудие индивидуально-личностного живого общения с вещью. В первом случае имя взято как отвлеченный смысл, во втором — как понятие, в третьем — как личностное понятие. Однако понятие в силу своей отвлеченности не является орудием общения; во всех этих тезисах «нет самого главного, нет анализа самого момента “общения”». Предыдущие тезисы обрисовали тот момент в вещи, с которым происходит общение, а не то, *как* оно происходит и какова его собственная структура»³². Отвечая на этот вопрос, мы переходим от понятия к слову: в чем отличие слова от понятия?

А.Ф.Лосев приводит такой пример. Русское слово *искусство*, немецкое *Kunst*, романское *art*, греческое τέχνη указывают на **одно и то же понятие**, однако слова эти — разные. В чем же между ними разница? «Ясно, что каждый язык по-разному *понимает* одно и то же понятие. Так, немецкий язык (*Kunst* от *κινη*³³) понимает искусство в смысле волевого и творческого напряжения, латинский — в смысле сделанности, сготовленности (в *art* тот же корень, что и в греч. ἄρ-ἀρίσκω³⁴), греческий — в смысле порожденности (τέχνη от τίκτω ‘рождаю’) и т. д. и т. д. Все это — различные *понимания* одного и того же понятия, подобно тому как существуют разные понятия, относящиеся к одному и тому же *смыслу*. Итак, язык есть система понимания, т. е., в конце концов, миропонимания; язык и есть само миропонимание»³⁵. Так как имя есть один из видов слова, то и оно есть понимание, а именно понимание существенного, индивидуально-живого, личностного смысла.

Затем А.Ф.Лосев останавливается на самом акте понимания, рассматривает его структуру.

³¹ Там же. С. 187.

³² Там же. С. 189.

³³ *Κινη* — ‘мочь, быть в состоянии’, ‘уметь’.

³⁴ ἄρ-ἀρίσκω — ‘прилаживать, прикреплять, приделывать, сплачивать, соединять плотно, строить’.

³⁵ *Лосев А.Ф.* Вещь и имя. С. 190.

В чем разница между смыслом как таковым и понимаемым смыслом? Смысл сам по себе содержит один план: это именно тот самый смысл вещи как именно этой вещи и больше ничего. «Понимаемый же смысл содержит в себе, по крайней мере, три плана: 1) отвлеченный смысл сам по себе, 2) какого-нибудь его заместителя и представителя и 3) их отождествление в одном и неделимом предмете. Пусть мы имеем немецкое слово для обозначения понятия “искусство”. Тут у нас: 1) отвлеченное понятие искусства, одинаковое во всех языках и во всех пониманиях; 2) сфера могущества, воли творчества, которая, взятая сама по себе, отнюдь не есть нечто обязательно связанное с искусством (хотя в данном случае языковое сознание призвало эту сферу как специального заместителя и выразителя искусства); и 3) то третье, где оба эти принципа совпадают настолько интимно и неразрывно, что получается одно и единое слово, в котором иной раз уже с трудом можно различить оба эти момента»³⁶. Если раньше мы имели одноплановый отвлеченный смысл, то в акте понимания мы имеем уже выраженный смысл, смысл, высказавший себя через свое отождествление с инобытием. «Так, “Kunst” уже не просто “искусство”, но волевое могущество и сила. Понятие искусства вбирает в себя момент воли и могущества, отождествляется с ним. Таким образом, *диалектически* природу понимаемого смысла можно сформулировать так: *это есть отвлеченный смысл, отождествляемый со своим инобытием. Понять вещь — значит соотнести ее с тем или другим ее окружением и представить ее себе не просто как ее саму, но в свете того или другого окружения.* < . . . > И мы видим, что смысл вещи — это одно, а ее соотношение с другими вещами — совершенно другое. И вот когда мы даем этой вещи какое-нибудь *название, слово, имя*, — это значит, что мы уже соотнесли ее со всем прочим и выбрали то, в свете чего мы ее хотим понять и с чем сравниваем. Это и значит, что мы *понимаем вещь*. Итак, чтобы осуществить понимание вещи, необходимо, чтобы: 1) вещь имела смысл, 2) смысл ее был сравниваем с другими вещами и их смыслами, т. е. со своим инобытием и 3) это сравнение со своим инобытием было *отождествлением с ним*»³⁷. Таким образом, в слове как-то присутствует смысл вещи, но все дело в том, что он может присутствовать по-разному: разные сферы инобытия могут быть вобраны в смысл, с разными сферами инобытия может произойти отождествление, вследствие чего и возникают разные слова-синонимы: *искусство, Kunst, art* и т. д.

Сделаем, вслед за А.Ф.Лосевым, еще несколько штрихов к уяснению акта понимания. Дело в том, что инобытие бывает разное.

---

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 191.

Если мне нравится старый стол, за которым я сижу, то я могу попросить мастера сделать такой же стол. По материалу — дереву, клею, краске, лаку — это будет *другой* стол, но по форме, смыслу, сущности, идее это будет *тот же* самый стол. Если инобытие материальное, то воплощение идеи приводит к появлению новой вещи. Инобытие может быть бумагой и карандашом, тогда воплощение будет рисунком. Инобытие может быть *человеческим сознанием*, тогда воплощение стола в инобытии приведет к *пониманию* этого стола³⁸.

Итак, имя есть не только орудие существенно-смыслового общения с вещью, оно еще и **орудие понимания ее со стороны всего окружающего ее**. Это — момент словесности имени.

Но и это еще не все. Представим себе, что вы передаете через кого-то талончик в трамвае и обращаетесь к нему так: «Эй, ты, *лопух*, пробей талон!» Вероятнее всего, этот человек не *откликнется*, не *отзовется* на имя *лопух*, но мог бы отозваться на другое имя — *господин*, *товарищ*, *любезный* и пр. Это, в более общем виде, значит, что в имени не только происходит понимание вещи со стороны окружающего, но и понимание (или непонимание) вещью самой себя, а также понимание ею самого именуемого. «Принципиально же именование всегда рассчитано на то, чтобы именуемое *откликнулось* на это именование. Именующий знает и понимает именуемое, и именуемое знает и понимает именующего. Тут — понимание взаимное, обоюдостороннее»³⁹. Стало быть, **имя вещи есть орудие взаимного понимания между нею и всем окружающим**.

7. Вот передо мной на столе лежит трактат А.Ф.Лосева, который я сейчас читаю, и тут же рядом — словарь В. И. Даля; и трактат и словарь я называю одним именем — *книга*. И трактат и словарь не перестали от этого именованья быть разными вещами, хотя общее имя и привело к абсолютному тождеству. «Но ясно, что это тождество — смысловое, а не вещественное. И когда происходит *понимание* вещи кем-нибудь, то вещь и этот понимающий субъект отождествляются *умно, в уме, в смысле*, а не вещественно, не материально, не субстанциально, не природно»⁴⁰.

Вот у меня на полках еще стоят научные и философские трактаты, св. Писание, романы, стихи, сказки, учебники, словари, энциклопедии; и все это я именую тем же именем *книги*. Вот подошла собака, положила морду мне на колени и косит глазом на недоеденный бутерброд с сыром, и я и ее глаза также именую открытой *книгой*. Не значит ли это, что имя — это некая *сила, умная, или смысловая, энергия* вещи? Несомненно, это так. «Слово и имя вещи есть как бы самостоятельный организм, который, будучи порожден и

³⁸ См. там же. С. 193—194.

³⁹ Там же. С. 196.

⁴⁰ Там же.

изведен вещью из себя самой, упорно и настойчиво, эластично и энергично, остро и сильно, наподобие невидимого заряда, распространяется по широкому полю инобытия, незаметно носится среди вещей, осеменяя и оплодотворяя собою все существующее по законам данной вещи. Имя вещи есть *смысловое семя* вещи, которое, попадая на тучную почву инобытия, порождает и утверждает новые вещи — того же, конечно, имени и, следовательно, того же смысла, того же типа, того же существа»⁴¹.

Если слово, имя есть смысловая энергия, сила, то как назвать того, кто умеет этой силой пользоваться? Несомненно, магом, колдуном, кудесником, волшебником слова, ибо «магия ведь и есть не что иное, как изменение бытия силою одного слова, преобразование и самосоздание вещей невещественной энергией одних имен. Знать правильные имена вещей значит уметь владеть вещами. Уметь владеть именами значит мыслить и действовать магически»⁴².

Итак, имя вещи есть ее умная энергия понимания инобытия в свете данного имени.

8. Но **имя** — это ведь невещественная, умная энергия, поэтому оно — **потенциальная** энергия понимания. Чтобы возможность понимания стала действительностью, имя *«кем-то должно быть понято*, кем-то должно быть немедленно переведено из потенции в энергию»⁴³. Этим материалом, этой вещественностью, этим инобытием может быть окружение вещи, и это понятно, об этом говорилось, когда речь шла о магичности имени. Но этим инобытием может быть и сама вещь, и на этот момент в имени надо обратить особое внимание ввиду его нетривиальности.

9. Если инобытием вещи является она сама, то новый момент в имени будет состоять в том, что **имя вещи есть орудие ее самопознания**. Иначе говоря, может быть поставлен вопрос об онтологическом отношении имени вещи к самой вещи. Раньше говорилось о том, что вот есть вещь со своим именем и есть кто-то, какое-то инобытие, в общении с которым происходит понимание вещи, а имя выступает как орудие общения и понимания. Но вещь и ее имя вовсе не требуют того, «что есть обязательно *фактически существующее* инобытие, без реального причинного воздействия которого на вещь она не могла бы и получить своего имени. *По смыслу своему* имя чисто объективно, чисто предметно, принадлежит вещи, реально носимо вещью и зависит только от самой вещи и больше ни от чего»⁴⁴. Так, закон всемирного тяготения существовал по смыслу и до Ньютона и фактически мог быть открыт кем-то другим, и теоре-

⁴¹ Там же. С. 198.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 199.

⁴⁴ Там же. С. 200.

ма Пифагора по смыслу существовала и до Пифагора и могла быть доказана кем-то другим; кстати, история науки знает случаи, когда один и тот же закон был открыт разными людьми независимо друг от друга или одна и та же задача так же была решена разными людьми.

Можно различать инобытие как факт и инобытие как принцип; «рассуждая о понимании и общении в имени, не обязательно переходить к такому инобытию, которое было бы *уже самостоятельным и реальным фактом* наряду с самой вещью. *Необходимо и достаточно оперировать тут не с инобытием как реальным фактом, а с инобытием как принципом. Необходимо и достаточно* говорить о таком инобытии, которое *есть уже в самой именуемой вещи*»⁴⁵. Если другой вещью по отношению к ней выступает она сама, то имя этой вещи есть орудие самопонимания. Поясню примером, что А.Ф.Лосев здесь имеет в виду. Пушкин, закончив сочинять «Бориса Годунова», воскликнул: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!» Он, стало быть, сравнил себя с самим собой же; в этом случае он является инобытием по отношению к самому себе; сравнивая себя с самим собой, он понял себя и дал себе имя, опознал себя в этом шуточном имени. Поэтому и говорится, что имя есть орудие самопонимания.

Если я сам себя не понимаю, то на какое имя я могу отозваться, откликнуться? Ни на какое, и в этом все дело! Если же я сам себя понимаю, то я откликнусь только на то имя, которое полагаю своим собственным. Если в толпе кто-то крикнет: «Эй, ты, болван!» — то отзовется на имя *болван* только тот, кто понимает себя самого как болвана, все прочие не поймут или сделают вид, что не понимают, что это имя может относиться и к ним. Но если я сам себя не понимаю, то ни на какое имя я не отзовусь. Поскольку же все, кроме сумасшедших, на какое-то имя откликаются, то момента самопонимания в имени не могло не быть, он является конститутивным для всякой вещи.

10. Нам осталось сделать еще один шаг. Вот у меня под окном растет береза. Если я скажу, что у меня под окном растет *вещь*, то можно ли сказать, что в этом имени она выявила себя? Конечно, можно: в этом имени береза выявила свою онтологичность, бытийность, но больше ничего. Можно также сказать, что под окном у меня растет *растение, дерево*, то в этих именах также будут выявляться какие-то грани березы, но ни в одном из них не будет специфика того, что растет у меня под окном; в этих именах не достигается максимум самовыявления вещи. И только когда я скажу, что под окном у меня растет *береза*, то в этом собственном имени данной вещи достигается максимум ее специфики. Из этого следует, что **имя вещи есть предел смыслового самооткровения вещи.**

⁴⁵ Там же. С. 201.

Сведем теперь воедино все десять моментов имени, выявленные в анализе А.Ф.Лосева.

1. *Имя вещи есть орудие общения с самой вещью.* 2. *Имя вещи есть орудие смыслового и, следовательно, осмысленного общения с вещью.* 3. *Имя вещи есть орудие существенно-смыслового общения с вещью.* 4. *Имя вещи есть орудие индивидуально-живого, личностного общения с вещью.* 5. *Имя вещи есть орудие понимания вещи со стороны всего окружающего ее.* Это — момент словесности имени. 6. *Имя вещи есть орудие взаимного понимания между нею и всем окружающим.* 7. *Имя вещи есть ее умная энергия понимания инобытия в свете данного имени.* 8. *При этом оно — потенциальная энергия понимания.* 9. *Имя вещи есть орудие ее самопонимания.* 10. *Имя вещи есть предел смыслового самооткровения вещи.* Устранив все повторы, получим такое определение имени: **Имя вещи есть орудие существенно-смыслового и индивидуально-живого общения с вещью, орудие и потенциальная энергия понимания вещи и взаимного понимания между нею и всем окружающим, орудие самопонимания вещи и потому предел смыслового самовыявления вещи.** Если же опустить все детали, то можно сказать: «Имя вещи есть явление вещи»⁴⁶.

Итак, онтологичность языка вовсе не означает его гипостазирования: язык не является самостоятельной сферой бытия; онтологический статус языка означает только то, что язык есть язык самого бытия, самих вещей как орудие их понимания и общения с ними.

Дальнейшим шагом в построении онтологической теории смысла должно быть раскрытие внутренней структуры слова: свою роль орудия понимания и общения с вещью слово может выполнить, только имея соответствующую структуру. Если одной своей стороной онтологическая теория смысла опирается на вещь и ее смысл, то другой своей стороной она связана с человеком. Слово есть слово самой вещи, но это слово говорится в человеке и через человека, поэтому «через человека говорится и его живая органическая конкретность, определенная психическая и историческая индивидуальность», поэтому «слово так, как оно существует, есть удивительное соединение космического слова самих вещей и человеческого о них слова, притом так, что то и другое соединены в нераздельное сращение»⁴⁷. Таким образом, онтологическая теория смысла покоится на вещи и ее Имени, на человеке и его имени вещи, а также на связи, благодаря которой происходит соединение Имени и имени и возникает живое слово живого человеческого языка⁴⁸. Следовательно, сначала нужно разобраться в том, какова структура вещи, или предмета, а потом увидеть эту структуру в инобытии слова.

⁴⁶ Там же. С. 211.

⁴⁷ Булгаков С.Н. Философия имени. С. 25.

⁴⁸ Смысл употребления слова *имя* с прописной и строчной букв разъясняется ниже.

§ 3. Логическая структура предмета

Что же такое предмет, или вещь? Нас интересует, конечно, не натуралистическая, а логическая конструкция предмета. Ответ на этот вопрос может дать только диалектика, так как именно «диалектика занята чисто логической конструкцией вещи, а какая именно эта вещь, ее совершенно не интересует»⁴⁹. Как же нужно мыслить предмет? Какие категории необходимы для того, чтобы создать логическую конструкцию предмета, адекватную самому предмету? Мы уже знаем, что предмет — это не то, что нами воспринимается, что он есть прежде всего некая самоутвержденность, самоположенность.

Чтобы выразить в понятии диалектическую конструкцию, структуру предмета, необходимо семь категорий: в терминологии А.Ф.Лосева это **сущность, не-сущее, эйдос, пневма, символ, миф и Имя**.

Всякий предмет прежде всего есть нечто, отличное от других предметов; если он ничем не отличается от других предметов, то это значит, что этого предмета нет, что он не существует. Но может быть, можно сказать, что предмет отличается от других предметов какими-либо признаками и потому сам предмет — это совокупность признаков? Это неверно, во-первых, потому, что любой признак можно найти и у других предметов, и, во-вторых, потому, что для того чтобы быть совокупностью признаков, надо сначала быть (сначала — в логическом, а не временном смысле). Или предмет «есть специфический носитель всех своих признаков и свойств и не сводится к ним, тогда он действительно существует, о нем можно говорить и им можно пользоваться. Либо никакого носителя признаков, отличного от этих признаков, ни в каком смысле не существует; и тогда неизвестно, куда же надо относить все эти признаки»⁵⁰. Для тех, кто представляет себе вещь как совокупность признаков, категория предмета вообще оказывается излишней, а имя вещи — чистой условностью, созданной для удобства общения; все такого рода философы и лингвисты «испытывают непреодолимое отвращение к понятию сущности и вместе с тем определенное недоверие к семантике»⁵¹. Отрицать предмет и основываться на признаках и свойствах значит гипостазировать эти признаки и свойства, то есть представлять их как отдельные вещи, которые, однако, сами состоят из признаков и свойств, которые тоже нужно гипостазировать, и так до бесконечности. Таким образом, по словам А.Ф.Лосева, весь мир превращается в какую-то пыль бесконечно малых признаков; и совершенно непонятно, что заставляет эту пыль признаков объединяться в «совокупности» вроде дерева, камня, Луны, коровы и т.п.

⁴⁹ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 68.

⁵⁰ Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 61.

⁵¹ Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985. С. 128.

П.А.Флоренский писал также, что это они, не признающие сущности, «раздробили всякую форму на кирпичики; это они расстригли Слово Божие на строчки и слова, язык растолкли в звуки, организм измельчили до молекул, душу разложили в пучок ассоциаций и поток психических состояний, Бога объявили системой категорий, великих людей оценили как комочки, собравшиеся из пыли веков, — вообще все решительно распустили на элементы, которые распустились в свой черед, приводя бывшую действительность к иллюзии формы и ничтожеству содержания»⁵².

Итак, следует признать в предмете его основу, которая и является носителем всех находимых в нем признаков, но к ним не сводится. Эта основа фиксируется в логической категории сущности — источнике жизни вещи и всех ее судеб. Таким образом, поскольку предмет есть нечто, он есть сущность.

В категории сущности фиксируется тождество предмета с самим собой во всех метаморфозах его жизненных судеб: само понятие метаморфозы имеет смысл только тогда, когда есть то, что подвергается превращениям, а это и есть сущность. В категории сущности выражается также «непознаваемая глубина»⁵³ предмета; сущность есть, по выражению А.Ф.Лосева, «апофатический икс»⁵⁴. Термины **апофатизм, апофатический**, т. е. ‘отрицание’, ‘отрицательный’, являющиеся очень важными в контексте лосевской философии имени, восходят к традициям восточно-православного богословия. Апофатическое богословие, в противоположность катафатическому, есть путь восхождения к Богу через отрицательные определения того, что не есть Бог: «Отрицательное богословие есть путь к мистическому соединению с Богом, природа Которого остается для нас непознаваемой»⁵⁵. Сколько мы ни познаем предмет, наше познание никогда не может исчерпать его содержания, «всегда остается некий иррациональный «остаток», который от этого анализа ускользает и понятиями выражен быть не может: это — непознаваемая основа вещей, то, что составляет их истинную, неопределимую сущность»⁵⁶. Будучи сама в себе неопределимой, сущность диалектически служит источником всех своих определений. Этот-то иррациональный «остаток», эту неопределимую до конца сущность А.Ф.Лосев называет апофатическим иксом, а С.Н.Булгаков, говоря о том, что на сущность можно только указать, например, при помощи местоимения, называет такое указание мистическим жестом. Видимо, эту

⁵² Флоренский П.А. Имена. Б/м, 1993. С. 32—33.

⁵³ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 803.

⁵⁴ Там же. С. 874.

⁵⁵ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 24.

⁵⁶ Там же. С. 28.

иррациональность сущности, эту диалектику иррационального и рационального и не выносят позитивисты. «Сущность начинается с апофатического момента. Сущность насыщена смыслом и бытием, и из недр ее бьет неистощимый ключ ее жизни и все новых и новых определений. Насколько плоско, неумно и ограниченно рассечение сущности на отдельные понятийные моменты, насколько оно изобличает у философа отсутствие тонкости и чуткости в мировосприятии, настолько необходимо признание в сущности прежде всего апофатического момента, бьющегося и трепещущего в ее глубине и неустанно проявляющегося в новых и новых манифестациях явленного лика. Такова живая сущность. Но остаться на стадии такого апофатизма значило бы впасть в мертвящий агностицизм, который так же туп и безжизненен, как и грубый рационализм»⁵⁷. Что-бы о сущности можно было что-то сказать, она должна явиться.

Что значит **явиться**? Для явления необходимо, во-первых, то, что является, и, во-вторых, то, на фоне чего оно является, то есть нечто иное по отношению к являющемуся. Является, как известно, сущность, и является она на фоне того, что не есть она сама, то есть на фоне не-сущего. Очень важно понять категорию не-сущего не натуралистически, а логически. Натуралистическое понимание не-сущего означает вот что: вот передо мною на столе лежит книга; если сказать, что стол есть иное по отношению к книге, что стол есть не-сущее книги, то это и будет натуралистическое понимание категории не-сущего. Такое понимание ничего не говорит о самой сущности. Логически-диалектическое понимание не-сущего означает, что не-сущее есть момент самой сущности. Не-сущее есть момент отрицания сущности, но такое ее отрицание, которое диалектически ведет к ее утверждению. Отрицать сущность значит утверждать все, что не есть она сама; утверждать же все, что не есть сущность, значит ограничивать самую сущность, а это и значит утверждать сущность, но уже не как простую самоположенность, а как самоположенность в ее собственных границах. Таким образом, не-сущее есть момент самой сущности, который утверждает положенность сущности в ее границах, не-сущее есть момент оформления сущности. Если не понять категории не-сущего как диалектического момента самой сущности, трудно будет понять и все остальное, поэтому надо уметь увидеть не-сущее в самом сущем, увидеть в категории не-сущего утверждение и оформление самого сущего.

Итак, предмет есть и сущность, и не-сущее, точнее, совпадение этих противоположностей, тождество сущности и не-сущего. Совпадение противоположностей в диалектике означает не уничтожение их, а рождение новой категории, синтезирующей противоположности. Самоположенность сущности в ее собственных гра-

---

⁵⁷ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 732.

ницах означает, что предмет становится видимым для ума, то есть становится эйдосом.

В эйдосе сущность является самой себе на фоне своих границ и частей. Но ведь сущность есть смысл, поскольку, как мы помним, всякий предмет несет в себе свою собственную идею. Что же стало с сущностью, когда она явилась в эйдосе? По смыслу она остается той же самой, но при этом она становится картиной, «превращается в изваяние, столь же смысловое и сущное, что и раньше, но уже гораздо более богатое, тонко отделанное и живое»⁵⁸. Это значит, что эйдос есть умозрительная картина сущности, смысла; в нем мы видим сущность своим умным зрением, это — узреваемый умом смысл. Эйдос есть явленный лик сущности, смысловое изваяние сущности, смысловая и цельная картина смысла предмета. Эйдос видится мыслью, осязается умом, созерцается интеллектуально⁵⁹. Чтобы эта «картина была ясна, необходимо ей иметь твердые границы и очертания. А это значит, что она отличается от иного и есть яркая и для ума резко очерченная, изваятельно-осязательная фигурность смысла на фоне абсолютной тьмы»⁶⁰. Если мы увидели эйдос сущности, «мы не нуждаемся ни в каких других формах узрения и ни в какой другой логике»⁶¹. Так называемые муки слова означают не что иное, как умное созерцание эйдоса, то есть всей полноты смысла, и невозможность выразить эту полноту конечными средствами человеческого языка, когда каждая «мысль изреченная есть ложь».

Чего нам еще не хватает для диалектической конструкции предмета? У нас есть категория сущности, выражающая самоположенность предмета и его апофатическую основу. У нас есть категория не-сущего, выражающая оформленность сущности, ее самоположенность уже как единораздельной цельности. У нас есть категория эйдоса, выражающая явление сущности, ее смысловое изваяние. Однако мы не можем ограничиться этими категориями, потому что логической конструкции предмета, создаваемой средствами этих категорий, пока не хватает динамизма, движения. В эйдосе мы получили смысловую картину сущности, однако эта картина статична; она подобна моментальному снимку или стоп-кадру, в ней нет именно движения. Если мы хотим дать логическую конструкцию живой вещи, мы должны найти такую категорию, которая выражала бы не тождественность вещи самой себе, а различие с собой, не ограниченность, а выхождение из границ, не статическую изваянность смысла, а его постоянную изменчивость. Такой категорией является категория пневмы, или духа: дух предмета есть то, что заставляет

---

⁵⁸ Там же. С. 686.

⁵⁹ См. там же. С. 707.

⁶⁰ Там же. С. 711.

⁶¹ Там же. С. 701.

его жить — в каждый момент различаться с собой, выходить за собственные границы, куда-то стремиться, обновляться, то есть находиться в становлении, сохраняя при этом «неизменным и вечным свой идеальный лик и присутствуя целиком... в любом моменте своего изменения»⁶². Категория пневмы во всем противоположна категории эйдоса, является ее отрицанием: эйдос — резко очерченная для ума изваянность смысла, пневма — сплошная неразличимая текучесть смысла. Но таков живой предмет — единство, совпадение этих противоположностей: строжайшая оформленность на фоне вечного изменения, вечное изменение на фоне строжайшей оформленности, μορφή и μεταμόρφωσις, форма и трансформация, образ и преобразование. Из совпадения категорий всегда рождается новая категория; из тождества эйдоса и пневмы рождается категория символа. Почему символа, или что мы здесь понимаем под символом?

Категория пневмы вносит в сущность момент становления, которое можно представить себе как множество смысловых точек, через которые проходит сущность. Прохождение сущности через эти точки не является чем-то хаотическим и беспорядочным, иначе вряд ли эти точки были бы смысловыми; каждая точка воплощает в себе какую-то грань смысла и в то же время указывает на все предыдущие и все последующие точки, то есть указывает на всю закономерность становления. Такую точку, такое смысловое явление, которое, оставаясь единичным, содержит в себе всю закономерность становления сущности, мы и называем символом. Символ есть единичность, но такая единичность, в которой содержится и общий закон становления сущности. Символ есть конечность, но такая конечность, в которой угадывается, видится вся смысловая бесконечность становления. Возьмем простейший случай — свободное падение тела; в каждой точке этого падения тело подчинено общему закону, выражаемому формулой: $v = \sqrt{2gh}$, поэтому каждая точка этого падения, воплощающая в себе этот закон, символизирует собой всю сущность свободного падения тела. Или когда Оленька Племянникова, выйдя замуж за антрепренера Кукина, «говорила знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете — это театр и что получить истинное наслаждение и стать образованным и гуманным можно только в театре», то в этих словах угадывается вся судьба Душечки, ибо в них воплощена вся закономерность этого характера, и потому они — его символ. Таким образом, символ есть единичное проявление сущности, но такое ее проявление, в котором содержится «принцип бесконечного становления с указанием всей

---

⁶² Там же. С. 712.

той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления»⁶³.

Категория символа теснейшим образом связана с апофатизмом сущности; более того, апофатизм прямо предполагает символизм и наоборот: «Символизм есть апофатизм, и апофатизм есть символизм. Разорвав эти две сферы, мы получим или агностицизм с пресловутыми «вещами в себе», которых не может коснуться ни один познавательный жест человеческого ума, так что все реально являющееся превращается или в беспросветное марево иллюзий, или в порождение человеческого субъективного разума, или получим уродливый позитивизм, для которого всякое явление и есть само по себе сущность, так что придется абсолютизировать и обожествлять всю жизненную текучесть со всей случайностью и растрепанностью ее проявлений. Только символизм спасает явление от субъективистического иллюзионизма и от слепого обожествления материи, утверждая тем не менее его онтологическую реальность, и только апофатизм спасает являющуюся сущность от агностического негативизма и от рационалистически-метафизического дуализма, утверждая тем не менее его универсальную значимость и не сводимую ни на что реальную стихию. Сущность есть, и явление есть. И вот, явление проявляет сущность. Но не должны мы рассуждать так, что, хотя сущность есть и явление есть, последнее не проявляет ее, и не так, что сущность есть, но нет никакого явления ее, от нее отличного, и не так, что явление есть, но нет никакой его сущности, от него отличной. Так символизм и апофатизм суть едино»⁶⁴.

Символ — закон становления сущности, данный в отдельном явлении этой сущности, в силу чего символ эйдетичен, но сам не эйдос, ибо он эйдетически элементарен, тогда как эйдос — бесконечно полная смысловая картина сущности. Однако это такая элементарность, которая «заряжена» всей смысловой потенцией сущности, отражает в себе всю полноту смысла. В эйдосе вся полнота смысла дана актуально для созерцания ума, в символе вся полнота смысла дана потенциально: смысл в символе не созерцается, а прозревается, угадывается или же, в простых случаях, математически просчитывается.

Символ, как видим, есть совпадение конечного и бесконечного, а из тождества противоположностей должна рождаться новая категория. Прежде чем узнать, что это за категория, вдумаемся в диалектику конечного и бесконечного.

⁶³ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 35.

⁶⁴ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 699—700. Более подробно и ярко негативные философские теории соотношения сущности и явления — рационализм, позитивизм, кантианство, феноменология — рассмотрены А.Ф.Лосевым в работе «Вещь и имя».

Представим себе натуральный ряд чисел: 1, 2, 3, 4... К каждому последующему числу можно прибавить еще единицу и еще единицу и т. д. до бесконечности. Это — недialeктическая бесконечность, которая характеризуется простым отсутствием конца и которую вследствие этого Гегель называл дурной бесконечностью.

Основной принцип диалектики — это, как известно, принцип тождества противоположностей, следовательно, и бесконечность надо мыслить тождественной конечности. Возьмем отрезок длиной в одну единицу: 0 _____ 1; это вполне конечный отрезок. Однако сколько бы мы ни делили этот отрезок, всегда любую его часть можно еще раз разделить и т. д. до бесконечности. Это — диалектическая бесконечность, равная конечности.

Мы говорили об апофатической сущности и о ее бесконечных символично-смысловых проявлениях. Если эти проявления мыслить как дурную бесконечность, то это будет означать унылую фиксацию засвидетельствованных смысловых «единиц», прибавление все новых и новых единиц, уходящее в бесконечность. В этом случае невозможно даже применение категории символа, поскольку символ — это всегда символ чего-то, то есть определенного, конечного, хотя и бесконечного в своих проявлениях.

Если обозначить нулем апофатический икс сущности, то единица будет означать полное проявление сущности; в этом случае $0=1$, поскольку 0 — это сущность в ее потенции, а 1 — это та же сущность в ее полной актуальной явленности. Но поскольку смысловая потенция сущности бесконечна, то ее смысловая явленность никогда не достигнет единицы, бесконечно приближаясь к ней. Но при этом всякое проявление сущности есть символическая «дробь» этой единицы, этой полноты. Что же получится, если собрать все эти дроби вместе? Каждый символ есть «событие» в жизни сущности, когда она так или иначе себя проявила. Понятно, что совокупность всех этих «событий» есть символическая история сущности, или, как предпочитает выражаться А.Ф.Лосев, миф этой сущности⁶⁵. Если какая-нибудь сущность рассказала бы все, что с ней случилось и могло случиться с указанием всей смысловой закономерности случившегося, то есть превратила бы свой смысл в рассказ, то получилась бы история сущности, или ее миф⁶⁶. Как мы помним, эйдос есть умозерцаемая полнота смысла; эйдос же, модифицированный в рассказ, в историю, есть миф, в котором символы суть события рассказа. Апофатизм сущности означает, что такой рассказ никогда не может быть окончен, так как это означало бы исчерпание бесконечности, что, понятно, невозможно. Однако это такая бесконеч-

⁶⁵ Греч. μῦθος — 'слово, речь, рассказ, весть, сказание, предание, сказка, басня, вымысел, миф'.

⁶⁶ Такими мифами являются все автобиографии и исповеди.

ность, которая тождественна конечности, это бесконечность чего-то конечного, вполне определенного. Поэтому символично-смысловое становление сущности, как и рассказ о нем, предполагают некий смысловой же предел, полноту, к исчерпанию которой они бесконечно стремятся. Что же такое этот предел, эта полнота? Этот предел, эта полнота символично-смыслового становления сущности есть ее Имя. В Имени достигается полнота самораскрытия, то есть «понимания вещью самой себя»⁶⁷. Употребление слова *Имя* с прописной буквы указывает на то, что понимание вещью самой себя есть ее собственное имя, то есть такое имя, какое она сама себе дает. «Сущность же сама себя облекает в язык, облекает сначала для себя и только потом для «другого» (для инобытийного воплощения в человеческом сознании) и потому «выбирает» такую семантическую форму, которая внутренне имманентна этому и соответствует цели самопонимания. Такой формой может быть только собственное имя»⁶⁸. Разумеется, никто и никогда не сможет услышать или назвать собственное Имя сущности, как это должно быть ясно из предыдущего изложения; знать его можно лишь в состоянии сверх-умного экстаза. Так, Прометей — это не собственное Имя сущности, а ее наименование на одном из человеческих языков; собственное же Имя стоит как бы за этим наименованием и доступно только в акте сверх-умного общения с сущностью.

Собственное Имя сущности — онтологическая основа всего того, что происходит с сущностью, то есть основа всех ее явлений, а также основа ее именовании в человеческих языках (о чем — ниже). Собственное Имя осмысливает вещь, «однако не внося решительно никаких иных способов оформления вещи, кроме тех, которые в ней самой содержатся. Оно просто переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом»⁶⁹. Самопонимания вещи в Имени не могло не быть, как уже говорилось, оно конститутивно для самой вещи. Иначе вещь остается слепой и глухой апофатической бездной, с которой не может быть никакого осмысленного общения, а существование в мире таких «вещей» было бы непрекращающимся кошмаром. Собственное Имя есть «окончательный предел всех умных самовыявлений и самовыражений вещи, если идти со стороны ее внутренних глубин. Максимально глубина вещи выявляется тогда, когда вещь получает имя, когда она дозревает до имени, расцветает до имени»⁷⁰. Недозревшая до имени вещь собственно и не есть вещь; она подобна

⁶⁷ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 155.

⁶⁸ Гоготшвили Л.А. Религиозно-философский статус языка // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 913.

⁶⁹ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 817.

⁷⁰ Там же.

недостроенному зданию, о котором нельзя сказать ничего определенного — то ли это дом, то ли театр, то ли мавзолей, то ли коровник; или же она подобна человеку, которого в просторечии называют *недоделанным*. Никакое жизненное общение с такими «безымянными» вещами и людьми по сути невозможно. Напротив, «знать имя вещи значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удаляться от нее. Знать имя вещи значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью»⁷¹. Собственное Имя вещи есть онтологическая основа осмысленного общения с вещью: «Имя вещи есть орудие общения: это значит, что вещь общается, прежде всего, *сама с собою*, а *затем и потому* — со всякими другими вещами. Имя вещи есть орудие понимания: это значит, что именуемая вещь *раньше* всего понимает сама себя, а *затем и потому* ее понимает и всякая другая вещь»⁷².

Такова в общих чертах логическая конструкция предмета. В «нижней» ее точке расположена категория сущности — апофатической основы и носителя всех свойств, признаков и жизненных судеб предмета; «наверху» располагается категория Собственного Имени — полного выражения смысла вещи, понимания ею самой себя и орудия общения с вещью в разуме; Собственное Имя «есть та смысловая стихия, которая мощно движет неразличимую Бездну к Числу, Число к Эйдосу, Эйдос к Символу и Мифу. Она — цель всех этих моментов сущности, и только в свете имени понятным делается окончательное направление и смысл всей диалектики сущности»⁷³. Собственное Имя является основой онтологической теории смысла, ибо **Имя — это смысловой предел символично-смыслового становления эйдоса как умозрительной картины апофатической сущности предмета, а значит понимание предметом самого себя и, вследствие этого, орудие общения с этим предметом для всякого другого предмета.** Однако основа теории еще не вся теория, и мы должны сделать следующий шаг в ее построении.

§ 4. Сущность и явление, сущность и энергия

Следующим шагом в построении онтологической теории смысла должен быть ответ на вопрос о том, благодаря чему возможно общение с предметом в его Имени? Собственное Имя необходимо, но еще не достаточно для общения. Что значит общаться? Общаться значит взаимодействовать, следовательно, предмет должен не толь-

⁷¹ Там же. С. 763.

⁷² Там же. С. 837.

⁷³ Там же. С. 745.

ко иметь Имя, он должен еще и действовать. Таким образом, вводится новая категория — категория действия, или энергии. Что такое энергия по отношению к сущности? В каждом своем действии, или энергии, сущность участвует целиком, поэтому можно сказать, что энергия — это сама сущность; но сущность не есть энергия, поскольку ни в одном своем действии сущность не может исчерпать себя целиком. Сущность являет себя в своих энергиях, и всякое наше суждение есть суждение об энергии сущности, или, точнее говоря, это суждение о сущности, но настолько, насколько она сама себя явила, манифестировала в умной энергии. Поэтому энергия есть внешний символ сущности, и о нем можно сказать все то, что мы говорили о внутрисущностном символе. Вот что пишет о различении сущности и энергии и вытекающих отсюда следствиях А.Ф.Лосев: «Методологически надо различать энергию сущности и самую сущность. Энергия действует в «ином» и по этому действию познается. Сущность же действует, говорили мы, косвенно, сама оставаясь незатронутой. И потому, изучая действие энергии, мы еще не изучаем всей глубины сущности, хотя она и целиком присутствует в каждой своей энергии. <...> Только в своих энергиях сущность и познаваема»⁷⁴. Из этого с необходимостью следует, «что все, утверждаемое нами о сущности как такой, поскольку о ней нельзя ничего мыслить вне ее энергий, есть утверждение символическое»⁷⁵, что энергия сущности «необходимым образом содержит в себе всегда символическую природу. Она есть всегда вестник сущности; и по ней мы сразу видим, какая сторона сущности имеет проявиться в инобытии и как она будет проявляться»⁷⁶.

Различение сущности и энергии так же, как и учение об апофатичности сущности, восходит к восточно-православному богословию; и это понятно, так как апофатизм и энергетизм предполагают друг друга. Перед восточными богословами стояла сложная задача: как совместить недоступность абсолютно трансцендентного Бога и реальную, известную из духовного опыта возможность богообщения? почему доступна недоступная природа? Ответом на эти вопросы и стало «различение в Боге сущности или, в собственном смысле слова, природы, неприступной, непознаваемой, несообщаемой, и энергий или божественных действий, природных сил, неотделимых от сущности, в которых Бог действует во вне, Себя проявляя, сообщая, отдавая»⁷⁷. По учению св. Григория Паламы, не только Божественная Сущность, но и всякая иная, тварная, сущность обладает энергией, ибо энергии лишено только не-сущее. Этими энергиями

---

⁷⁴ Там же. С. 695.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же. С. 708.

⁷⁷ Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. С. 55.

сущность являет себя всему внешнему, причем независимо от того, существует ли фактически эта внешняя среда, способная воспринять эти энергии; так, солнце сияет и море шумит независимо от того, что слепой не видит сияния, а глухой не слышит шума.

Таким образом, если Собственное Имя есть «арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого», «орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью»⁷⁸, то энергии сущности есть тот «канал связи», который связывает нас с сущностью и ее Именем, тот единственный путь, по которому можно выйти на эту арену. Категория энергии входит необходимой составной частью в логическую конструкцию предмета, поскольку это такая категория, которая выводит предмет из себя, делает доступным Собственное Имя всему иному. Очевидно, что онтологическая теория смысла должна далее подвергнуть рассмотрению саму категорию иного, или инобытия.

В категории инобытия выражается то, в чем происходит явление сущности; с рассмотрением этой категории мы переходим, наконец, в область человеческого языка.

Вспомним еще раз, что значит явиться. **Явиться** может только то, что существует прежде всего само по себе, до всякого явления, то есть сущность. Сущность, чтобы явиться, должна действовать, то есть необходима энергия сущности. Наконец, чтобы явиться, сущности необходима «некая иноприродная <...> среда, некое инобытие»⁷⁹, где она могла бы явиться.

А.Ф.Лосев различал два типа иного: внутрисущностное иное как момент самой сущности, которое он называл внутрисущностным меоном⁸⁰, и абсолютное иное, абсолютный меон. Внутрисущностный меон, или не-сущее, «не есть ни субстанция, ни вещь, ни масса, ни вообще что-нибудь так или иначе самостоятельно определенное, ибо все это есть нечто одно, одно и одно. Иное же есть как раз не-одно, не-сущее. Все свое смысловое содержание оно получает от одного и есть только отрицание этого одного. Нет ничего, кроме одного. И нет ничего иного, которое было бы чем-то самостоятельно одним, наряду с первым одним. Но одно — отдельно. Вот иное и есть лишь принцип отдельности и различия»⁸¹. Таким образом, иное есть лишь принцип оформления одного, меон, не-сущее — принцип оформления сущности. «Смысл есть свет, и бессмыслие — тьма. Смысл в себе, в своей абсолютной природе — абсолютен и не имеет очертания; это — стихия и бесконечная сила света. Бессмыс-

⁷⁸ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 642.

⁷⁹ Там же. С. 685.

⁸⁰ Меон — из греч. μή ὄν 'не сущее'.

⁸¹ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 116.

лие — меон, отсутствие смысла; оно окружает смысл и тем оформляет его, дает ему очертание и образ. Сущий смысл и не-сущее бессмыслие взаимопределяют друг друга и дают определенный образ в результате такого взаимопределения»⁸². Этот образ, точнее — лик, есть, как мы помним, эйдос сущности. Явление сущности самой себе на фоне не-сущего не предполагает фактичности такого явления.

Другое дело — абсолютный меон. Инобытием, абсолютно противостоящим сущности, может быть только человеческое сознание, поскольку оно, и только оно, не есть ни субстанция, ни вещь, ни масса, ни вообще что-то самостоятельно определенное; свое смысловое содержание оно получает от сущего, но в нем сущность является фактически. Сознание есть абсолютное иное сущности, меональное обстояние сущности; из взаимодействия сущности и абсолютного иного возникает образ их взаимопределения — обыкновенное человеческое слово.

Общение с сущностью, как мы помним, возможно только на почве ее собственного Имени и через посредство ее энергий. Собственное Имя есть опора для всего, что может случиться с сущностью в инобытии. Во взаимопределении сущности и абсолютного меона происходит переход Имени в имена человеческих языков: имя — это то, что «произошло» с Именем в инобытии, это модификация Имени в инобытии. Имя тождественно собственному Имени, в противном случае это было бы имя неизвестно чего; но имя и различно с Именем, в противном случае была бы невозможна реальная множественность имен одной сущности. Так как «разная степень отождествления есть подобие»⁸³, то имена подобны Имени, но каждое по-своему. В этом — основа того, что одно имя можно заменить другим, в частности при переводе с языка на язык. Если бы имена были только тождественны Имени, то перевод был бы не нужен; поскольку же имена лишь подобны Имени, то и перевод есть лишь новое подобие.

§ 5. Именованье. Логическая структура слова

Переход Имени в инобытие следует назвать именованьем, и нам теперь надо разобраться в том, что собой представляет акт **номинации**.

Прежде всего именованье предполагает, что есть то, что именуется. Что же это такое? А.Ф.Лосев исходит из того, что сущность не именуема: «Сущность никак, никогда, ни при каких условиях не может быть ни познана, ни почувствована, ни именована»⁸⁴. Сущность — апофатический икс — превосходит всякое познание, вся-

---

⁸² Там же. С. 653—654.

⁸³ Там же. С. 213.

⁸⁴ Там же. С. 874.

кое ощущение, всякое именование, являясь в то же время основой и источником и познания, и ощущения, и именованья. Чтобы быть именованной, сущность должна явиться, сначала себе, а потом и иному. Как мы помним, явление сущности самой себе есть ее эйдос — явленный лик, смысловое изваяние сущности. И вот, если только мы правильно понимаем мысль Лосева, созерцание эйдоса и есть основа именованья; на вопрос о том, что именуется, ответ такой: именуется эйдос сущности, созерцаемый умным зрением. Однако этот ответ еще не полон. Эйдос — это явление сущности самой себе, а для именованья необходимо, чтобы она явилась иному, в инобытии. В инобытии же эйдос является своими энергиями; если бы сущность не являлась в инобытии своими энергиями, то она вместе со своим эйдосом и Именем пребывала бы, оставаясь не затронутой никаким именованьем. Именно энергия сущности делает возможным именование, поэтому энергия — онтологическое основание возможности связки, а связка — логическое выражение энергии; она подобна проводнику, по которому течет энергия эйдоса; не будь энергии, не было бы и связки, ибо нечего было бы связывать. Полный ответ на поставленный вопрос будет таким: именуется эйдос сущности в меру своих энергийных проявлений, созерцаемых умным зрением.

Что же происходит с умной энергией эйдоса, когда она попадает на почву инобытия?

Прежде всего происходит ее обнаружение, ее «схватывание» мыслью. Мы здесь исходим из очевидного и несомненного факта того, что человек способен видеть вещь как именно эту вещь, видеть ее «нечто́сть», ее самое само, видеть вещь в ее собственной идее. Этот акт схватывания и полагания вещи в ее собственной идее не есть акт чувственного восприятия. Напротив, именно этим актом разнородные чувственные впечатления — осязательные, зрительные, слуховые и др. — сводятся воедино, что предполагает независимость от чувственного опыта и специфичность самого акта схватывания. Этот акт может быть назван воображением, интуицией или умозрением. Таким образом, умозрение есть акт непосредственного схватывания и полагания вещи как такой, то есть акт непосредственного узрения ее смысла, ее идеи. Мы еще не знаем, что это за вещь, но уже знаем, что она есть. Языковым выражением этого акта схватывания и полагания является местоимение.

Местоимение выражает собой «именно тот молчаливый мистический жест, который всегда присутствует в имени: вот это есть А»⁸⁵. Местоимение выражает чистую предметность вне и до всякого качества, оно возникает в точках первого соприкосновения бытия и сознания; местоимение — первый отклик на голос бытия. Место-

⁸⁵ Булгаков С.Н. Философия имени. С. 64.

имение тождественно указательному жесту и числу *один*: вот, это — есть, это есть именно как это, отличное от всякого другого, есть некая единица, хотя мы еще и не знаем, *чем* отличается *это* от *того*, эта единица от другой; местоимение означает, что вещь соприкоснулась с сознанием и начала в нем свою жизнь. По меткому выражению С.Н.Булгакова, местоимение «есть онтологический крюк, на который вешается имя — конкретное, живое слово, и лишь благодаря этому крюку слово из своей грамматической аморфности, из корневого состояния, из идеи-смысла становится именем *существительным*»⁸⁶. И не только именем существительным. Возьмем глагол в какой-либо форме: *пишу, пишешь, пишет*. Так называемые личные окончания глаголов потому и называются личными, что они суть местоимения. Глагол *пишет* есть уже предложение, подлежащим которого является личное окончание, а сказуемым — корень; *-ет* в качестве местоимения указывает на бытие некой сущности, на ее присутствие, а *пиш-* на свойство, качество, действие, то есть предикат этой сущности. Глагол нагляднее всего демонстрирует, как рождается слово, как на онтологический крюк местоимения вешается отвлеченный смысл. То же самое, но в менее наглядной форме, имеет место и в имени существительном: оно тоже есть свернутое предложение, подлежащим которого является окончание именительного падежа, а сказуемым корень, иногда вместе с суффиксом. Возьмем слово *копыто*: в нем *-о* — выполняет роль указательного местоимения, указывающего на бытие-присутствие некой сущности, это подлежащее: *это есть*; *-т-* сказуемое, предикат этой сущности: *это есть орудие*; *коп-* — еще один предикат, еще одно сказуемое: *это есть орудие копания*. Эти примеры показывают, что скрытое местоимение царит в языке, оно есть онтологическое начало языка, в котором берут свой исток как имя существительное, так и глагол.

После акта схватывания вещи, выраженного местоимением, совершается акт ее понимания, и А.Ф.Лосев дает точнейшую характеристику того, что представляет собой этот акт. Напомним, что в акте понимания есть три момента: во-первых, необходим отвлеченный смысл, эйдос, данный нам в своих энергиях; во-вторых, необходимо сравнение данного смысла с другими вещами и их смыслами, то есть с его инобытием; в-третьих, необходимо отождествление смысла со своим инобытием. «Понять вещь значит взять ее смысл, перенести его на то или другое ее инобытие <...> и — отождествить его с этим инобытием»⁸⁷. Вот этот акт отождествления и есть именование. Когда мы говорим, что эйдос А есть В, то мы отождествили А и В, причем В есть не иное что, как имя А, «следовательно,

⁸⁶ Там же. С. 70.

⁸⁷ Лосев А.Ф. Бытие. Имя Космос. С. 825.

имя есть понимание»⁸⁸. Учение А.Ф.Лосева об именовании совершенно ясно и выражено в чеканных формулировках вроде следующей: «Понять вещь значит соотнести ее с тем или другим ее окружением и представить ее себе не просто как ее саму, но в свете того или другого окружения, в свете той или другой вещи или момента из этого окружения. Когда мы говорили о смысле вещи, мы предполагали только ее отличие от всего прочего и наличие в ней некоторой простой качественности, которая была бы достаточна для того, чтобы обеспечить ей какой-нибудь определенный спецификум. Но, получивши смысл путем такого отграничения, мы теперь снова сравниваем вещь со всем, что ее окружает. Раньше мы еще не знали, что такое данная вещь, и вместо вещи имели пустое место. Это значило, что нужно было провести первичную границу и очертание для получения самой вещи. Теперь вещь получена, и — мы опять сравниваем ее со всем прочим. Сравнение снова обогащает вещь. Раньше мы имели контуры и очертание. Теперь начинаем производить различения внутри полученных контуров и очертаний. И мы видим, что смысл вещи, это — одно, а ее соотношение с другими вещами — совершенно другое. И вот, когда мы даем этой вещи какое-нибудь название, слово, имя, — это значит, что мы уже соотнесли ее со всем прочим и выбрали то, в свете чего мы ее хотим понять и с чем сравниваем. Это и значит, что мы понимаем вещь»⁸⁹. Вспомним лосевские примеры со словами *искусство*, *Kunst*, *art*. Этот момент понимания, момент поистине центральный в слове, без которого бы не было слова, мы, вслед за А.Ф.Лосевым, будем называть ноэмой⁹⁰ слова. **Ноэма** есть то, в свете чего интерпретируется данный эйдос, с чем сравнивается и с чем отождествляется. **Эйдос** — это вечный, неизменный, чистый смысл предметной сущности, ее смысловое изваяние; эйдос есть явление сущности самой себе, поэтому в нем нет противоположности внутреннего и внешнего. Когда же эйдос благодаря своим энергиям появляется в инобытии, вступает во взаимоотношение с иным, с меоном, тут же появляется антитеза внутреннего и внешнего: одной своей стороной эйдос участвует в стихии слова, образуя в нем момент сравнения и отождествления, то есть понимания, интерпретации, а другой своей стороной остается вне слова, конструируя предмет. Поэтому ноэма есть не только то, в свете чего интерпретируется эйдос, но и то, что интерпретируется в том или ином свете, то есть та сторона эйдоса, которая участвует в стихии слова. Ноэма возникает тогда, когда происходит отождествление эйдоса и инобытия, вернее, той стороны эйдоса, которая участвует в стихии слова, и чего-то определенного в ино-

⁸⁸ Там же. С. 822.

⁸⁹ Там же. С. 823—824.

⁹⁰ От греч. νόημα 'мысль'.

бытию; поскольку же тождественным может быть только то, что различно, то и ноэма есть не только тождество, но и различие эйдетического и меонального. Вне этой диалектики совершенно непонятна природа именованья.

Кстати сказать, теперь у нас есть некоторые данные для ответа на вопрос о связи смысла и звука. Ф. де Соссюр неверно учил о том, что означаемым слова является понятие; на самом деле означаемым является *понимаемое понятие*. Если смысл сам по себе есть отвлеченность, то понимаемый смысл является всегда индивидуально-языковым, вследствие чего он обязан иметь свое «лицо», каковым и является его звуковой облик. Учить об условности языкового знака все равно что учить об условности человеческого лица; говорить, что смысл мог бы быть выражен любым другим сочетанием звуков, все равно что говорить, что у человека могло бы быть и другое лицо. Будем ли мы считать себя самими собой, если, взглянув в зеркало, вдруг увидим там вместо своего совершенно чужое лицо?

Поскольку эйдос и его инобытие бесконечно разнообразны в своих смысловых энергиях, то бесконечно разнообразны и способы их взаимоотношения; это является онтологическим основанием реального многообразия языков, а также того, что каждый язык есть определенное миропонимание, о чем писал еще В. фон Гумбольдт.

Возьмем для примера эйдос истины и рассмотрим его ноэмы в разных языках.

Для древнего грека истина есть ἀλήθεια. Что это значит? Какова ноэма этого слова? Слово ἀλήθεια образовано от корня *λήθ- при помощи отрицательной приставки α- и суффикса отвлеченного существительного -εια; оно родственно слову λανθάνω ‘быть скрытым, оставаться втайне от кого-л., быть незамеченным’, в медиальном залоге — ‘упускать памятью, для памяти’, ‘теряю, забываю’; отсюда же λήθη ‘забвение’, ληθεδανός ‘производящий забвение’, а также название патологического сна летаргия. «Пластический образ летеиской воды, τὸ λήθης ὕδωρ, равно как и целый ряд выражений вроде: μετὰ λήθη — *в забвении*, λήθην ἔχειν — *иметь забвение*, т.е. быть забывчивым; ἐν λήθη τινὸς εἶναι — *быть в забвении чего, забыть о чем*; λήθην τινὸς ποιέσθαι — *производить забвение чего, забыть о чем*; λησμοσύναν θέσθαι — *положить забвение, привести в забвение*; λήστιν ἴσκειν τι — *забывать что* и др. — все это вместе ясно свидетельствует, что забвение было для эллинского понимания не состоянием простого отсутствия памяти, а специальным актом уничтожения части сознания, угашением в сознании части реальности того, что забывается, — другими словами, не неимением памяти, а силою забвения. Эта сила забвения — всепожирающее время.

Все — текуче. Время есть форма существования всего, что ни есть, и сказать: «существовать» — значит сказать: «во времени», ибо

время есть форма текучести явлений. Все течет и движется, и ничто не пребывает; πάντα ῥεῖ καὶ κινεῖται, καὶ οὐδὲν μένει, — жаловался уже Гераклит. Все ускользает от сознания, протекает сквозь сознание, — забывается. Время-χρόνος производит явления, но, как и его мифологический образ, как Κρόνος, оно пожирает своих детей. Самая сущность сознания, жизни, всякой реальности — в их текучести, т.е. в некотором метафизическом забвении.<...> Но, несмотря на всю несомненность этой последней, у нас незаглушимо требование того, что не забвенно, что не забываемо, что «пребывает, μένει» в текущем времени. Эта незабвенность и есть ἀλήθεια. Истина, в понимании элина, есть ἀλήθεια, т.е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, — нечто превосходящее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое. Истина есть вечная память какого-то Сознания; истина есть ценность, достойная вечного памятования и способная к нему»⁹¹. Эйдос истины был сравнен в инобытии с чем-то незабвенным, понят как вечно памятуемое и отождествлен с ним; из этого отождествления родилось греческое имя истины — ἀλήθεια.

Латинское *veritas* дает нам другой образ взаимоотношения эйдоса истины с инобытием: это слово родственно русск. *вера*, *верить*, авест. *var-* ‘верить’, осет. *urnyn* ‘верить’, д.-в.-н. *w•ra* ‘правда, верность, милость’, др.-исл. *v•r* ‘обет, торжественное обещание’, др.-ирл. *f•r* ‘истинный, правдивый’ (Фасмер I, 292—293). Из этих сопоставлений ясно, что древний римлянин отождествил эйдос истины с тем, что заслуживает доверия, и отсюда родилось латинское имя истины — *veritas*.

Иную картину взаимоотношения мы видим в славянских языках: болг. *истина* ‘истина’, макед. *истина* ‘правда, истина’, сербохорв. *истина* ‘истина’, словен *istina* ‘истина, правда’, ‘основной капитал’, ст.-чеш. *jistina* ‘капитал’, ‘основная сумма долга’, ‘доказательства, состав преступления’, чеш. *jistina* ‘наличность, капитал’, ст.-слвц. *jistina* ‘главное, сущность’, ‘состав преступления’, слвц. *istina* ‘капитал, наличность’, ст.-польск. *hiścina* ‘денежка, капитал’, польск. *iścina*, стар. *iścizna* ‘действительность, суть’, ‘собственность’, ‘наличность’, др.-русск., русск.-цслв. *истина* ‘действительность, законность, правда, справедливость, верность’, ‘капитал’, русск. *истина* ‘правда’, укр. *•стина* ‘капитал, основной капитал’ ‘истина’ (см.: ЭССЯ 8,242). Это слово произведено с помощью суффикса *-ина* от прилаг. *истъ*, *истый*: болг. *ист* ‘истый, подлинный’, ‘тот же’, макед. *ист* ‘тот же, такой же’, сербохорв. *istî* ‘истинный’, ‘тот же самый’, чеш. *jisty* ‘определенный, верный, надежный’, русск. *истый* ‘настоящий, подлинный’ (см.: ЭССЯ 8,246). Наиболее вероятной этимоло-

⁹¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Флоренский П.А. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М., 1990. С. 18—19.

гией ныне признается версия В.Н.Топорова, «убедительно показывающего изначальность значения ‘тот самый, именно тот’ в соединении с прозрачной местоименной конструкцией **is-to* (ср. далее **jь, *tь*), тождественной лат. *iste, ista, istud* ‘этот, тот, этот именно, такой именно’» (ЭССЯ 8,246). Как видим, славянский ум отождествил истину с тем, что есть; истина онтологична, она — есть, независимо от того, что о ней можно думать, она — некая наличность (откуда значение ‘капитал’); в то же время истина — это подлинная, настоящая суть вещей и уже в этом качестве она заслуживает доверия и вечной памяти.

Кроме слова **ИСТИНА**, в церковнослав. языке употреблялось еще слово **рЭСНОТА** ‘истина’, ноэмой которого, вероятно, была ‘ясность’: ср. словен. *r•s* ‘правда’, *r•sn•ta* ‘серьезность’, лит. *r•i•kus* ‘ясный’ (Фасмер III,474); в этом случае эйдос истины отождествлен с ясностью, а также, возможно, серьезностью.

Эти примеры наглядно показывают, как происходит именование и возникает ноэма слова: разные стороны эйдоса участвуют в стихии слов, вследствие чего они отождествляются с разными моментами инобытия, меона, поэтому в разных языках возникают разные ноэмы, разные имена одного и того же эйдоса. На основании того, что эти ноэмы суть ноэмы одного эйдоса, возможно их отождествление, вследствие чего возможен перевод с одного языка на другой. Однако поскольку это тождество различных ноэм, то всякий предикат В, а по существу — новое имя А. Здесь нельзя не вспомнить замечательного по глубине учения К.С.Аксакова о тождестве и различии имени и глагола. Имя и глагол тождественны, потому что являются выражением одного и того же «мира», или, как бы мы сказали, эйдоса. Но имя и глагол различны, потому что имя — это выражение «мира» в тождестве с собою, в покое, а глагол — это выражение «мира» в его различии с собою, в движении, в выходе из себя, в действии, в силе. Имя предшествует глаголу, так как действие — это действие предмета и отдельно от предмета не существует: чтобы действовать, надо сначала быть. К.С. Аксаков учит далее, что разделение «мира» на «мир в себе», в тождестве с собой, в покое и на «мир из себя», в различии с собой, в действии, выразившееся в имени и глаголе, — это разделение преодолевается как в самом «мире», так и в языке: «Мир как гармоническое сочетание предмета и действия есть жизнь. Слово как гармоническое сочетание Имени и Глагола есть речь»⁹².

Онтологическим основанием появления глагола, точнее — предиката, и его тождества и различия с именем является различие эйдоса и пневмы, ибо как раз в категории пневмы было зафиксиро-

⁹² Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // Аксаков К.С. ПСС в 3-х т. Т. 3. М., 1880. С. 36. См. также с. 34—35.

ровано различие сущности с собою, выхождение из собственных границ, постоянная изменчивость смысла. Эйдос являет себя в своих энергиях, что выражается в языке в приписывании имени все новых и новых предикатов. Эйдос-подлежащее вступает во взаимодействие с другими эйдосами, выражаемыми второстепенными членами предложения. Предикаты и второстепенные члены предложения образуют контекст имени. Остается ли имя незатронутым своим контекстом, то есть одной и той же неизменной ноэмой? Конечно, нет. Имя, «входя в состав данного предложения, несет на себе смысловую энергию всего предложения»⁹³. Назовем смысловую зависимость имени от его контекста семематическим моментом в слове. **Семема** представляет собой индивидуальную картину «значения слова в его данном, индивидуальном временном и случайном положении среди других слов и в его данном в сию минуту положении и состоянии»⁹⁴. Можно поэтому сказать, что семема — это контекстно модифицированная ноэма. П.А.Флоренский, называя семему душой слова, писал о ней следующее: «В ходе данной живой речи семема всегда определена и имеет завершено точное значение. Но это значение меняется даже в пределах одной речи весьма существенно, включительно до противоположности: ироническое, например, или саркастическое словоупотребление меняет семему на прямо противоположное. <...> Семема слова непрестанно колыхается, дышит, переливает всеми цветами и, не имея никакого самостоятельного значения, уединенно от этой моей речи, вот сейчас и здесь, во всем контексте жизненного опыта, говоримой, и притом в данном месте этой речи. Скажи это самое слово кто-нибудь другой, да и я сам в другом контексте — и семема его будет иная»⁹⁵.

Однако слово не есть только семема, то есть смысловая текучесть и подвижность неизвестно чего, ибо понятие изменчивости имеет смысл только тогда, когда есть нечто, что остается тождественным себе во всех своих изменениях; если такого нечто нет, то эти изменения будут не к чему отнести. Между прочим, такую абсолютизацию семематического момента мы находим у А.А.Потебни, когда он писал, что «слово в речи < . . . > соответствует одному акту мысли, а не нескольким», поэтому «малейшее изменение в значении слова делает его другим словом»⁹⁶. Очевидна недиалектичность этой мысли А.А.Потебни: если мы вообще можем говорить, что новое слово возникло путем изменения, пусть в минимальной степени, старого, то только потому, что новое слово осталось, до некоторой степени, тождественно старому; если же мы отрицаем это тож-

⁹³ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 634.

⁹⁴ Там же. С. 635.

⁹⁵ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. С. 235—236.

⁹⁶ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1. С. 15.

дество, то мы не имеем никакого права говорить о возникновении нового слова путем изменения старого, ибо об изменении чего бы то ни было можно говорить лишь при условии самотождественности того, что изменяется. Поэтому будет правильным утверждать прямо противоположное А.А.Потебне: какой бы смысл, или семеме, слово ни приобретало в том или ином контексте, оно всегда остается тем же самым словом; более того, слово способно изменять свое значение только до тех пор, пока оно остается тем же самым, тождественным себе. Семема как стихия субъективно-индивидуального отношения к предмету в слове возможна только потому, что в слове есть и внеиндивидуальное, общезыковое отношение к предмету.

Как видим, слово есть живое единство противоположностей — ноэмы и семемы, постоянства смысла и его изменчивости, а из совпадения противоположностей всегда рождается новая категория. Вспомним, что из совпадения эйдоса и пневмы была выведена категория символа сущности. Точно так же и в инобытии из совпадения ноэмы и семемы возникает категория языкового символа. Категория семемы вносит в имя момент становления, которое можно представить себе в виде множества смысловых точек, через которые проходит имя. В каждой такой точке имя приобретает новую семему, оставаясь, однако, самим собой, поэтому каждая семема указывает на имя, символизирует собой имя, семемой которого она является. Поскольку же имя есть имя того или иного эйдоса, то каждая семема является символом этого эйдоса в инобытии. Языковой символ есть единичная семема, в которой содержится закон смыслового становления имени; он есть конечность, в которой угадывается вся смысловая бесконечность становления. Таким образом, символ есть тождество конечного и бесконечного. Диалектическая бесконечность, как об этом уже говорилось выше, предполагает существование предела смыслового становления, к достижению которого стремится всякое имя. Назовем этот предел идеей имени. Вещь, чтобы быть понятой, должна присутствовать в слове во всей своей смысловой полноте, иначе это будет понимание неизвестно чего. Смысловой полнотой вещи является ее Имя, а его присутствием в инобытии является идея. Как Имя является основой всех жизненных судеб вещи, так и идея «является единственной скрепой и основой всех бесконечных судеб и вариаций в значении слова»⁹⁷. Как Имя есть предел символично-смыслового становления сущности, так и идея есть предел символично-смыслового становления имени. Вся историческая жизнь слова, начиная с его этимона и кончая той семемой, которая прозвучала секунду назад, — вся эта нередко многовековая история есть история исчерпания этой полноты, история стремле-

---

⁹⁷ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 645.

ния к полному исчерпанию идеи слова, никогда до конца не исчерпаемой⁹⁸. Поэтому познание может быть только символическим; если семематическое богатство слова мыслить не как «дурную» бесконечность, а как бесконечность диалектическую, тогда каждая семема предстанет как семантическая «дробь» идеи слова (если принять идею за «единицу»). Каждая семема есть символ идеи, а идея есть семантический интеграл всех смысловых «дробей» идеи. Символ есть необходимая категория не только в логическом, но и в историческом смысле, ибо только с помощью этой категории можно изобразить живую историческую жизнь слова, понять, если можно так выразиться, смысл этой жизни. Вне категории символа работа историка сводится к унылой регистрации семантических явлений слова — без всякой надежды узнать когда-либо общий смысл этих явлений. Такая история может быть названа историей лишь по недоразумению, поскольку подлинная история всегда есть воплощение смысла, идеи, то есть миф; каждая семема, если ее понять символически, есть как бы событие этой истории.

Прежде чем двигаться дальше, подведем некоторые итоги. Онтологический статус языка означает, что язык не есть нечто одно; он — только иное бытия, меональное обстояние бытия; это значит, в частности, что слово есть самосвидетельство вещи, действие вещи в нас, пробуждающее свою собственную идею; но в то же время через слово говорит и человеческая психическая и историческая индивидуальность. Такая установка предполагает отдельный анализ сначала самой предметной сущности и получение всех необходимых категорий, образующих ее логическую структуру, а затем погружение этой предметной сущности в инобытие и новое получение тех же категорий, но уже меонально модифицированных и образующих логическую структуру слова. Так у нас получилось два ряда категорий, один из которых образует логическую структуру предмета, а другой логическую структуру слова:

<i>эйдос</i>	<i>ноэма</i>
<i>пневма</i>	<i>семема</i>
<i>символ</i>	<i>символ</i>
<i>миф</i>	<i>история слова</i>
<i>Имя</i>	<i>идея</i>

На протяжении своих рассуждений о сущности и слове А.Ф.Лосев неоднократно употребляет такие выражения, как «отсекая фо-

⁹⁸ Сходные идеи развивал О.Н.Трубачев, когда писал о том, что значение слова — «не механическая композиция, а единое содержание, прочное и изменчивое одновременно», что «жизнь древнейшего значения продолжается и в послеязыковые эпохи», что эволюция значения есть единое целое и при этом «выясняется, что в языке гораздо больше переосмыслений, чем абсолютных прибавлений и вычитаний». *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания, 1990, 3. С. 11–14.

нему», «отделивши семему», «исключив меональный момент» и т.п., например: «И вот пробиваясь к предмету, мы исключаем из ноэмы < . . . > момент меональный, и только тогда получаем адекватное отражение в слове предметной сущности, или идею»⁹⁹. Что в этом и всех подобных случаях означают слова *отсечь, отделить, исключить*? Имеют ли эти слова научно-методический характер? Можно ли их понять как «руководство к действию»? Нет, это, конечно, совершенно невозможно. «Пробиться» к предмету или слову — это значит найти все необходимые категории, образующие их логическую структуру, поэтому эти отделения и исключения нужно понимать в смысле диалектического развертывания понятия: исключение необходимо, чтобы получить новую категорию, предполагаемую предыдущей и составляющую с ней диалектическое единство; весь же анализ, повторяем, преследует цель получить все необходимые категории, которые в своем единстве, тождестве и различии составляют логическую конструкцию предмета или слова. Такими категориями, образующими логическую конструкцию слова, оказались категории ноэмы, семемы, символа, мифа и идеи. Правильная научная методология заключается не в бесплодных попытках отделения семемы от ноэмы, ноэмы от идеи для получения чистой идеи, подобно тому, как отделяются всяческие примеси для получения химически чистого элемента; правильная методология заключается в таком исследовании семемы и ноэмы, которое вело бы нас к идее, а это значит, что в семеме и ноэме нужно видеть символическое выражение идеи, которая помимо них не имеет никакого иного выражения, следовательно, нет и никакого иного пути ее познания, кроме символического. Иначе и быть не может, потому что это является меональным выражением того, что сущность является только в своих энергиях. Как энергия есть сущность, но сущность не есть энергия, так и идея во всяком своем выражении присутствует целиком, иначе было бы непонятно, выражением чего является это выражение, но в то же время ни одно выражение не может выразить всей идеи, иначе, выразившись раз и навсегда, она не могла бы найти себе новых выражений, что означало бы полную исчерпанность не только идеи, но самой сущности, то есть ее смерть. Так, ноэма ‘приснопамятный’ слова $\alpha\phi\lambda\acute{\eta}\theta\epsilon\iota\alpha$ полностью выражает идею истины, иначе было бы непонятно, что это слово выражает именно эту идею; в то же время эта ноэма выражает эту идею частично, понимая в ней какую-то одну сторону, которой эйдос истины открылся и осветил меон греческого языка, тогда как другие стороны оставались в тени, открываясь другому языковому сознанию. Таким образом, слово есть соединение бесконечного и конечного, выражение бесконечного в

---

⁹⁹ Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 649.

конечном, благодаря чему оно является «неисчерпаемой сокровищницей, в которой дух всегда может открыть что-то еще неведомое, а чувство — всегда по-новому воспринять что-то еще не прочувствованное»; «это загадочное, трудное для мысли и волнующее для сердца сращение идеального и реального (материального), ноуменального и феноменального, космического и элементарного мы называем символом. Итак, мы дошли до точки: слова суть символы. Природа слова символична, и философия слова тем самым вводится в состав символического мировоззрения. Символизм есть больше, чем философское учение, он есть целое жизнеощущение, опыт»¹⁰⁰. Главное в символах, разумеется, не их конечность и реальность (феноменальность); если видеть в символе только это, значит не видеть в символе ничего; главное в словах, символах то, что «они суть носители силы, некоторые конденсаторы и приемники мировой энергии. И вот этот-то энергетизм их, божественный или космический, образует истинную природу символа, благодаря которой он есть уже не пустая шелуха, но носитель энергии, сила, жизнь. Сказать, что слова суть символы, это значит сказать, что в известном смысле они живы»¹⁰¹. И обратно: живая жизнь слова раскрывается в его символической истории, то есть в мифе. Герменевтическое изучение слова совершается не путем исключения чего бы то ни было, а путем целостного анализа слова как единства всех категориальных моментов; поистине центральной в этой системе категорий является категория символа.

Итак, диалектический анализ дал нам систему категорий, образующих логико-смысловую конструкцию слова; в этом и только в этом заключается ее, диалектики, цель. Как только эта цель достигнута, «основной и принципиальный отдел диалектики окончен, и дальше можно говорить уже только о применении полученного диалектического пути, или его элементов, к тем или другим областям»¹⁰². Наша область — теоретическая лексикология, и наша задача — говорить теперь о применении полученной диалектики слова к этой области.

§ 6. Системные отношения в лексике

Системность в языке означает, что единицы того или иного уровня находятся не в беспорядочном смещении, а в связях и отношениях, как мы уже видели это на уровне фонем. На уровне лексики системность ее элементов обнаруживается в таких явлениях, как по-

¹⁰⁰ Булгаков С.Н. Философия имени. С. 26.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 76.

лисемия, синонимия, антонимия, лексико-тематическая группа. Каково содержание этих понятий с точки зрения полученного учения о слове?

Полисемия

В многозначности слова, пишет Д.Н.Шмелев, проявляется фундаментальное свойство языка — его способность «ограниченными средствами передавать безграничность человеческого опыта»¹⁰³. Таким образом, Д.Н.Шмелев выступает против мнения А.А.Потебни, который считал многозначность ложным понятием и полагал, что «где два значения, там два слова»¹⁰⁴ (это мнение разделял впоследствии Л.В.Щерба). Если же многозначность — не ложное, а действительное понятие, отражающее языковую реальность, то нужно каким-то образом обосновать единство слова, найти принцип объединения отдельных значений в одном слове. Д.Н.Шмелев возражает против того, что семантическое единство слова заключается «в наличии у него некоего “общего значения”, как бы подчиняющего себе частные»; «существование подобного “общего значения” у слова сомнительно хотя бы потому, что свойственные слову значения во многих случаях соотносят его с неоднородными реалиями и с разными семантическими группами»¹⁰⁵. Собственный ответ на поставленный вопрос звучит у Д.Н.Шмелева так: «Значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность)»¹⁰⁶. Такой ответ, однако, нисколько не может нас удовлетворить. Действительно, новые значения у слова возникают при помощи переноса, но суть вопроса заключается в том, как возможен перенос? Наше расхождение с Д.Н.Шмелевым состоит в том, что он под общим понимает, видимо, только абстрактно-общее, что-то типа родового понятия, видами которого являются отдельные значения. Поскольку же отдельные значения многозначного слова чаще всего не имеют общего основания в родовом понятии, то и само существование такого «общего значения» оказывается сомнительным. Такого «общего значения» в слове в самом деле нет. Но общее может быть не только абстрактным, но и конкретным: если мы с приятелем сложили деньги и купили книгу, то эта вполне конкретная книга является нашей общей книгой; если мы вместе построили дом, то это наш общий, хотя и вполне конк-

¹⁰³ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 75.

¹⁰⁴ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1. М., 1958. С. 39.

¹⁰⁵ Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. С. 76.

¹⁰⁶ Там же.

ретный дом. Этимологически слово **конкретное** значит собственно 'сращенное'. Не сращены ли отдельные значения слова в семантическое единство таким конкретно-общим значением? С онтологической точки зрения это так и есть. Если два эйдоса, может быть совершенно разнородных с формально-логической точки зрения, в чем-то тождественны, то они могут быть поименованы одним именем; если же один эйдос уже имеет имя, то после обнаружения тождества с другим эйдосом это имя может быть перенесено на второй. Таким образом, онтологической основой полисемии является умозрительное тождество эйдосов. С меонально-языковой точки зрения многозначность есть тождество понимания разных эйдосов; понимание эйдоса в инобытии было названо ноэмой, поэтому ноэма и есть то конкретно-общее значение, которое связывает отдельные значения многозначного слова в семантическое единство. Так, ноэмой слова *кисть* является 'связка' (см.: Преображенский I, 310), поэтому любой эйдос, в котором созерцается связанность частей, может быть отождествлен со связкой и получит имя *кисть*: так, мы говорим *кисть руки*, *кисть винограда*, *малярная кисть*. Три эйдоса тождественны по одному признаку, вследствие чего одинаковым образом поняты и именованы. Обычно это и называется многозначностью. Замечательным свойством многозначного слова является то, что второй эйдос сам может стать ноэмой, то есть способом понимания какого-то третьего эйдоса, третий эйдос — ноэмой четвертого и т.д. Так возникают цепочки переносов, отдельные звенья которой уже весьма удалены от первоначальной ноэмы и даже «забыли» свою связь с ней; в этих случаях бывает особенно трудно понять, что же объединяет эти значения в единство, хотя само по себе оно не подлежит сомнению.

Синонимия

Переходим к понятию **синонимии**, под которой обыкновенно понимается семантическая близость некоторой группы слов: **синонимы** — «это слова одной части речи, имеющие полностью или частично совпадающие лексические значения»¹⁰⁷. Само существование синонимов «связано со способностью языковой системы иметь несколько означающих для одного означаемого»¹⁰⁸. Какова природа этой способности?

Исходя из принципиального онтологизма, можно дать такое определение синонимии: **синонимы** — это разные меональные выражения одного эйдоса. Один и тот же эйдос, взаимопределяясь с инобытием, может породить несколько ноэм, то есть несколько способов своего понимания, поэтому синонимии можно дать еще

¹⁰⁷ Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1997. С. 468.

¹⁰⁸ Там же. С. 469.

такое определение: **синонимы** — это разные способы понимания одного эйдоса. Таким образом, **синонимия** — это понятие, противоположное полисемии: **полисемия** — это тождественное понимание разных эйдосов, а **синонимия** — это различное понимание одного эйдоса. В одних контекстах этим различием можно пренебречь — это контексты, или позиции, нейтрализации синонимов; в других контекстах это различие можно так или иначе использовать, вплоть до противопоставления, это — контексты, или позиции, дифференциации синонимов.

В 1 Послании Коринфянам ап. Павла сказано: **разумы оУбо кичитыб а любыгъ созидаеты** (1Кор 8,1 — Г). Слово кичити — ‘иметь о себе чрезмерно высокое мнение, зазнаваться’ (СлРЯ XI—XVII вв. 7,143) — образовано от *кика* ‘волосы, чуб’ и значит «собственно «поднимать чуб» (Фасмер II,241). Таким образом, эйдос гордости и зазнайства в инобытии древнерусского языка был отождествлен с задирием чуба (ср. *задирать нос*). Греческий же глагол *φυσάω* восходит к «и.-е. **pheu-*, **phu-* ‘дуть, пыхтеть’, звукоподражательное чередование от **reu-* **rou-* **ri-*, родственно слав. **puchati*» (Voisacq, 1042—1043). Это значит, что в инобытии греческого языка тот же эйдос был отождествлен с пыхтением, раздуванием; славянский разум «задирает чуб», а греческий разум «пыхтит, раздувается». Таковы две ноэмы, два понимания, два меональных выражения одного и того же эйдоса — эйдоса гордости и зазнайства. Слово кичити вполне ясно и полно выражает этот эйдос, но если бы мы хотели найти слово, не только эйдетически, но и ноэматически близкое греческому *φυσάω*, то мы должны были бы вслед за митр. Алексием (редакция В) употребить слово **дмети** < **дым-** < праслав. **dum-* / **dum-* < и.-е. **dhu-* ‘колебать, быть в сильном движении’ (Преображенский I,206); родственно лат. *fumus* ‘дым’, греч. *θυμός* ‘дух, душа’, *θυμάω* ‘курю, дымлю’, *θυμίαμα* ‘фимиама’; отсюда же русск. *дым*, *дуть* (через ступень назализации **do, ti*). Употребление этого слова в Чуд. НЗ означает, что эйдос тщеславия отождествляется, как и в случае греческого глагола, с надуванием, раздуванием. Легко отсюда увидеть, что **дмети** соответствует греч. *φυσάω* не только эйдетически (как кичити), но и ноэматически — по образу понимания эйдоса. Из этого следует, что перевод: **разумы надмевааеты, а любыгъ созидаеты** — можно считать наиболее точным.

Для оценки перевода важно еще учесть то, что ап. Павел противопоставляет разум и любовь (*γυνῶσις* и *ἀγάπη*) и, соответственно, их предикаты — *φυσάω* и *οἰκοδομέω*. Нельзя не видеть, что именно глагол *φυσάω* со значением дуновения, веяния, то есть призрачности, наиболее явно противостоит основательности домостроительства. Поэтому и в церковнославянском переводе целесообразно принять вариант митр. Алексия, чтобы также выра-

зять противопоставление разума и любви противопоставлением дыма и глины (корень *зѣд-* ‘глина’). Таким образом, лингвистический анализ ведет нас к такому толкованию этого высказывания ап. Павла: призрачны, как дым, надежды построить что-либо, основываясь на одном разуме, только любовь строит основательно; эту мысль апостол развивает далее в стихах 2—3.

Возникнув как разные понимания одного эйдоса, синонимы затем в условиях литературного языка могут приобретать не только смысловые, но и стилистические различия; ср.: *вежды — очи — глаза — глазенаны — гляделки — зенки — буркалы — бельма; вкушать — трапезничать — есть — жрать — лопать — трескать; роптать — сетовать — стонать — плакаться — скулить — хныкать; алчный — жадный — загребуший; невежда — профан — неуч — простец — лапоть.*

Антонимия

Теперь уже не представляет труда дать онтологическое определение **антонимии**. Антонимы, как и синонимы, относятся к одному эйдосу. **Антонимы** — это слова, выражающие противоположные стороны этого эйдоса, или, что то же, слова, выражающие противоположное понимание одного эйдоса. Так, выражением противоположных сторон эйдоса цвета являются слова *черный* и *белый*, эйдоса температуры — *горячий* и *холодный* и т.п. Так как и синонимы, и антонимы определяются через отношение к одному эйдосу, то именно поэтому возможна антонимизация синонимов, а понятия синонимии и антонимии оказываются соотносительными.

Антонимия находит свое воплощение в художественном приеме антитезы, например, в пословицах и поговорках (*дураку счастье, умному Бог дает; доброму на добро, а худому на худо; добрая жена дом сбережет, плохая рукавом растрясет; глупый осудит, а умный рассудит; когда деньги говорят, тогда правда молчит*), а также в литературе: *И ненавидим мы, и любим мы случайно* («Дума» Лермонтова); ср. также названия произведений «Толстый и тонкий», «Живые и мертвые», «Война и мир».

Лексико-эйдетическая группа

Еще одним проявлением системности в лексике является объединение слов в лексико-тематические группы, которые обычно определяют как группы слов, определенным образом членящих тот или иной отрезок действительности, например: названия водоемов — *река, ручей, озеро, море, океан, пруд, колодец, канал*; цветообозначений — *красный, желтый, малиновый, синий, зеленый, бурый* и др.; названия глаголов речи — *говорить, вопить, кричать, орать, шептать, мол-*

вить, сказывать. Как известно, разные языки и один и тот же язык в разные периоды своего существования по-разному членят одни и те же отрезки, поэтому значение слова может быть точно описано через его отношение с другими словами той же лексико-тематической группы. Для онтологического определения лексико-тематической группы необходимо вспомнить одну очень важную мысль А.Ф.Лосева: с точки зрения эйдетической логики «чем предмет общее, тем индивидуальнее, ибо тем больше попадает в него различных признаков, тем сложнее и труднее находим получающийся образ»¹⁰⁹. «Так, с точки зрения эйдоса, эйдос “живое существо” богаче эйдоса “человек”, ибо в эйдосе “живое существо” содержатся кроме эйдоса “человек” и все другие виды живых существ»¹¹⁰. Вспомним, что эйдос — это цельная смысловая картина предмета, смысловое изваяние, лик той или иной сущности, созерцаемый умным зрением. При умозрении эйдоса «живое существо» возникает гораздо более сложная, более богатая содержанием картина, чем при созерцании эйдоса «человек». «Понять все это сможет только тот, кто переживает конкретность и индивидуальность общего и для которого абстрактно — то, что наиболее раздроблено и пестро. Для эйдетики — “живое существо” есть богатый эйдос, а “бытие” — эйдос еще более живой, более богатый и конкретный; вместе с этим, “человек” для него гораздо более абстрактен, еще более абстрактен “европеец”, еще более “француз”, и — наивысшая абстракция — “француз, живущий в Париже в такое-то время и в таком-то месте”. Обрато — для формальной логики»¹¹¹. С эйдетической точки зрения, конкретность есть единство многообразия, абстрактность — отвлеченная от этого многообразия единичность; с формально-логической точки зрения, наоборот, конкретность есть единичность, а абстрактность есть отвлеченный от ряда единичностей общий им признак, поэтому с увеличением объема понятия его содержание уменьшается, обедняется. Эйдос «водоем» богаче содержанием, чем эйдос «река»; понятие «водоем» беднее содержанием, чем понятие «река».

Богатый содержанием эйдос, взаимоопределяясь с инобытием, порождает целый ряд слов, которые и составляют лексико-тематическую группу этого эйдоса (правильнее, наверное, называть ее теперь лексико-эйдетической группой). Таким образом, вместо не очень ясного понятия «отрезок действительности» мы основываем свое определение лексико-тематической группы на вполне определенном понятии эйдоса. Чем конкретнее, то есть богаче содержанием эйдос, тем многообразнее формы его выражения в инобытии как в разных языках, так и в одном языке в разные периоды его суще-

¹⁰⁹ Там же. С. 704.

¹¹⁰ Там же. С. 705.

¹¹¹ Там же. С. 705—706.

ствования, тем многочисленнее состав его лексико-тематической группы. Эйдос же бытие, будучи максимально конкретным, порождает весь словарный состав всех языков мира; иначе говоря, весь словарь есть лексико-тематическая группа эйдоса бытие. Основанием для сравнительного изучения лексико-эйдетических групп разных языков служит то, что они относятся к одному эйдосу, то есть это основание онтологическое.

Символ и миф

К традиционным понятиям системной организации лексики мы считаем необходимым присоединить два новых и крайне важных понятия — понятия символа и мифа. Выше уже говорилось о содержании этих понятий, поэтому сейчас мы считаем целесообразным привести пример изучения символической истории слова, или его мифа. В качестве такого примера мы избираем библейский миф слова *имя*.

Согласно одной этимологической версии, *имя*, праслав. **jьmen-* «восходит через **ǰmen-* (с диссимиляцией) к и.-е. **en-men-*, куда относятся также др.-прусск. *emmens, emnes*, алб. *emn, emr*, др.-ирл. *ainmn*, мн. *anmann*» (ЭССЯ 8, 227). Реконструкция и.-е. праформы **en-men-* «позволяет увидеть в ней образование от и.-е. **en-* ‘в, внутри’.<...> Реконструируемая при этом семантика — ‘имя’ как ‘возлагаемое’, resp. ‘влагаемое’ — производит впечатление значительной древности» (ЭССЯ 8, 228). Согласно другой этимологической версии, *имя* происходит от «и.-е. **genə-* ‘знать’» (ЭССЯ 8, 228). Эту версию развивал П. А. Флоренский: «**Имя** — от **зна-**. Тут — понятие познания, апперцепирования объекта путем отметы его, наложения знамения, знака». «В русском языке от корня **зна-** оставалось в слове **имя** только **з**, да и то в преобразованном виде, как придыхание **й**¹¹². Но это-то, чуть слышное дыхание вначале слова, этот легчайший гортанный, даже не звук, а призвук, выдает нам, что *имя* и по структуре, и по корню совершенно то же, что *знамя*, но только понятие знания, содержащееся в *имени* и в *знамени*, дифференцировалось, сохранив в *имени* наиболее абстрактный и деятельный оттенок своего смысла, а в *знамени* — наиболее конкретный и предметно законченный»¹¹³. В этом случае *имя* родственно греч. γινώσκω, лат. *cognosco* ‘познавать’.

Как мы помним, в акте познания встречаются две энергии: энергия объективной сущности, эйдоса и энергия инобытия, меона, познающего субъекта, и всякое имя есть результат их взаимодействия. Однако в конкретном случае акцент может быть сделан или на той,

¹¹² Это «преобразование» [з] > [j] с точки зрения славянской исторической фонетики — явная натяжка, не выдерживающая критики.

¹¹³ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. С. 308, 309.

или на другой энергии: первая этимологическая версия связывает *имя* с энергией эйдоса: эйдос отождествлен здесь с тем, что есть в, внутри вещи, поэтому *имя* — это больше, чем знание, хотя бы и сути вещи, *имя* — это проводник духовной энергии эйдоса, которая благодаря имени проникает из мира чистых смыслов в наш мир и действует в нем; вторая же этимологическая версия связывает *имя* с энергией инобытия, познающего субъекта: *имя* — это отметина, налагаемая субъектом для отличия этой вещи от всякой другой; такая отметина, знак, знамение есть, конечно, уже и какое-то знание вещи, но такое отличие может быть сделано и по внешнему, отнюдь не существенному признаку вещи; такое знание уже не может быть проводником энергии сущности.

Между ноэмой слова и его последующей судьбой есть несомненная, хотя и не predetermined связь: если нам известна ноэма, то это не значит, что нам заранее известна и вся последующая судьба корня; но если нам известна семантическая судьба корня, то она может дать ключ к ноэме. Поэтому изучение употребления слова может пролить свет на его происхождение, а происхождение — на особенности семантической судьбы.

В библейских текстах слово *ИМЯ* прежде всего обозначает сущность, чаще всего — божественную: оУповахомы на имя твое (Ис 26, 8 — здесь и далее цит. по ЦСБ); забыгша отцыг ихы имя мое ради Ваала (Иер 23, 27); праведн¹и исповэдутся имени твоему (Пс 139, 14); любящ¹и имя твое вселятся вы немы (т.е. в Сионе, Пс 67, 37). Во всех этих случаях слово *ИМЯ* можно заменить на прямое обозначение, то есть сказать: оУповати на Бг8аб забыгти Бг8аб исповэдатися Тебэб любити Тя и т. д., и такого рода выражения также нередки в библейских текстах: оУповаите на Гд8а (Пс 4, 6); всякы вэруяи вы Оны не погибнеты (Ин 3, 15); самы бо Оц8ы любиты выгб &акЭ выг Мене возлюбите и вэровастеб &акЭ азы Ъ Бг8а изыгдохы (Ин 16, 27). Тождественность этих контекстов указывает на то, что имя есть сама сущность, вследствие чего это значение слова *ИМЯ* А.Ф.Лосев назвал эйдетическим¹¹⁴. Существенность, или эйдетичность, *имени* ярко проявляется в актах именованя и переименованя. Исаак, теснимый филистимлянами, поселился в долине Герарской и там ископа кладязи вЭдныгя 777 и прозва имы именаб по именамыб имиже прозва Авраамы отцы егЭ (Быт 26, 18); тождество имен означает утверждение права собственности Исаака на новые колодцы, поскольку они, получив прежние имена, остались теми же колодцами, которыми владели Авраам и Исаак, то есть наречение прежним именем означает сохранение прежней сущности. Переименование же означает изменение самой сущности, обретение

¹¹⁴ См.: Лосев А.Ф. Философия имени у Платона // Символ. 29. С. 135.

новой сущности. Так, переименование Авраама в Авраама означало, что он был высоким отцом, а стал отцом множества, &акЭ отца многих &азыгкЭвы положиыхы тя (Быт 17, 5). Открыть имя значит открыть сущность. Когда Моисей спросил Бога о Его имени, чтобы возвестить его своему народу и чтобы народ поверил Моисею, Бог сказал: азы есмь сыгй 777 с1е мое есть имя вэчное (Исх 3, 13—15). Причастием сыгй от глаг. быгти передано евр. Ягве: «*Иегова*, еврейское *Ягве*, от глагола *гайа* — быть, взятого в 1-ой форме, означает личность самобытную, абсолютно и независимо от чего-либо существующую (Сущий). Понятие о такой личности выражено дважды употребленным личным глаголом *ehjeh* = я есмь. Они соединяются местоименной связкою для указания на то, что единственная самодовлеющая причина бытия этой личности заключается в ней самой. Вследствие безусловной самобытности Иегова является в Своих действиях всегда Себе равным и неизменным, на слово Его можно и должно полагаться» (ТБ 1, 284). Когда же Иаков спрашивал об имени боровшегося с ним, ангел, в виде которого явился Бог, ответил: вскую с1е вопрошаеши тыг имене моегоЭб еже чюдно есть (Быт 32,29), тем самым указывая на непостижимость для твари собственной сущности Творца, поэтому Он открывает свою сущность в ту меру и в таких именах, которые человек в состоянии уразуметь, вследствие чего божественная сущность, оставаясь непостижимой, не остается несообщаемой человеку. Так, Бог открывается людям как *Господь*: азы Гд8ь Бг8ыб с1е мое есть имя (Ис 42, 8); как *Свет*: азы есмь свэты миру (Ин 8, 12); как *Путь, Истина и Жизнь*: азы есмь путьб и истинаб и животы (Ин 14, 6) и др. Само Боговоплощение было не чем иным, как откровением Имени Божия, то есть сущности Божией людям, как о том говорит Иисус Христос: &авихы имя твое чело-вэкЭмы (Ин 17,6).

Имя как сущность онтологично, оно — есть, причем оно обладает едва ли не большей реальностью, чем сам человек или языческий бог. Господь повелевает избранному народу: пагубою погубите вся мэстаб вы нихы же служиша тамЭ &азыгьць богЭмы свои 777 и да раскопаете требища ихы и сокрушите столпыг ихьб и дубравыг ихы ссэчетеб и ваян1е богЭвы ихы сожжете огнемьб и погубите имя ихы Ъ мэста тогЭ (Втор 12, 2—3). Уничтожение имени поставлено в один ряд с уничтожением капищ, столпов, священных роц, изваяний языческих богов, что указывает на безусловную онтологичность имени: физическое уничтожение плоти не означает уничтожения сущности, уничтожение же имени есть уничтожение самой сущности, ее уход в абсолютное небытие; иначе непонятно, почему нужно говорить об уничтожении имени, а не его носителя; носитель же — это временное местопребывание в принципе вечного имени, если только Господь не обратит его в ничто. Поэтому-то враги

Давида более всего желают и вопрошают лишь об одном: когда оУмреты и погибнуты имя егЭ (Пс 40, 6).

Силой, сохраняющей имя во времени, а может быть и в вечности, является память: «Памятование Богом имен значит вечное существование этих Я, а окончательный разрыв с бытием равносителен забвению Богом имени или уничтожение его в Книге жизни»¹¹⁵. Вследствие этого слово память употребляется вместо слова имя= Гдвь же Бгвы вседержитель будеты память егЭ (Ос 12, 5); ср. РСБ: *А Господь есть Бог Саваоф; Сущий (Иегова) — имя Его*. Память, как и имя, может быть истреблена; на памятование, как и на именованье может быть наложен запрет. Друг Иова Вилдад, рассуждая о законе возмездия грешнику, под которым он, очевидно, подразумевал невинного страдальца Иова, говорил: память егЭ да погибнуты Ъ землиб и не будеты имя егЭ на лицагь внэшнемы (Иов 18, 17). Из этой связи имени и памяти сложился обычай поминания имен за литургией. Назовем эту семему *имени* мнемонической.

Все существующее проявляет и не может не проявлять себя в своих энергиях; поскольку энергия есть сущность и *имя* есть сущность, постольку *имя* есть энергия; иначе говоря, *имя* есть сущность в аспекте своих энергийных проявлений; эта семема — энергийная. Примеры употребления имени в этом значении в библейских текстах многочисленны и многообразны.

Именем, то есть силою Божией, совершается благословение: Ъдэли Гдвь племя ле31ино носити ковчегы завэта 777 и благословляти Э имени егЭ (Втор 10, 8). Именем совершается крещение, то есть второе рождение — в Духе: научите вся &азыгкиб крестяще ихы во имя оц8а и сн8а и ст8агЭ дх8а (Мф 28, 19). Силою Имени Божия становится сильным человек: Э имени моемы вознесетя рогы егЭ (Пс 88, 25), то есть царя Давида; рог здесь и вообще в Ветхом Завете образ силы и величия. Поскольку имя есть сила, на него возможно упование: терплю имя твое (Пс 51, 11). Именем совершается отпущение грехов: Эставлен1е грэхЭвы пр1яти именемы егЭ всякому вэрующему вы оны (Деян 10, 43). Именем, то есть силою Божией, изгоняются бесы: Пазелы 777 духови рече= запрещаю ти именемы !и8са Хр8таб изыгди изы нея7 И изыгде вы томы часэ (Деян 16, 18). Имя Божие защищает от врагов и является могучим оружием против них: изы величества крэпости имя Гдвнеб кы немуже притекающе првдницыгь возносятся (Пр 18, 10); Давид говорил Голиафу: тыг идеши на мя сы мечемы и сы коп1емыб и щитомыб азыже иду на тя во имя Гд8а Бг8а СаваЭ`а (1Цар 17, 45). Именем Божиим маленький Давид победил великана Голиафа. Еще более высокой степени проявления своей силы Имя Божие достигает в творении чудес; Иисус

¹¹⁵ Флоренский П.А. Имена. С. 65.

Христос говорит: именованы моими бэсы ижденутъб языки возглаголюты нэвыгб Им1я возьмутъб аще и что смертно исп1ютъб не вреди ты ихы (Мк 16,17-18). Интересный случай исцеления больного Именем Божиим описан в Деяниях Апостолов. Ап. Петр исцелил больного (во имя !ивса Хр8та НазЭреяб востани и ходи — Деян 3, 6) и обратился с проповедью к собравшемуся народу, за что он и бывший вместе с ним ап. Иоанн были схвачены начальником стражи. На другой день первосвященники поставльше ихы посредеб вопрошаху= кою силою или коими именемы сотвористе с1е выг? Формулировка этого вопроса ясно показывает, что имя — действенная сила, вопрос только в том, чья это сила. Отвечая первосвященникам, ап. Петр, исполнившись Духа Святого, сказал: во имя !ивса Хр8та егоже выг распятеб егоже Бгвы воскреси Ъ мертвыгхыб Э семы сеи7 Призывание Имени Божия только потому имеет смысл, что Оно — реальная сила: еже аще что просите (Ъ оц8а) во имя моеб то сотворю (Ин 14, 13), хотя, конечно, не на всякое дело возможно призывание Имени Божия, а только на такое, которое соответствует Ему, является делом того же имени: Бог есть Правда, и потому не кленитесь именемы моими вы неправдэ7 Бог есть Мир, и потому ап. Павел просит: молю выгб брат1еб именемы Гд8а нашего !ивса Хр8таб 777 да не будуты вы васы распри (1Кор, 1, 10).

Имя Божие есть сам Бог и потому в инобытии оно выражается не только как сущность, память и сила, но и как высшая святость; назовем эту семему иератической. Именно в этом смысле Имя достойно всяческих похвал, которых никогда не может быть достаточно: да восхваляты имя егЭ вы лицэб вы т3мпанэ и Ъалтири да поюты ему (Пс 149, 3); Ъ востоку солнца до запады хвально имя Гн8е (Пс 112, 3); вси &азыгцыг 777 прославляты имя твое (Пс 85, 9); будуты имя егЭ бл8гословено во вэкиб прежде солнца пребываеы имя егЭ (Пс 71, 17). Святость Имени Божия вызывает не только благоговение, но и страх, который является как бы оборотной стороной благоговения и проистекает из сознания собственного несовершенства, недостойнства, то есть из смирения: ст8о и страшно имя егЭ (Пс 110, 9); да оУразумэюты вси люд1е земн1и имя твое и оУбоятся тебэ (3 Цар 8, 43). Однако этот смиряющий гордыню страх спасителен для человека: и возс1яет вамы боящыгмся имене моегЭ солнце правдыг (Мал 4, 2).

Святость Имени Божия запрещает призывание Его всеу: не возмеш имене Гд8а Бг8а твоегЭ всеу (Исх 20, 7). Абсолютный характер святости Имени Божия исключает служение другим богам, которое оскверняет святость: сэмени твоегЭ да не даси служити Молохуб да не Эскверниша имени ст8агЭ= азы Гд8ь (Лев 18, 21). Напротив, делом чести является принять страдания за Имя Божие: так, апостолы, избитые первосвященниками, идяху радующеся 776 &акЭ за

имя Гдѡа !и8са сподобишася безчест1е пр1яти (Деян 5, 41). Слова не поклонитесь богЭмы иньгм= ибо Гдѡь Бг8ы ревниво имя (Исх 34, 14) становятся заповедью для верующего в Имя Божие, следовательно, еще одной семемой *имени* является имя как завет, заповедь и долг. Так, выражение держати имя Господне (Откр 2, 13) означает не что иное, как следование заповедям Иисуса Христа; таков же смысл выражения прудитися за имя Господне (Откр 2, 3).

Итак, в библейских текстах имя имеет следующие семемы: 1) 'сущность' (эйдетическая семема), 2) 'память' (мнемоническая семема), 3) 'сила' (энергийная семема), 4) 'святыня' (иератическая семема), 5) 'заповедь' (номотетическая семема). Все эти семемы суть разные выражения эйдоса Божества в инобытии; из этих семем главной является первая, остальные им предопределены и через него связаны друг с другом. В самом деле, не будь *имя* сущностью, оно не могло бы быть ни силой, ни святыней, ни заповедью; без силы заповедь не имела бы никакой силы, а святыня не внушала бы ни благоговения, ни страха. Это значит, что каждая из этих семем символизирует все остальные, а все вместе они суть события Божественного мифа. Все эти пять семем (может быть, их и больше) суть те смысловые точки, через которые Божественный эйдос проходит в инобытии, которые выражают Его становление в инобытии. В то же время они выражают те стороны этого эйдоса, которые способно вместить само инобытие, с которыми оно было способно вступить в общение. Каждая отдельная точка, или семема, имплицитно содержит в себе все остальные и потому является символом: в каждой из этих семем угадываются, прозреваются все прочие; все вместе они суть выражения идеи слова *имя*, которая является, как мы помним, основой всех в принципе бесконечных судеб и вариаций в значении слова. Все предыдущее изложение было попыткой стать логосом этой сверхлогичной идеи, то есть попыткой выразить в понятии символично-смысловую историю слова *имя* в библейских текстах, иначе говоря, выразить в понятии миф этого слова. О том, насколько удачна наша реконструкция символично-смысловой истории слова *имя*, может свидетельствовать успешность (или неуспешность) интерпретации при помощи выявленного логоса эйдоса «темных» мест употребления этого слова.

Одним из трудных для толкования случаев употребления слова *имя* является сюжет о построении Вавилонской башни, а именно пояснение цели этого столпотворения: люди рекоша= пр1идитеб созиждемы себэ грады и столпыб егЭже верхы будеты даже до небесе= и сотворимы себэ имяб преже неже разсэятися намы по лицу всея земли (Быт 11, 4); башня строится людьми для того, чтобы *сotворить себе имя*. Как это понять? По словам толкователей, строительство столпа потомками Хама было предприятие преступное и опас-

ное, «преступное потому, что вытекало из гордости, граничившей с самонадеянностью и отвержением Бога, и опасное потому, что исходило из среды проклятого и неблагословенного потомства Хамова. Успех его в этом деле мог пагубно повлиять на остальные народы и таким образом заразить и их преступной самонадеянностью и нечестием»¹¹⁶. Гордыня в библейском понимании есть стремление приписать себе Божественные свойства и стать на Его место. Почему же выражением гордыни стали слова сотворити себэ имя? Да потому, что имя есть сущность, потому что оно онтологично; подлинным же, то есть абсолютным бытием обладает лишь Бог, на вопрошание Моисея ответивший азы есмь сыгьб следовательно, все остальное обладает лишь относительным бытием как творение Божие. Создати себэ имя значит утвердить свою самость, свое бытие как абсолютное, независимое ни от чего, и даже от Бога. Эти слова из Книги Бытия должно сопоставить со словами пророка Иеремии: и молихся ко Гдзеви 777 глаголя= Эб сыгь Гдзи Бжве7 Тьгь сотворилы еси небо и землю крэпостию твоею великою и мыгьщцею твоею вьгсокою 777 и сотворилы еси имя себэ (Иер 32, 16—20), а также со словами ап. Павла: (Иисус Христос) смирилы себеб послушливы быгьвы даже до смертиб смерти же крестныгья7 Тэмы же и Бгвы его превознесе и дарова ему имяб еже паче всякогЭ имене (Флп 2, 8—9); в этих словах ясно выражена мысль о том, что творение имени есть действие, исключительно принадлежащее Богу, причем сотворити имя Он может только себе, потому что только Он есть существо вечное, независимое ни от чего, в самом себе имеющее основание своего бытия; сказав азы есмь сыгьб Бог утвердил свою самобытность, что и может быть выражено в словах сотворити себэ имяб поскольку, как уже было выяснено, *имя* есть сущность. Что касается всех остальных существ, то судьба их имени зависит от воли Божией: Он может или возвеличить и прославить имя, как Он возвеличил, например, имена Давида и Соломона, или уничтожить, потребити его; даже богочеловеку Иисусу Христу Бог дарова имяб еже паче всякого имене — это означает, согласно христианской догматике, таинственное преобразование человеческого естества во Христе, Его воскресение во плоти и новую, вечную жизнь Бога Слова уже как Богочеловека.

Вернемся к этимологии слова *имя*. Во всех приведенных библейских выражениях имеются в виду имена Бога Отца и Бога Слова Иисуса Христа. Это Их именем совершаются пророчества, крещение, даруется вечная жизнь и прощение грехов, изгоняются бесы. *Именем* здесь, несомненно, обозначается энергия объективной сущности, которая не столько познается человеком, сколько открывается ему в своих энергиях и обязывает его к каким-либо поступкам

¹¹⁶ Лопухин А.П. Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986. С. 30.

или привлекается им для совершения каких-либо действий. *Имя* Господа поэтому не отметина, сделанная по малозначительному признаку, *имя* Бога — сам Бог в его собственной сущности, которая выступает для человека как высшее знание, сила, святость и заповедь. И если *именем* Иисуса Христа (да и вообще *именем* какой-либо сущности) действительно исполняются просьбы, приказы, совершаются заклинания и мольбы, пророчества и добрые поступки, отпускаются грехи, даруется исцеление, то нужны ли еще какие-то доказательства того, что *имя* заключает в себе энергию сущности огромной смысловой и духовной мощи? Это делает более достоверной не только в формальном, но и семантическом отношении первую этимологическую версию происхождения этого слова. Поэтому, вопреки мнению П.А.Флоренского, слова *имя* и *знамя*, *знамение* находятся не столько в синонимических, сколько в антонимических отношениях, так как в первом случае эйдос определяется в инобытии своим, так сказать, центром, сутью, а во втором — периферией; если *имя* — это знание сущности по тем энергиям, которые извергаются из глубин сущности, а также и сама энергия, сила, мощно движущая поступками людей, то *знамя*, *знамение*, *знак* — это знание, наложенное на эйдос для его отличия, это знание, которое мы сами нашли и некоторым образом ознакомили, обозначили: *знамение* — ‘знак, указание’, ‘символ, образ’, ‘характерная черта, признак чего-л., кого-л.’, ‘явление природы, предзнаменующее что-л.’, ‘чудо’, ‘предсказание’, ‘вещественное доказательство’, ‘мера длины’ (СлДРЯ XI—XIV вв. III, 395—397¹¹⁷). В орудийном значении слово *знамение* употреблялось только в сочетании *крестное знамение* = *знамениемь крѣстньгьмы бѣсъгь изгнавы* (Хроника Георгия Амартола — СлДРЯ III, 395); *крестнымъ знамениемъ стѣньгь супостаты падаютьъ симъ знамениемъ бѣси погыбають* (Иоанн Златоуст. Слово на преславное восхождение тридневное — Усп. сб. 249а 27—31). Но поскольку крест — это атрибут Иисуса Христа, то можно сказать, что эти действия опять-таки совершаются силою Его сущности.

П.А.Флоренский, в противоречии со своей этимологией слова *имя*, писал об употреблении этого слова в орудийном смысле: «Именем = на основании, силою. Именем NN — по распоряжению, по приказу NN, так что заявляющий: «Именем...» несет на себе, имеет при себе самую суть, *vigor*, самый цвет волевого акта того, кто дал приказ, сосредоточенными в его имени, как эссенция всего существа. Подобно тому «во имя», или *вы имя* значит по имени, в честь, в память. Но как действие совершается ради носителя имени, но не ради названия отвлеченно от него, то под именем здесь разумеется либо непосредственно самый носитель его, в деятельности его силы, либо

¹¹⁷ Ср.: “*Имя* — это и есть вещь,.. наоборот, *знамя* дается, его знают, с его помощью узнают”. Колесов В.В. *Имя — знамя — знак* // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литератур. Л., 1983. С. 38.

его эссенциальный элемент»¹¹⁸. Этот эссенциальный элемент есть не что иное, как энергия эйдоса. Эту энергичную природу всякого слова имел в виду А.Ф.Лосев, когда писал: «Слово — могучий деятель мысли и жизни. Слово поднимает умы и сердца, исцеляя их от спячки и тьмы. Слово двигает народными массами и есть единственная сила там, где, казалось бы, уже нет никаких надежд на новую жизнь. Когда под влиянием вдохновенного слова пробуждается в рабах творческая воля, у невежд — светлое сознание, у варвара — теплота и глубина чувства; когда родные и вечные слова и имена, забытые или даже поруганные, вдруг начинают сиять и светом, и силой, и убеждением, и вчерашний лентяй делается героем, и вчерашнее тусклое и духовно-нищенское состояние — ярко творческим и титаническим порывом и взлетом; — называйте это тогда как хотите, но, по-моему, это гораздо больше, чем магия, гораздо сильнее, глубже и интереснее, чем какая-то там суеверная и слабенькая «магия», как она представляется выжившим из ума интеллигентам-позитивистам»¹¹⁹. Если всякое слово есть проводник энергии какой-либо сущности, то слово имя является им по преимуществу. Это можно видеть из того, что при ограниченности сил человека он восполняет их энергией, текущей по имени из той или иной сущности, и тогда он действует *именем народа, именем закона, именем революции, именем родителей, во имя всего святого, от имени администрации*, и в таком действии слабый становится сильным, умный — мудрым, нерешительный — смелым.

В этой связи будет уместным вспомнить такие слова из «Бориса Годунова»: «*Царь {Борис}*. Опасен он, сей чудный самозванец, / Он **именем** ужасным ополчен...» Эти слова вскрывают весь ужас положения царя Бориса: Григорий Отрепьев, вооружившийся, или, по меткому слову Пушкина, ополчившийся *именем* царевича Димитрия, законного наследника престола, обрел в этом имени огромную силу, и умный, государственно мысливший Борис, действовавший, однако, *во имя свое*, оказался бессильным перед самозванцем.

Таково *имя* и его сила и такова его символическая история в Св. Писании.

§ 7. Основные понятия фразеологии

Фразеология — раздел лексикологии, изучающий особый вид единиц языка, называемых **фразеологизмами**, таких, как *кот наплакал, лезть на рожон, собаку съест, на всех парах, держать камень за пазухой, во всю ивановскую, бить баклуши* и т. п. Фразеологизм одновременно похож и на слово, и на словосочетание: по структуре фразеологизм представляет собой словосочетание или даже предло-

¹¹⁸ Флоренский П.А. У водоразделов мысли. С. 315.

¹¹⁹ Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. С. 627.

жение, которое, однако, функционирует в языке как отдельное слово. Таким образом, фразеологизм характеризуется, во-первых, несвободностью: он не производится, как словосочетание, а воспроизводится в речи, как слово; во-вторых, слитностью значения, то есть его невыводимостью из значений составляющих фразеологизм компонентов; это свойство фразеологизмов называют еще идиоматичностью.

По степени идиоматичности фразеологизмы, вслед за Ш.Балли и В.В.Виноградовым, принято разделять на три разряда, или типа.

Первый тип — **фразеологические сращения**. Они немотивированы и непроизводны, их значение независимо от их лексического состава, абсолютно невыводимо из значений составляющих компонентов. Фразеологическое сращение с точки зрения современного языкового сознания лишено внутренней формы; таковы фразеологизмы *показать кузькину мать, держать в ежовых рукавицах, с боку припека, лить пули, у черта на куличках, съест собаку, ни в зуб ногой, на все корки, наше вам с кисточкой* и пр.

Второй тип — **фразеологические единства**. Во фразеологизмах этого типа еще сохранилась внутренняя форма, то есть ощущается мотивированность значения фразеологизма; таковы фразеологизмы *держать камень за пазухой, выносить сор из избы, на всех парах, семь пятниц на неделе, стреляный воробей, мелко плавать, кровь с молоком, плясать под чужую дудку, без ножа зарезать, первый блин комом* и пр. Во фразеологическом единстве отдельные слова подчинены единству образа, поэтому замена одного из компонентов единства ведет к его разрушению: **нет под чужую дудку, *как коза языком слизала*. Впрочем, нередко сознательная замена одного из компонентов является средством комического: *молчать как рыба об лед, одного сапога пара, не плюй в колодец: вылетит — не поймаешь* и т. п.

Третий тип — **фразеологические сочетания**. Во фразеологизмах этого типа наблюдается фразеологическая связанность одного из компонентов, другой же компонент остается свободным; так, можно сказать *закадычный друг, отъявленный злодей, заядлый курильщик, трескучий мороз, жгучая брюнетка, гробовая тишина, отчаянное сопротивление*, но нельзя сказать **заядлый злодей* или **закадычный курильщик*; можно сказать *щекотливое положение, обстоятельство* при невозможности сказать *щекотливая дружба*; по-русски говорят *страх берет, тоска берет, злость берет*, но не говорят **радость берет, *удовольствие берет*. Во фразеологических сочетаниях допустима синонимическая замена одного из компонентов: *беспробудное пьянство — беспросыпное пьянство*. Возможность такой замены свидетельствует о том, что значение

фразеологических сочетаний мотивировано и значениями составляющих компонентов¹²⁰.

На примере фразеологизмов, особенно фразеологических единств, легче понять природу номинации, чем на примере отдельных слов. Напомним, что значением слова и фразеологизма является не отвлеченный смысл, не понятие, но *понимаемое понятие*. Разница между смыслом как таковым и понимаемым смыслом в том, что смысл сам по себе содержит один план: это именно тот самый смысл вещи как именно этой вещи и больше ничего, тогда как понимаемый же смысл содержит в себе, по крайней мере, три плана: 1) отвлеченный смысл сам по себе, 2) какого-нибудь его заместителя и представителя и 3) их отождествление в одном и неделимом предмете (см. с. 30—31).

Возьмем какой-нибудь фразеологизм, например, *как рыбе зонтик*. Мы здесь имеем: 1) отвлеченный смысл ненужности, 2) образ, картинку, Gestalt рыбы с зонтиком и 3) сравнение смысла с образом и их отождествление, в результате чего отвлеченный смысл *понимается* в свете данного образа. Если в слове эта картинность, образность чаще всего затемнена, а то и вовсе забыта, внутренняя форма утрачена, то у фразеологизмов, наоборот, Gestalt чаще всего присутствует в сознании. Поэтому неотъемлемыми свойствами фразеологизмов почти всегда являются образность и, как следствие, экспрессивность. То же и в японском языке; например, *аго-о дасу*: здесь мы имеем: 1) отвлеченный смысл усталости, 2) образ, Gestalt ‘показать челюсть’ и 3) отождествление смысла и образа — *аго-о дасу* значит ‘устать, выбиться из сил’. Или *цура-но кавга ацуй* — букв. человек с толстой кожей лица → ‘бесстыдный человек’. Очевидно, образность, наличие образной внутренней формы есть универсальный признак фразеологизма в любом языке.

Один и тот же отвлеченный смысл может быть сравниваем с самыми разными сферами инобытия и отождествляем с ними, вследствие чего возникает фразеологическая синонимия. Тот же смысл ненужности может быть сравниваем и отождествляем с такими Gestalt’ами, как *корова под седлом, собака с пятью ногами, телега с пятью колесами, прошлогодний снег, мертвец, которому ставят припарки (как корове седло, как собаке пятая нога, как телеге пятое колесо, как прошлогодний снег, как мертвому припарки)*. Отвлеченный смысл сходства может быть сравниваем и отождествляем с такими Gestalt’ами, как *пара сапог, ягоды с одного поля, пироги из одного теста, карты одной и той же масти, желуди одного дуба и т.д. (два сапога пара, одного поля ягоды, из одного теста, одной масти, одного дуба желуди)*. Отвлеченный смысл «никогда» может быть срав-

¹²⁰ См.: *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 145—161.

ниваем и отождествляем с такими Gestalt'ами, как рак, свистнувший на горе, турецкая пасха или дождь непременно в четверг (*когда рак на горе свистнет, на турецкую пасху, после дождичка в четверг*).

Однако и у фразеологизмов внутренняя форма может забываться. Зная отвлеченный смысл, выраженный фразеологизмом, мы можем уже не понимать, с какой картиной этот смысл сравнивается и отождествляется, никакого Gestalt'a в нашем сознании уже не возникает. Это прежде всего относится к фразеологическим сращениям. Мы уже ничего не знаем ни о Кузьке и его матери, ни о куличках черта, ни о замороженном червяке. В этих случаях требуется специальный этимологический анализ фразеологизма.

Так, слово *кулички* означало выжженную и расчищенную под пашню землю в лесу, когда господствовала подсечно-огневая система земледелия. Через два-три года земля оскудевала, ее забрасывали, и она зарастала кустарником, заболачивалась. «По суеверным представлениям, именно на таких дальних и мелколесных «куличках» и водились черти»¹²¹.

Фразеологизм *заморить червячка* 'притупить чувство голода' еще в XIX веке означал 'выпить натошак водки'. Этот фразеологизм иноязычного происхождения, на что указывает отсутствие вариантов в диалектах русского языка и его известность из славянских языков лишь западным. Этот фразеологизм является переводом (калькой) или франц. *tuer le ver*, или исп. *matar el gusanillo* букв. 'убить червя' — 'выпить натошак рюмку водки или белого вина'; происхождение этого выражения связано со средневековой медицинской практикой дезинфекции желудка с помощью спиртовых настоев¹²².

По происхождению фразеологизмы делятся на исконные и заимствованные. В исконных фразеологизмах отражается быт народа, его нравственные и эстетические ценности, особенности национального характера и умственной жизни; в заимствованных — хозяйственные, военные и культурные контакты народа с другими народами и их культурой и языком.

Если говорить о русском языке, то в силу религиозной общности России и Византии в русский язык оказалось заимствованным большое количество фразеологизмов библейского происхождения: *темна вода во облацех, несть пророка в отечестве своем, ад крошечный, альфа и омега, Бог весть, Боже упаси, вавилонская блудница, вавилонское столпотворение, валтасаров пир, вносить лепту, во время оно, до потопа, земная юдоль, камень преткновенения, книга за семью печатями, петь Лазаря, зарывать талант в землю, почитать в Бозе, отдать Богу душу, манна небесная, Содом и Гоморра* и др. В Петровскую и послепетровскую эпоху, когда усилились контакты

¹²¹ Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л., 1986. С. 180.

¹²² Там же. С. 21—27.

русской культуры с западноевропейской, в русском языке путем калькирования появилось много фразеологизмов из европейских языков, главным образом из французского: *принять решение, принять участие, со временем, делать честь, принять меры, черт побери, проглотить пилюлю, рог изобилия, книга природы, работать как вол, дело вкуса, якорь спасения, задняя мысль, на краю пропасти, на первый взгляд, иметь немножко терпения, от всего сердца, игра стоит свеч, смешать карты, с птичьего полета, рука руку моет, быть как на иголках, ловить рыбу в мутной воде, видеть в черном свете, иметь зуб, водить за нос, называть вещи своими именами, вопрос жизни и смерти* и др.

Помимо типологического, семантического, этимологического, стилистического изучения фразеологизмов, в последние годы началось исследование фразеологии разных языков в сопоставительном плане. Сопоставлению подвергаются и те отвлеченные смыслы, которые фразеологизируются в сравниваемых языках, и особенно те образы, Gestalt'ы, в свете которых понимается тот или иной смысл. По-русски значение 'бездельничать' выражается фразеологизмами *бить баклуши, лежать на боку, сидеть сложа руки, плевать в потолок, считать ворон, собак гонять*, а по-башкирски — *гонять ветер*, что основано на национальной специфике образной ассоциации, отражающей уклад жизни народов; точно так же значение 'никогда' по-русски выражено фразеологизмом *когда рак на горе свистнет* и др., а по-башкирски — *когда хвост верблюда коснется земли*; по-английски же это значение выражается фразеологизмом *when the pigs fly* — 'когда полетят свиньи'. Значение 'преувеличивать' выражено в двух языках сходными образами: русск. *делать из мухи слона* — башкирск. *делать соринку копной*¹²³. Это направление изучения фразеологии еще только начинается и ждет новых исследователей.

§ 8. Лексикография. Основные типы словарей

Весь опыт человеческого общения связан со словом и так или иначе выражен в слове; изучением и обобщением этого опыта являются словари. Теорией и практикой составления словарей занимается особый раздел языкознания — **лексикография**.

В теории лексикографии все словари принято делить на две большие группы — лингвистические и энциклопедические словари. Основанием для деления служит сам объект лексикографического описания: в лингвистических словарях таким объектом является слово языка как таковое, со всеми его признаками и свойствами; в энциклопедических словарях объектом описания являются предметы

¹²³ См.: *Хайруллина Р.Х.* Картина мира русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями) М., 1996.

действительности, исторические события и лица — государственные и политические деятели, деятели науки, культуры, литературы и т.п. в соответствии с достигнутым на данный момент уровнем естественнонаучных и гуманитарных знаний. Деление словарей на две группы теоретически совершенно четкое, однако на практике между этими двумя типами наблюдается сближение: так, в лингвистических словарях в толкованиях слов наблюдаются элементы энциклопедизма, а в энциклопедических словарях нередко приводятся сведения об ударении слова, его происхождении и др.

Объектом лингвистических словарей является слово языка как таковое, однако в языке так много слов и каждое из них имеет так много признаков, что не существует и едва ли когда-нибудь в будущем появится словарь, содержащий *всю* лингвистическую информацию о *каждом* слове того или иного языка. Не заглядывая в будущее, можно сказать, что современное состояние лингвистической лексикографии таково, что научное знание о словах обычно представлено в словарях нескольких типов, дополняющих друг друга: толковых, этимологических, словарях синонимов, омонимов, орфографических, орфоэпических, культурологических и др.

1. Основным типом лингвистического словаря являются *толковые* словари, в которых толкуется, то есть разъясняется семантика слова или фразеологизма. Главной теоретической проблемой этих словарей является сама процедура истолкования значения или значений слова. Вспомним еще раз основной парадокс слова: оно именуется неизменное. Поэтому, если неизвестен смысл, выражаемый данным словом, то разъяснить этот смысл можно, лишь указывая на другие способы выражения того же эйдоса. Таким образом, основным способом объяснения семантики слова является истолкование через синонимическую замену. Дополнительным способом объяснения смысла слова является указание на более общую эйдетическую область, в которой данный смысл занимает определенное место; это истолкование через указание на род с определением видового отличия. Вот примеры таких толкований. «ТОПТАТЬ 1. Мять, подминать, давить ногами при ходьбе. 2. Бить, давить, вминать в землю ногами. 3. Наезжая лошастью, сбивать с ног. 4. *Спец.* Давить, разминать, мять ногами для какой-л. практической надобности» (МАС IV, 384). «СОКОЛ. Хищная птица с сильным клювом и длинными острыми крыльями, парящая во время полета» (МАС IV, 187). Как видим, в первом случае объяснение семантики слова истолковывается через синонимическую замену, а во втором — через указание рода (хищная птица) с определением видовых особенностей.

Толковые словари различаются по своим задачам и, следовательно, по характеру и объему отбираемой лексики. Есть толковые сло-

вари, которые стремятся к охвату всей лексики языка, которая употребляется данным народом; таков знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля (т. 1—4, 1-е изд. 1863—1866, 2-е изд. 1888, 3-е изд. 1903—1909). Словарь содержит более 200 000 слов и отражает словарный состав русского языка XIX века; в словарь включена не только лексика литературного языка, но слова живой народной речи разных областей России, собранные самим автором, а также пословицы и поговорки, которые служат одним из средств экспликации значения слова. Слова в словаре расположены гнездовым способом, что имеет свои преимущества и недостатки; достоинством этого способа расположения слов является то, что наглядность словообразовательных связей сама по себе показывает жизнь корня в языке, то есть то, *что* и *как* языковое сознание народа понимало в свете данного смысла; недостатки этого способа чисто технические: не всегда удается быстро найти нужное слово; кроме того, В.И.Даль нередко ошибался в определении этимологических связей, из-за чего некоторые слова попали не в свои гнезда; И.А.Бодуэн де Куртенэ, подготовивший третье издание словаря, во-первых, ввел систему отсылочных слов, что облегчает поиски нужного слова, во-вторых, вывел в особые гнезда слова, которые ошибочно находились не на своем месте, наконец, дополнил словарь новыми словами как из архива Даля, так и из собственного собрания. Третье, исправленное и дополненное, издание знаменитого словаря является наилучшим.

Другими по объему и характеру словника являются толковые словари нормативного типа. Задачей такого типа словарей является выявление и закрепление лексики, нормативной для литературного языка данной эпохи. Помимо толкования семантики, в этих словарях указывается нормативное написание, произношение, грамматическая и стилистическая характеристика слова, фразеологизмы, в которых употребляется данное слово, в необходимых случаях — сфера употребления. В России первым толковым нормативным словарем был «Словарь Академии Российской» (ч. 1—6, 1789—1794, 43 257 слов), в который «заглядывал встарь» автор «Евгения Онегина». Затем последовали «Словарь церковнославянского и русского языка» (т. 1—4, 1847, 114 749 слов), «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова (т. 1—4, 1935—1940, 85 289 слов), на основе которого в 1949 г. был создан однотомный «Словарь русского языка» С.И.Ожегова (50 100 слов), выдержавший затем несколько переизданий; большой академический «Словарь современного литературного языка» под редакцией А.М.Бабкина, С.Г.Бархударова, Ф.П.Филина — наиболее полный нормативный словарь русского литературного языка XIX—XX веков (т. 1—17, 1948—1965),

малый академический «Словарь русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой (т. 1—4, 1957—1961, 82 159 слов).

Толковыми по характеру и задачам являются исторические словари, отражающие лексику сохранившихся памятников письменности того или иного народа. Одним из первых исторических словарей был «Немецкий словарь», начатый в 1854 г. братьями Гриммами и оконченный лишь в 1961 г. Историческими толковыми словарями русского языка являются «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1—3, 1893—1903) выдающегося филолога Измаила Ивановича Срезневского, а также издаваемый ныне «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (т. 1—23, А—С, 1975—1997), редактором которого сейчас является Г.А.Богатова (ранее редакторами были С.Г.Бархударов, Ф.П.Филин, Д.Н.Шмелев). Историческими словарями греческого языка, к которым часто обращаются не только филологи-классики и византилисты, но и историки русского языка, являются словарь Лиддела и Скотта (Liddel H., Scott R.A. *Greek-English Lexicon*. 17 ed. Oxford, 1890) словарь Лампе (Lampe G.W.H. *A Greek-English Lexicon*. Oxford, 1962, 1977), словарь Софоклеса (Sophocles E.A. *Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods*. Vol. 1—2. New York, 1957), словарь Дворецкого (Дворецкий И.Х. *Древнегреческо-русский словарь*. Т. 1—2. М., 1958).

Толковыми являются словари писателей, сыгравших важную роль в создании национальных литературных языков; таков, например, «Словарь языка Пушкина» под редакцией В.В.Виноградова (т. 1—4, 1956—1961, 21 191 слово в 544 777 употреблениях), в котором приведены все слова из основного текста академического собрания сочинений поэта, или *Lexicon Homericum* Эбелинга (H. Ebeling, Bd. I—II, 1874—1880); словари отдельных, важнейших с точки зрения истории культуры, памятников письменности: *Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und urchristlichen Literatur*. Berlin — New-York, 1988 В.Бауэра (W.Bauer), «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» В.Л.Виноградовой (в. 1—6, 1965—1984).

Толковыми являются и дву- и многоязычные словари; словари иностранных слов, в которых толкуются слова и выражения иноязычного происхождения, освоенные данным языком; фразеологические словари, объектом описания которых являются фразеологизмы — их значение, грамматическая и стилистическая характеристика, вариативность компонентного состава; диалектные словари: в общих диалектных словарях объясняется лексика всех диалектов и говоров данного языка («Словарь русских народных говоров», вып. 1—23, 1965—1997); в региональных словарях толкуется лексика одного диалекта или говора одного района или даже деревни («Архангельский областной словарь» под редакцией О.Г.Гецовой, «Сло-

варь современного русского народного говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области» под редакцией И.А.Оссовецкого).

Другим типом лингвистических словарей являются *этимологические* словари, призванные раскрыть происхождение слова и его значение в момент возникновения. Этимологический словарь может быть словарем одного языка, объектом описания является реально зафиксированная лексика этого языка (А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—2. М., 1958; М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. Изд. 2-е. М., 1986—1987; Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Vol. 1—4. Paris, 1968—1977); этимологический словарь может быть словарем группы родственных слов, в словаре этого типа словник состоит из реконструированных праславянских, праиндоевропейских, пратюркских или иных праформ («Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под редакцией О.Н.Трубачева, вып. 1—23, а-п, 1974—1996; J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, 1949—1959).

В словаре **синонимов** слова сгруппированы в синонимические ряды, дается семантическая и стилистическая дифференциация синонимов внутри ряда («Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой, т. 1—2, 1970—1971).

В словаре **омонимов** дается информация о существующих в данном языке омонимах. Лучшим лексикографическим описанием омонимии русского языка является «Словарь омонимов русского языка» О.С.Ахмановой (1974 г.). В нем произведена классификация омонимов (лексические, морфологические и словообразовательные омонимы), и каждое слово трактуется как представитель того или иного вида. Система помет указывает на принадлежность слов-омонимов к общелитературной или специальной лексике, их территориальные, социальные и стилистические характеристики. Перевод слов-омонимов на иностранные языки ярко оттеняет их семантическую несовместимость в русском языке.

Орфографические словари содержат перечень слов в алфавитном порядке в их нормативном написании. Обычно орфографические словари различаются объемом словника в зависимости от адресата. Знаменитый, предназначенный для школьников «Орфографический словарь» Д.Н.Ушакова и С.Е.Крюčkова, выдержавший более сорока изданий, содержит чуть более 15 000 слов. Общие орфографические словари стремятся к охвату всей нормативной лексики литературного языка; таков академический «Орфографический словарь русского языка» (первое издание — 1956 г.). К типу орфографических словарей относятся словари-справочники по отдельным проблемам правописания: дореволюционные справочники слов с буквой

Э, словари, посвященные слитному, раздельному или дефисному написанию слов, правописанию имен собственных и др.

Орфоэпические словари содержат перечень слов литературного языка с указанием их нормативного ударения и произношения. «Орфоэпический словарь русского языка» под редакцией Р.И.Аванесова (1985 г., 63 500 слов) дает сведения о произношении и ударении слов, системой помет оценивает варианты произношения как равноправные, допустимые, устаревшие, nereкомендуемые, неправильные и грубо неправильные. Например: **искривлнный**, -ая, -ое ! *не рек.* искривленный; **булочная**, -ой [*ин* и доп. *чн*]; **каталог**, -а ! *не рек.* каталог; **афера**, -ы ! *неправ.* афра.

К специальным лингвистическим словарям, необходимым главным образом специалистам, относятся словообразовательные словари, в которых показано членение слова на составляющие его морфемы, а также совокупность слов с данной морфемой — словообразовательное гнездо. См.: А.И.Кузнецова, Т.Ф.Ефремова «Словарь морфем русского языка» (1986), А.Н.Тихонов «Словообразовательный словарь русского языка» (т. 1—2, 1985). Специальными являются также обратные и грамматические словари. В них слова располагаются в инверсионном порядке, то есть по алфавиту не начальных, а конечных букв слова. Такое расположение слов необходимо для анализа словообразовательной и грамматической структуры отдельного слова и языка в целом. Таковы «Обратный словарь русского языка» (1974 г.) и «Грамматический словарь русского языка» А.А.Зализняка (1977 г.).

Лингвистическими по типу, но содержащими большой объем энциклопедической информации, являются словари, в которых слово рассматривается в контексте культуры. Предметом описания в таких словарях являются, конечно, слова, функционирующие в той или иной сфере культуры — хозяйственной, юридической, бытовой, духовной. Примерами такого рода словарей являются словарь Т.Моммзена «Римское государственное право» (*R•misches Staatsrecht*, 1871—1875 гг.), В.О.Ключевского «Терминология русской истории» (Соч. в IX тт., т. VI, 1989 г.), Э.Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов» (*Le Vocabulaire des institutions indo-européennes*, 1970, русский перевод — 1995 г.). В последнем словаре рассмотрены такие предметные области, как хозяйство, родственные отношения, социальные статусы, государственная власть, право, религия; в каждой из этих областей выделяется набор важнейших концептов и исследуются слова, выражающие эти концепты. Так, в сфере религии выделяются эйдосы священного, жертвоприношения, обета, молитвы и др.; собственно словарная статья описывает слова индоевропейских языков, выражающих эти эйдосы. Близкими по характеру к этим словарям являются работы В.В.Колесо-

ва «Мир человека в слове Древней Руси» (1986 г.) и Ю.С.Степанова «Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования» (1997 г.). В словаре «Константы» исследованы такие смыслы культуры, как вечность, мир, время, огонь, хлеб, слово, вера, любовь, правда и истина, знание, число, закон, душа, интеллигенция и многие другие. История «вещи» и история ее языкового инобытия, при их теоретическом разграничении, даны в этом словаре как единое целое. Смысл создания такого рода словарей не столько в их практической пользе, сколько в теоретическом самопознании путем рефлексии над культурой в ее словесном выражении.

2. Наиболее известными энциклопедическими словарями универсального типа являются Британская энциклопедия (*Encyclopaedia Britannica*), выходящая с 1768 г.; в 1974 г. вышло новое 15-е издание в 30 томах; энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Петербург, 1890—1907 гг., 86 томов), в создании которого участвовали лучшие научные силы России конца XIX — начала XX века.

Энциклопедическими словарями специального типа являются справочники и словари по отдельным областям знаний: «Лингвистический энциклопедический словарь» (1990 г.), «Русский язык. Энциклопедия» (1979 г., под редакцией Ф.П.Филина и 1998 г., под редакцией Ю.Н.Караулова), «Библейская энциклопедия» (1891 г., репринт — 1991 г.), «Словарь библейского богословия» под редакцией К.Леон-Дюфура и др. (Брюссель, 1974 г.), «Мифы народов мира. Энциклопедия» (т. 1—2, 1980—1982) и многие другие словари и энциклопедии по истории, философии, математике, биологии, электротехнике, информатике и др.

Словарями смешанного, лингвистического и энциклопедического, типа являются словари *терминов* той или иной науки или области техники; в них совмещаются как сведения о самом слове-термине, так и сведения о той реалии, обозначением которой является данный термин.

Л и т е р а т у р а

- Бабкин А.М.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
- Булгаков С.Н.* Философия имени. Париж, 1953.
- Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография. Избранные труды. М., 1977.
- Виноградов В.В.* История слов. М., 1994.
- Камчатнов А.М.* Лингвистическая герменевтика. М., 1995.
- Камчатнов А.М.* История и герменевтика славянской Библии. М., 1998.
- Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.

-
- Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Лосев А.Ф.* Вещь и имя // Лосев А.Ф. Имя. М., 1997.
- Мокиенко В.М.* Образы русской речи. Л., 1986.
- Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. М., 1977.
- Потебня А.А.* Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
- Степанов Ю.С.* Язык и метод. М., 1998.
- Флоренский П.А.* У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Соч. в 2-х т. Т. II. М., 1990.
- Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М., 1969.
- Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Глава 3

МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 1. Понятие о морфеме. Признаки морфемы

Не только слово, но и его часть может быть носителем смысла. Так, в словах *домик*, *ключик*, *садик* ясно выделяется часть *-ик* со значением ‘маленький’; ср. также: *за-пис-а-ть*, *юн-ость-Ø*. Следовательно, наименьшей смысловой единицей языка является не слово, а составляющая его более мелкая значимая единица **морфема** (от греч. *μορφή* ‘форма’). Как особая единица языка морфема была впервые выделена И. А. Бодуэном де Куртенэ, который предложил следующее ее определение: «Морфема — далее не делимый, дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления. Этот термин является родовым, объединяющим для частных, видовых понятий вроде *корень*, *префикс*, *суффикс*, *окончание* и т.п. Считать подобный термин излишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин “дерево” и довольствоваться частными названиями “дуб”, “береза”, “ель”, “ива” и т.д.»¹. Морфема как единица языка изучается в особом разделе языкознания — морфемике.

Морфема характеризуется следующими основными признаками: 1) двусторонностью — наличием звукового оформления, то есть плана выражения, и соотносительного с ним смысла, то есть плана содержания; 2) минимальностью — неспособностью члениться на более мелкие значимые единицы; 3) воспроизводимостью: морфемы не создаются заново, а извлекаются из языковой памяти; 4) несамостоятельностью: морфемы входят в состав слова и функционируют в нем, выражая различные смыслы. Последний признак, однако, не носит абсолютного характера. Во-первых, существуют морфемы, равные слову; таковы неизменяемые слова, как правило иностранного происхождения, вроде *кофе*, *пальто*, многие служебные слова — предлоги (*в*, *на*, *по*, *под*, *за* и т.п.), союзы (*и*, *но*, *или*, *как* и т.п.), частицы (*ну*, *бы* и т.п.), междометия (*ох*, *ах*, *эх*, *увы* и т.п.). Во-вторых, в ряде языков, прежде всего в аморфных (древнекитайском, вьетнамском, йоруба и др.) наблюдается слабая противопоставленность слова и морфемы вообще.

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М., 1963. С. 290—291.

Как смысловая единица, морфема может выражать разные типы значений: 1) основной элемент лексического значения: *лес-Ø*, *рук-а*, англ. *forest*; 2) деривационное (словообразовательное) значение, например, ‘собирательность’: *лист-в-а*, *студенч-еств-о*, ‘невзрослость’: *олен-енок-Ø*, *слон-енок-Ø*; ‘начинательность’: *за-петь*, *за-говорить* и др.; наконец, 3) грамматическое значение: например, окончание *-и* в слове (*нет*) *книг-и* указывает на то, что это форма существительного женского рода, единственного числа, родительного падежа. Значение слова, однако, не равно сумме значений составляющих его морфем. Возьмем, например, слово *ночник*: суффикс *-ник* обычно выражает в русском языке значение лица или предмета, корень *ноч* обозначает определенное время суток; слово с такой морфемной структурой может иметь разные значения; в XIX веке, например, слово *ночник* обозначало ночного извозчика, а также ночного вора (в жаргоне). Отсюда видно, что в значении слова есть такие составляющие, которые прямо не выражены морфемами. Эта особенность слов получила название **фразеологичности (идиоматичности)** семантики.

Как значимая единица языка морфема близка слову. Как и слово, она вступает в синонимические и антонимические отношения; см., например, ряд слов, называющих жителей разных городов и содержащий синонимичные суффиксы: *москв-ич*, *петербурж-ец*, *ельч-анин*, *тул-як*, или противоположные по значению префиксы: *съ-езд* — *раз-езд*. Близость морфемы и слова подтверждается способностью морфем в ряде случаев переходить в класс слов и употребляться самостоятельно: *Терпеть не могу всяческие измы*; «*Надоело мне быть этой При, то причудой природы, то прислугою музы чужой, то прищепкой к веревке...*» (И. Лиснянская).

В речи под влиянием сочетания с другими морфемами звуковой вид морфемы может меняться; так, в ряду родственных слов *сух-ой* — *сох-нуть* — *суш-ить* наблюдаются различия в звуковом составе корневой морфемы, вызванные исторически обусловленными чередованиями. Таким образом, морфема как обобщенная единица может быть представлена в речи рядом звуковых вариантов, которые принято называть морфемами; например, морфы *глух-* — *глуш-* представляют одну корневую морфему, морфы *в-* — *во-* — одну префиксальную морфему, морфы *-ств-* — *-еств-* — одну суффиксальную морфему. Морфема может быть представлена одним морфемом (например, приставка *вы-*) или несколькими морфемами: *крич-ать* — *крик-нуть*, *дух* — *душ-ный* — *от-дых-ать* — *дх-нуть* — *отдох-новение*. Таким образом, морфемам, как и другим двусторонним единицам, присущ «асимметрический дуализм языкового знака» (С. Карцевский). «Тождество морфемы обеспечивается тождеством значений у отдельных экспонирующих ее единиц (т.е. у морфем) или

их регламентированным формальным варьированием»². Это значит, что морфы одной морфемы должны обладать единством значения и звучания при возможном варьировании ее звукового состава, связанном с позиционной меной или историческими чередованиями.

Морфемы качественно и функционально неоднородны. Их классификация строится с учетом нескольких признаков: 1) обязательности / необязательности морфемы; 2) позиции ее в структуре слова; 3) функции морфемы; 4) степени ее частотности в языке; 5) состава морфемы; 6) ее материальной выраженности / невыраженности.

§ 2. Типология морфем

По признаку обязательности / необязательности морфемы в слове различаются **корневые** и **аффиксальные** морфемы. Корневая морфема обязательно присутствует в каждом слове, аффиксы же (от лат. *affixum* — ‘прикрепленное’) факультативны. Корневые морфемы повторяются в ряду родственных слов, определяя их связь между собой: *син-ий* — *син-еть* — *син-ь* — *син-енький* — *син-ева* — *син-як* и др. Аффиксы могут быть единичными, например, суффикс *-унок* выделяется только в одном слове русского языка *рисунок*. Всякое «самостоятельное слово имеет свое корневое ядро, и это ядро есть, вместе, и смысловое: существует первооснова слова, в которой сращение слова и смысла-идеи имеет непосредственное изначальное бытие»³. Такой «первоосновой» слова и является корень, именно с ним связано ядро значения лексической единицы. Аффиксы модифицируют значение корня, выражая словообразовательные и грамматические значения; ср.:

Есть *счастливы* и *счастливы*,
Петь не могущие! Им
Слезы *лить*! Как сладко *вылиться*
Горю — *ливнем проливным*.

(М. Цветаева)

Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды.

(В. Ходасевич)

По позиции в структуре слова относительно корня морфемы делятся на **префиксы** (приставки), **суффиксы** и **постфиксы**: первые располагаются перед корнем, вторые после корня, третьи — после флексии: *пре-добрый*, *пепель-ниц-а*, *учу-сь*.

² Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа. М., 1974. С. 82.

³ Булгаков С. Н. Философия имени. С. 35.

Префиксы и суффиксы различаются рядом свойств: приставки, как правило, присоединяются к целому слову, а не к его основе, не меняют принадлежности исходного слова к части речи в процессе словопроизводства, более автономны, чем суффиксы, неслучайно они чаще, чем суффиксы, могут выделяться из состава слова и употребляться самостоятельно. Это явление особенно характерно для художественной речи:

Перешагни, перескочи,
Перелети, *пере* — что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...

(В.Ходасевич)

Наряду с этими тремя наиболее распространенными аффиксами в структуре слова в языках мира также выделяются:

конфиксы, или **циркумфлексы** — прерывистые аффиксы опоясывающего типа, например, нем. *ge... t* или *ge... n* в причастиях прошедшего времени: *genommen* ('названный'), *gesagt* ('сказанный');

инфиксы — разрывающие непрерывные аффиксы, вставленные в корень или другую морфему, например, лит. *ju-n-tu*, ср. *jutau* от *justi* 'чувствовать'; тагальск. *кумаусан*, где *-ум-* — инфикс, вставленный в префикс *к...а* глагола со значением 'беседовать';

интерфиксы — аффиксы, соединяющие компоненты сложных слов и выражающие отношение между ними: *сед-о-власый*, *десять-и-летний*, нем. *Geburt-s-tag* 'день рождения'; статус интерфикса по-разному определяется в современной лингвистике: ряд лингвистов считает, что интерфиксы вообще лишены значения, и рассматривают их как асемантические прокладки между морфемами в структуре слова, необходимыми для удобства произношения;

трансфиксы — аффиксы, «разрывающие» корни из согласных звуков определенными гласными; эти аффиксы широко распространены, например, в семитских языках; ср. арабск. *нарун* 'огонь' — *ниранун* 'огни', где мена трансфиксов выражает значение числа;

препрефиксы — префиксальные аффиксы, которые обязательно предшествуют другим, более центральным префиксам (если они присутствуют) в африканских языках.

Особое место среди аффиксов занимают **флексии**, или **окончания**. Они, с одной стороны, выделяют конец слова и служат его пограничным сигналом, с другой стороны, выражают комплекс грамматических значений и оформляют слово в составе синтаксической конструкции; см., например:

Отступ-ит мор-е, — дуб-∅ не вян-ет,
Пока жив-а родн-ая речь-∅.

(Вяч.Иванов)

Правила следования аффиксов в различных языках могут не совпадать, однако так или иначе служебные морфемы группируются вокруг корня.

По функции, выполняемой ими, аффиксы делятся на **словообразующие (деривационные)** и **формообразующие (словоизменяющие)**. Словообразующие аффиксы служат для образования новых слов: *камень* → *камен-щик*, *тихий* → *тиш-ина*. Формообразующие аффиксы служат для образования грамматических форм одного слова: *книг-а* — *книг-и* — *книг-у*; *чита-л-а* и т.п.

По степени частотности морфемы делятся на **регулярные** и **нерегулярные**. Регулярные морфемы — это морфемы, повторяющиеся в других словах языка, например, в русском языке суффиксы *-ость*: *бледность*, *нежность*, *глупость*, *важ-ность*, *гордость* и др., *-тель*: *преподаватель*, *учитель*, *воспитатель*, *мучитель* и др. Нерегулярными называются единичные морфемы; таков, например, суффикс *-'арус*, зафиксированный только в слове *стеклярус*.

По составу все морфемы подразделяются на **простые** и **составные**. К простым относятся морфемы, которые не могут разрываться в составе слова и не способны к удвоению или расширению. К составным относятся конфиксы (циркумфлексы), представляющие, как правило, комбинацию префикса и суффикса, корни, сочетающиеся с трансфиксами, морфемы, подвергающиеся удвоению при повторе, см., например, тагальск. *сумусулат* 'пишет', где удваивается морфема *су*.

Наряду с материально выраженными морфемами, то есть морфемами, имеющими звуковой состав, в языке встречаются — **нулевые** морфемы. Нулевая морфема — это значимое отсутствие материально выраженной морфемы, устанавливаемое на основе сопоставления данной словоформы с другими формами того же слова или же с другими лексическими единицами, образованными по той же словообразовательной модели. «Всякая форма слов, образуемая аффиксами, — писал Ф.Ф.Фортунатов, — предполагает существование другой формы, в которой те же основы являются без данного аффикса, то есть или с другим аффиксом, или без всякого аффикса, как основы слов в другой форме»⁴. Так, например, для форм кратких прилагательных мужского рода единственного числа в русском языке характерно отсутствие материально выраженного окончания, причем эти формы противопоставлены формам женского и среднего рода, а также форме множественного числа: *весел-∅* — *весел-а* — *весел-о* — *весел-ы*; *умен-∅* — *умн-а* — *умн-о* — *умн-ы*. Именно отсутствие материально выраженного окончания в

⁴ Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. I. М., 1956. С. 34.

форме мужского рода и выражает грамматические значения рода и числа; иначе говоря, это отсутствие значимо и потому называется нулевой флексией. Нулевые флексии широко распространены в языках с развитым словоизменением. Кроме нулевых флексий, возможны и нулевые аффиксы, как формообразующие, так и словообразующие, ср., например, формы прошедшего времени *пек-∅-∅* — *пек-л-а*, *промок-∅-∅* — *промок-л-и* или слова типа *синь-∅-∅*. Понятие нулевой морфемы, таким образом, опирается на системные связи грамматических форм слова и производных основ.

Значение нулевой морфемы «определяется в основном противопоставлением, но это не умаляет его. В музыке пауза часто так же выразительна, как и мелодия, которую она прерывает; так же красноречива пауза и в речи»⁵.

Выделение нулевых морфем предполагает обязательность состава словоформы или слова, в которое нуль предположительно входит. Именно это и определяет значимость отсутствия материально выраженной морфемы: если она д о л ж н а быть в данной структуре в определенной позиции, то ее отсутствие приобретает способность передавать тот или иной смысл в сопоставлении с материально выраженными компонентами структуры. Таким образом, выделение нулевых морфем возможно только в том случае, если имеет место обязательность морфемного состава и обязательность или регулярность значений, передаваемых определенными морфемами.

Существуют языки, в которых выделение морфем значительно затруднено. Это языки, в которых границы между словом и морфемой предельно размыты. Слова в них или совпадают с морфемами, или состоят из двух (и более) морфем, каждая из которых способна функционировать в языке как полнозначительное слово. Например, в китайском языке выделяется особый структурный тип прилагательных с оценочным значением; начальная морфема у них всегда одна и та же — *həo*, вторая же морфема соответствует разным глаголам: *hǎokan* ‘красивый на вид’ (букв. ‘приятно смотреть’), *hǎoting* ‘приятный на слух’ (букв. ‘приятно слушать’). Результативные глаголы китайского языка также состоят из двух морфем, равных словам: первая обозначает действие, а вторая — его результат, например: *kàn* ‘смотреть’, *jiàn* ‘воспринимать’, *kànjiàn* ‘увидеть’; *tīng* ‘слушать’, *jiān* ‘воспринимать’, *tīngjiān* ‘услышать’; *zuò* ‘делать’ + *wán* ‘кончить’ = *zuòwán* ‘сделать’. К языкам с предельно зыбкими границами между словом и морфемой относятся, например, вьетнамский, древнекитайский, частично современный китайский. Такие языки называются аморфными, или изолирующими.

Различна и техника объединения морфем в разных языках. Выделяются две ведущие тенденции связи и функционирования

⁵ Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 81.

морфем в структуре слова. Первая тенденция, по предложению Э. Сепира, получила образное название **фузия** (от лат. *fusio* ‘литье, сплав’). Для фузии характерны следующие признаки: многозначность морфем, их тесная связь вплоть до спайки, проявляющейся в наложении одного морфа на другой, наличие чередований на стыках морфем. Именно фузия представлена, например, в русском языке, ср.: *приду*, где корневой морф *ид-* совмещается с префиксом *при-*, *дорога* — *дорожка*, где на стыке корня и суффикса наблюдается чередование *г* // *ж*. «Благодаря тесной связи элементов при образовании производных основ в фузионных языках эти элементы не просто линейно складываются в цепочку, а образуют новое морфологическое качество»⁶.

Во многих языках, например в угро-финских и тюркских, используется совершенно иная техника объединения морфем. Морфемы в них характеризуются однозначностью, стандартностью, на морфемных швах (стыках) не возникает чередований, не наблюдается и спайки морфем; морфемы строго следуют друг за другом в жестко определенной последовательности. Так, например, в венгерских существительных пространственные падежные суффиксы занимают фиксированную позицию в структуре слова, следуя за лично-притяжательным суффиксом, ср. *ház* ‘дом’ + *am* ‘мой’ + *ban* ‘пространственный суффикс, указывающий на нахождение внутри’ = *háramban* ‘в моем доме’. Такая тенденция объединения морфем в структуре слова называется — **агглютинацией** (от лат. *agglutinatio* ‘склеивание’). Термин этот также носит образный характер: морфемы при агглютинации присоединяются друг к другу, как бы склеиваясь, без изменения их звукового состава. Языки в зависимости от того, какая техника объединения и функционирования морфем в них используется, делятся соответственно на **фузионные** и **агглютинативные** (агглютинирующие).

§ 3. Онтологическая интерпретация понятия морфемы

Если корень слова является выражением того или иного эйдоса, то приставка или суффикс являются выражением того или иного энергийного проявления эйдоса. Напомним, что именование вообще всегда основано на энергиях эйдоса: эйдос, действуя в инобытии, отождествляется с чем-то в инобытии, что и является его именем. Продолжая действовать в инобытии, эйдос обнаруживает все

---

⁶ Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987. С. 67.

новые и новые смысловые энергии, которые находят выражение в предикатах. Первичная предикация, или именование: *этот эйдос есть рука*; окончание *-а* выполняет местоименно-указательную функцию и является как бы подлежащим, субъектом высказывания, а корень является как бы сказуемым, тем, что говорится о предмете, на который указывает окончание. В словах же *руч-к-а*, *руч-онк-а*, *руч-ищ-а* корень, по-прежнему оставаясь сказуемым по отношению к окончанию, становится подлежащим по отношению к суффиксу, который является сказуемым: этот предмет (*-а*) есть рука, и эта рука — маленькая (*к*), милая (*онк*), огромная (*ищ*). Вот эти-то вторичные, третичные и т. д. предикации могут выражаться при помощи аффиксов: *домик*, *домище*, *домишко*. Нельзя не видеть, что это очень экономный способ выражения смысловых энергий эйдоса. Эта экономность связана с такой существенной чертой аффиксов, как их типичность: аффиксы всегда являются выражением некоторых типовых, стандартных, свойственных многим эйдосам смысловых энергий; такая смысловая энергия, как размер, свойственна великому множеству эйдосов, но она выражается весьма экономно небольшим набором суффиксов русского языка: *-ик*, *-ин-*, *-ищ-*, *-ишк-*, *ек*, *-к-*: *ключик*, *домина*, *бородка*, *бородища*, *городишко*, *зверек*.

Следует заметить, что выражение смысловых энергий при помощи аффиксов знают многие языки, однако, пожалуй, ни в одном языке они не являются столь распространенным средством, как в русском. Если под экономностью понимать способность языка выразить многое малыми средствами и считать это признаком совершенства языка, то придется признать высокую степень совершенства русского языка. Обладая собственной весьма разнообразной системой аффиксов, русский язык обогатил ее заимствованием целого ряда приставок и суффиксов из церковнославянского, греческого, латинского и других языков.

Словообразовательными средствами можно выразить не только смысловые энергии уже поименованного эйдоса, но и именовать новые эйдосы, однако именовать их через указание на их смысловую связь с другим эйдосом. Так, местность вокруг города осмысливается через связь с эйдосом «город» и выражается при помощи основы *город* и приставки *при-*: *пригород*; подставка для свечи осмысливается через связь с эйдосом «свеча» и выражается при помощи основы *свеч-*, предметного суффикса *-ник* и пространственной приставки *под-*: *подсвечник*. Такой способ выражения смысла также является очень экономным: языку нужно существенно меньше корней для выражения смыслов, если есть аффиксы. Такой способ выражения эйдоса свойствен многим языкам, однако интересно отметить такой факт: если в одном языке эйдос выражен при помощи аффиксов через связь с другим эйдосом, то в другом языке тот же эйдос может быть выражен самостоятельным корнем.

Сравним рус. *подушка* и англ. *pillow*: в русском языке эйдос выражен через связь с эйдосом «ухо», иначе говоря, ноэма слова подушка — то, что находится под ухом; в английском языке слово *pillow* никак не связано со словом *ear*. Отсюда видно, что дословный, то есть ноэматический перевод рус. *подушка* на английский язык невозможен. И обратно: если перевести каждую морфему англ. *resignation*, то есть сделать кальку этого слова, то получится *отписка*, хотя на самом деле это слово значит ‘отставка’. Нередко для автора такие связи между словами существенны, но их воспроизведение на другом языке оказывается невозможным.

Приведем некоторые типичные смысловые энергии и выражающие их аффиксы имен существительных русского языка.

Значение ‘лицо — деятель’: *создатель, творец, кормилец, работник, бунтовщик, лазутчик, носильщик, возжак, трубач, лгун, игрок, звонарь, экзаменатор* (из лат. яз.), *дирижер, инспектор* (из франц. яз.), *протестант* (из лат. яз.), *претендент* (из лат. яз.), *ловчила, зазнайка, бродяга, стряпуха, пастух, пастырь* (из ц-сл.яз.), *выпивоха, капризуля, швея, сводня, плакса*.

Значение ‘лицо — носитель признака’: *виновник, воспитанник, часовщик, старец, бедняк, богач, простушка, смуглянка, одиночка, жадина, умница, бедняга, крепьши, малышка, великан, тихоня, нескладеха*.

Значение ‘отвлеченный признак’: *горячность, свежестъ, удалство, обыденщина, идеализм, радушие, путаница, простота, белизна, толщина, кислинка, гнильца, теплынь, гордыня*.

Значение ‘лицо или существо женского пола’: *соседка, пророчица, повариха, генеральша, шалунья, княжна, монахиня, принцесса, аббатиса*.

Значение ‘невзрослость’: *волчонок, змееныш, барчук*.

Значение ‘собирательность’: *листва, воронье, дурачье, ребятня, аристократия, березняк, колоннада, братва*.

Значение ‘единичность’: *горошина, пылинка, малинка, крупица, железяка, мелок*.

Значение субъективной оценки — уменьшительное, ласкательное, уменьшительно-ласкательное, уменьшительно-уничижительное, увеличительное: *грибок, зайчик, орешек, графинчик, хлебец, деревенька, водица, дельце, письмецо, золотко, лгунишка, коровушка, березонька, собачонка, рыбешка, нянечка, маманя, папаша, дошколенок, деньжата, печурка, мордашка, холодина, жарница, штормяга, ворюга, дуреха, старушениця, племяш, старикан, стыдоба, ерундистика, дуралей*.

Из этих примеров хорошо видно, что аффиксы могут находиться в синонимических отношениях. Как и положено синонимам, синонимичные аффиксы выражают разные способы понимания одной и той же смысловой энергии. Так, слова *рыбина* и *рыбища*, *домина* и *домище* различаются по степени увеличительного значения.

Слово *городишко* отличается от слова *городок* эмоциональным оттенком презрительности. Некоторые суффиксы различаются своей сочетаемостью: так, можно по-русски сказать *камушек*, *хлебушек*, *воробушек*, но нельзя сказать **ворушек*, **трусущек*, **баранушек*; в этих словах используется суффикс *-ишк*: *воришка*, *трусика* или *-ек*: *барашек*. Вне некоторых же случаев различие между синонимичными аффиксами ощущается весьма смутно: *лгун* — *лжец*, *врун* — *враль*, *домишко* — *домушка*, *смертонька* — *смертушка* и т.п.

§ 4. Исторические процессы в морфемной структуре слова

Каков корень слов *забавлять*, *забава*? Кто-то скажет, что корень — *забав-*, кто-то скажет, что *-бав-*, так как его можно найти еще в словах *прибавить*, *убавить*, *разбавить*. Однако на вопрос о том, что значит этот корень, какова смысловая связь между словами *забава* и *добавка*, не ответит уже ни один русский, не обладающий специальными знаниями по истории русского языка.

Действительно, историческим корнем этих слов является *-бав-*, который был корнем уже не существующего глагола-каузатива **baviti*. Каузативами называются глаголы, обозначающие действие, служащее причиной другого действия. Если я что-то плаваю, то оно плавает, *плавать* — каузатив к *плыть*; если я кого-то славлю, то он слышит, *славить* — каузатив к *слыть*; если я делаю что-то существующим, то оно существует, **бавить* — каузатив к *быть*. Следовательно, *добавить* значит сделать существующим в большем количестве, *убавить* — сделать существующим в меньшем количестве, *разбавить* — сделать нечто существующим в соединении с чем-то другим (разбавить спирт водой). Ну а *забавить* — каузатив к *забыть*; *забавлять* значит делать несуществующим. Это каузативное значение сохранил фольклор:

*Ванька в камешки играл,
Свое горе забавлял.*

Исторически сложилось так, что глаголы *бавить*, *забавить* вышли из употребления, связь между словами *забава* и *забыть* также утратилась, и слово *забава* стало простым, нечленимым выражением определенного эйдоса. Такой исторический процесс В.А.Богородицкий назвал **опрощением**: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим (т.е. морфемным. — *Авт.*) составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. <...> Таким образом, при опрощении связь

⁷ Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939. С. 193.

слова с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»⁷. Опрощению, или деэтимологизации, подверглись такие слова, как *крыло* (< *крыть*), *вкус* (< *кусать*), *белье* (< *белый*), *голубь* (< *голубой*), *облако* (< *влачить*), *кольцо* (< *коло), *подарок* (< *дать*), *убить* (< *бить*), *ломоть* (< *ломать*), *лапоть* (< *лапа*), и многие другие. При опрощении происходит слияние аффиксов с корнем и основа слова становится нечленимой, ср., например: исторически *по-бед-а* — совр. *побед-а*. Опрощение вызывается фонетическими изменениями (*obvida > *обида*), выходом родственных слов из употребления, но главные причины опрощения — утрата смысловых связей с родственными словами и забвение внутренней формы.

Исторический смысл опрощения заключается в том, что без разрушения родственных связей слово не в состоянии было бы стать выражением тех или иных эйдосов. Посмотрим, как толкует слова *забава*, *белье*, *облако* и *вкус* словарь современного русского языка. *Забава*. ‘Развлечение, игра, потеха. Несерьезное занятие, пустое времяпрепровождение’ (Ушаков I. 884). *Белье*. ‘Изделия из тканей, чаще всего некрашенных, служащих нижней одеждой, а также для разного рода хозяйственных надобностей’ (Ушаков I. 122). *Вкус*. 1. ‘Ощущение, возникающее при раздражении слизистой оболочки языка растворимыми веществами’. 2. ‘Чувство изящного, способность эстетической оценки’. 3. ‘Склонность, любовь к чему-н., привычка, пристрастие’. 4. ‘Стиль, художественная манера’ (Ушаков I. 307). *Облако*. 1. ‘Скопление сгустившихся в атмосфере водяных паров, держащееся высоко в воздухе на фоне неба’. 2. *перен.* ‘Густая масса, клубы мелких летучих частиц (пыли, пара, дыма и т.п.), застилающих воздух’. 3. *перен.* ‘Смутное, едва заметное выражение какого-н. состояния, настроения (грусти, печали и т.п.; книжн.)’ (Ушаков II. 649). Едва ли слово *забава* могло бы иметь значение — ‘потеха, пустое времяпрепровождение’, а слово *вкус* ‘способность эстетической оценки’, если бы отчетливо сохранялась их связь с исконно родственными словами *забыть* и *кусать*. В результате опрощения язык пополняется новыми корнями.

Сущность другого исторического процесса легко понять из такого примера. *Разбойничает* — *разбойник*, *плотничает* — *плотник*, *бражничает* — *бражник*, *кожевничает* — *кожевник*, *ябедничает* — *ябедник*, *сводничает* — *сводник*, *озорничает* — *озорник*. Здесь отношения производности ясны и понятны. А кто *наивничает*, *нервничает*, *лодырничает*, *слесарничает*, *любезничает*? *Наивник*, *нервник*, *лодырник*, *слесарник*, *любезник*? Но таких слов в русском языке нет. Как же возникли слова типа *наивничать*? Дело в том, что в словах типа *разбойничать* два суффикса *-нич-* и *-а-* постепенно стали восприниматься как один суффикс *-нича-*, при помощи которого стало возможным образовывать слова от разных основ вроде указанных выше: *осторожничать*, *бродяжничать*, *капризничать*,

хозяйничать, интимничать, экономничать и т.п. Произошло слияние двух аффиксов, перераспределение границ между ними. Этот процесс называется **переразложением**, то есть изменением — границ между морфемами. Благодаря переразложению в языке возникают новые приставки и суффиксы, с помощью которых образуются новые ряды производных слов. Так, например, в русском языке появились суффиксы *-тиј*, *-ниј*, приставки *недо-*, *обез-*.

§ 5. Производное слово как основная единица словообразования

Если морфемика выделяет типы морфем и рассматривает их значение и сочетаемость, то изучением вопросов образования и функционирования в языке производных слов занимается собственно словообразование, или **дериватология**. В центре внимания этого раздела находится **производное слово**, или **дериват** (от лат. *derivatum* ‘произведенное’).

Производным признается слово, которое по форме и значению мотивировано другим словом того же языка; значение и звучание производного слова всегда обусловлено однокоренной с ним единицей. Так, слово *подснежник* мотивируется словом *снег* (‘цветок, появляющийся из-под снега’), слово *березняк* — словом *береза* (‘совокупность берез’), *сеятель* — глаголом *сеять* (‘тот, кто сеет’). Непроизводное слово, в отличие от производного, — это слово, не мотивированное в современном языке по форме и смыслу другими словами, см., например, такие слова, как *стол*, *дом*, *петь*, *смородина*, *вкус*.

Производное слово бинарно по структуре: в ней независимо от количества морфем, его составляющих, всегда выделяются две части: производящая база и словообразовательный формант (или форманты). Производящая база — это основа мотивирующего слова, то есть слова, определяющего данное производное и по значению, и по звучанию; словообразовательный формант (дериватор) — конкретное средство, при помощи которого образован дериват, именно он является носителем словообразовательного значения. Так, в производном слове *слабохарактерность* шесть морфем: *слаб-о-характер-н-ость-∅*; со словообразовательной же точки зрения в нем сочетаются две части: производящая база — основа прилагательного *слабохарактерн(ый)* и словообразовательный формант — суффикс *-ость*.

Во второй главе мы писали о том, что слово представляет собой свернутое предложение, «подлежащим» является именуемый эйдос, в некоторых языках обозначаемый окончаниями (книг-а, пиш-у), а «сказуемым» — имя.— Структура производного слова отражает эти отношения более развернуто: в ней можно выделить аналогичную подлежащему исходную тему, выражающую мотивирующий

признак и представленную производящей основой, и аналогичный сказуемому словообразовательный формант, высказывающий собою нечто об этой теме; так, в слове *сапожище* при помощи форманта *-ищ-* о сапоге говорится, что он большой, в слове *домик* формант *-ик* сообщает, что дом — маленький. Словообразовательное значение производного слова составляет тот компонент его содержания, который сообщает нечто об исходной теме. Польский лингвист Ежи Курилович предложил различать два типа производных: 1) производные, которые имеют ту же семантику, что и производящее, но отличаются от него принадлежностью к иной части речи и, соответственно, синтаксической функцией (**синтаксические дериваты**), ср.: *белый* и *белизна*, *веселый* и *весело*, *бежать* и *бег*; 2) производные, которые отличаются от производящих тем или иным лексическим компонентом (**лексические дериваты**), ср.: *барабан* и *барабаник* ('лицо'), *выключать* и *выключатель* ('предметность').

Словообразовательные форманты делятся на **аффиксальные** и **безаффиксные**. Аффиксальные форманты представлены аффиксами или их сочетаниями: *неть* → *за-неть*, *синий* → *син-ева*, нем. *Bibliothek* → *Bibliothek-ar*, англ. *trust* → *mis-trust* 'не доверять', *рукав* → *на-рукав-ник*, *школа* → *при-школь-н-ый*, *шепт-а-ть* → *пере-шепт-ыва-ть-ся*. Безаффиксные форманты образуют производные слова не при помощи тех или иных словообразовательных аффиксов, а посредством объединения самостоятельных слов или их структурного и лексико-грамматического преобразования. К безаффиксным формантам относятся: 1) сокращение производящей единицы: *заместитель* → *зам*, *специалист* → *спец*, нем. *Univesität* → *Uni*; англ. *doctor* → *doc*; 2) сложение самостоятельных слов или их сокращенных элементов: *быстро* + *растворимый* → *быстрорастворимый* (*кофе*), *вагон-ресторан*, *МГУ*; 3) конверсия — изменение грамматических характеристик слова, связанное с переходом из одной части речи в другую: прилагат. *слепой* (*мальчик*) → сущ. *слепой*, сущ. (*вторым*) *рядом* → нареч. (*сидеть*) *рядом*, англ. сущ. *end* 'конец' → глаг. *to end* 'кончатся'.

Выбор того или иного словообразовательного форманта и характер его использования национально специфичны. Если обратиться к сложению, то можно заметить, что многим немецким сложным словам во французском или русском языке соответствуют непродеривированные слова или суффиксальные дериваты. Более того, в каждом языке имеются характерные именно для него типы сложения. «По-английски определяющий элемент всегда предшествует; в некоторых других языках он ставится сзади. Иногда оба типа встречаются в одном и том же языке, например, в языке яна говядина называется *горько-оленина*, а оленья печенька передается через *печенка-олень*»⁸.

На основании использованных словообразовательных формантов строится классификация способов словообразования.

⁸ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 75.

§ 6. Способы словообразования

Под способом словообразования понимается конкретный прием создания производного слова в диахронии и важнейшее средство выражения словообразовательного значения в синхронии. Все способы словообразования, как и форманты, делятся на две большие группы: аффиксальные и безаффиксные.

Аффиксальные способы — это способы, при которых в качестве форманта выступает один аффикс или комбинация аффиксов. К аффиксальным способам относятся:

префиксальный: *читать* → *пере-читать*, греч. *luw* ‘вязать’ → *ана-luw* ‘развязывать’;

суффиксальный: *сапог* → *сапож-ище*, греч. *arch* ‘начало, власть’ → *arcw* и ‘начальник, повелитель’; нем *Konsul* → *Konsulat* ‘консульство’;

префиксально-суффиксальный, когда формантом одновременно являются приставка и суффикс: *море* → *при-мор-ј-э*, *окно* → *под-окон-ник*;

префиксально-постфиксальный: *звонить* → *до-звонить-ся*;

суффиксально-постфиксальный: *гордый* → *горд-и-ть-ся*;

префиксально-суффиксально-постфиксальный: *банкрот* → *о-банкрот-и-ть-ся*;

способ нулевой аффиксации, когда словообразовательный формант материально не выражен, но его отсутствие является деривационно значимым: *синий* → *син’-∅-∅*, *гнилой* → *гнил’-∅-∅*, (первый ∅ — нулевой суффикс, второй ∅ — нулевое окончание).

В зависимости от того, признается ли интерфикс морфемой, место основосложения по-разному определяется в современных классификациях способов словообразования. Сложение основ, соединенных интерфиксом, либо включается в состав аффиксальных способов, либо относится к безаффиксным способам и трактуется как чистое сложение: *лесостепь*, *черно-белый*, *жестоковыйный*. Сложение часто сочетается с аффиксацией: греч. *Pantokra´twr* ‘Вседержитель’, *канат-о-ход-ец*, *полн-о-лун-иј-э*.

Безаффиксные способы словообразования основаны на использовании таких формантов, как усечение, конверсия и объединение в определенной последовательности самостоятельных слов или их символов. В составе словообразований безаффиксным способом различаются:

словосложение (сращение): *генерал-майор*, *вагон-ресторан*, англ. *go-between* ‘посредник’, *well-bread* ‘хорошо воспитанный’;

усечение (сокращение производящего слова без учета морфемного шва): *зав*, *зам*, англ. *sec* ← *second* ‘второй’, *pro* ← *professional*;

аббревиация (от лат. *brevis* ‘короткий’) — объединение сокращенных частей нескольких слов; эти части могут быть буквой,

звук, слогом или его аналогом; возможно, наконец, сочетание усеченной части и целого слова или одновременное использование элементов разных типов; см.: *вуз, филфак, исполком, МГУ, ПСТБИ, НИИ, завуч, зарплата*, англ. *P.M.* ← *Prime Minister*, *Ph. D.* ← *Doctor of Philosophy*;

повтор: *маленький* → *маленький-маленький* ‘очень маленький’, вьетнамск. *otó* ‘красный’ → *otóotó* ‘красноватый’;

конверсия: *мороженое, столовая, первое (блюдо), операционная*, англ. *ape* ‘обезьяна’ → *to ape* ‘обезьянничать’, японск. *ко:фуку* ‘счастливый’ → *ко:фуку* ‘счастье’.

Широкое распространение в различных языках получили способы словообразования, для которых характерно одновременное использование двух или более формантов разных типов, например:

конверсия с префиксацией: англ. *cage* ‘клетка’ → *in-cage* ‘выпустить из клетки’, *chain* ‘цепь’ → *un-chain* ‘спускать с цепи’, *train* ‘поезд’ → *en-train* ‘посадить на поезд’;

сращение с суффиксацией: русск. *Немогузнайка*, японск. *хианнакуся* ‘угнетенные’.

Способы словообразования формируются постепенно. Так, сравнительно «молодыми» способами являются аббревиация и усечение, получившие интенсивное развитие именно в XX веке. Вспомним аббревиатурный «взрыв» в русском языке в 20-е годы, породивший слова-уродцы вроде *шкраб* ‘школьный работник’, *Твербульпампуш* ‘Тверской бульвар, памятник Пушкину’ (обычное для москвичей место свиданий), имя собственное *Даздраперма* ‘Да здравствует Первое мая’. Развитие этих способов связано, с одной стороны, с действием закона экономии языковых средств, а с другой, — с духовными и социальными процессами в жизни общества.

Распространение тех или иных способов словообразования в том или ином языке определяется его морфологическим и синтаксическим типом. Так, конверсия характерна для многих индоевропейских языков, но в английском она имеет особенно широкое распространение. Это связано с тем, что в английском языке слабо выражены морфологические показатели частей речи: в нем по существу отсутствуют флексии, разграничивающие части речи; части речи формально вообще не различаются или различаются по закрепленным за ними словообразовательным аффиксам. Эта особенность английского языка способствует активному использованию в нем именно конверсии, при помощи которой по-полняется словарный состав языка.

Способы словообразования могут быть узувальными, обычными для языка, и окказиональными, «случайными», находящимися на периферии словообразовательной системы языка. Так, в русском

языке узуальными являются суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный и ряд других способов, в то время как способ контаминации, когда начало одной лексической единицы совмещается с концом другой, окказионален; ср. новообразования из произведений В. Хлебникова *журчеек* ← *журчать* + *ручеек*, *нравительство* ← *нравиться* + *правительство* и др. В силу своей необычности и выразительности окказиональные способы широко используются в художественной речи; так, Н.С.Лесков часто обращался не только к контаминации (*Твердиземное море*, *клеветон*), но и к депрефиксации (*бекрень в голове*) и субституции — замене одной из морфем слова другой: *непромокабль*, *буреметр*, *безрассудок*, *мелкоскоп*, *преламутр*, *тугамент*, *потомцы*, *стирабельная (дощечка)* и др.

§ 7. Понятие словообразовательного типа

Производные слова строятся по определенным моделям, которые носят типизированный характер. **Словообразовательный тип** представляет собой группу слов, объединенных наличием общих признаков: а) принадлежностью к одной части речи, б) общностью части речи мотивирующего слова, в) тождеством семантических отношений между производной и производящей основами, г) способом словообразования, д) тождеством словообразовательного форманта, прежде всего аффиксальных морфем (если они есть). Так, слова *создатель* и *творец* относятся к разным словообразовательным типам, так как различаются по признаку (д). Слова *конина* и *домина* также относятся к разным типам, так как различаются по признаку (в). К одному словообразовательному типу относятся, например, слова *создатель*, *учитель*, *писатель*, *мучитель*, *гонитель*, *следователь*, *поджигатель*, *вымогатель*, *обладатель*, *предатель*, *стяжатель*, *искатель*, *заклинатель*, *каратель*, *избиратель*, *спасатель*, *ревнитель*, *обвинитель*, *строитель* и др.; все они относятся к существительным, образованы от глаголов суффиксальным способом при помощи суффикса *-тель*, все имеют словообразовательное значение лица; ср. также а) *творец*, *певец*, *убивец*, *торговец*, *пловец*, *чтец*, *жнец*, *страдалец*, *владелец*, *умелец*, *пришелец*, *кормилец*, *гонец* и др.; б) *конина*, *говядина*, *белужина*, *севрюжина*, *баранина*, *кабанина*, *лососина*, *свинина*, *осетрина*, *зайчатина* и др.; в) *домина*, *сугробина*, *рыбина*, *травина*, *клюквина*, *луковина*, *образина*, *березина*, *остолопина*, *зверина*, *идиотина* и др.

Слова, относящиеся к одному словообразовательному типу, характеризуются одним словообразовательным (деривационным) значением. Словообразовательное значение — это значение, которым производное слово отличается от слова, его мотивирующего; так, производное слово *сахарница* отличается

от мотивирующего *сахар* наличием значения ‘вместилище’. Словообразовательные значения более абстрактны, чем лексические, и более конкретны, чем грамматические; ср., например, такие деривационные значения, как ‘вместилище’, ‘уменьшительность’, ‘невзрослость’ и грамматические значения падежей.

«Словообразовательный тип — основная ячейка словообразовательной системы языка, так как именно в пределах словообразовательного типа и происходит преимущественно образование новых слов»⁹. Это действительно так, что хорошо видно на примере неологизмов, создаваемых поэтами и детьми.

Понятие словообразовательного типа делает явным наличие в языке омонимичных аффиксов. Например, суффикс *-к-* входит в такие словообразовательные типы: а) ‘лицо — субъект действия’: *заявка, тараторка, служка, недоучка, балаболка*; б) ‘животное — субъект действия’: *наседка*; в) ‘орудие действия’: *лейка, жнейка, терка, заколка, задвижка, приманка*; г) ‘результат действия’: *записка, похлебка, настойка*; д) ‘отвлеченное действие’: *плавка, стрижка, чистка, драка, тряска, укладка, перевозка, рубка, чеканка, подборка*; е) ‘лицо — носитель признака’: *невидимка, одиночка*; ж) ‘животное’: *сивка, каурка, буланка, савраска, лазоревка*; з) ‘растение’: *китайка, пахучка, пузырчатка*; и) ‘помещение’: *дежурка, караулка, кочегарка, ночлежка*; к) ‘часть целого’: *сотка, четвертка*; л) ‘одежда’: *футболка, тенниска, кожанка*; м) ‘пища’: *овсянка, тушенка*; н) ‘болезни’: *испанка, ветрянка*; о) ‘различные предметы’: *двустволка, рогатка, открытка, керосинка, Третьяковка*; п) ‘лица женского пола’: *пас-сажирка, внучка, монашка, москвичка, лентяйка, интриганка, солдатка, пастушка*; р) ‘значение единичности’: *малинка, смородинка, шоколадка, морковь, чешуйка*; с) ‘значение уменьшительности’: *горка, шубка, березка, сиротка, птичка, ночка, идеяка*. Таким образом, в русском языке существует около 20 омонимичных суффиксов *-к-*.

Литература

Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М., 1935.

Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973

Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. М., 1984.

Степанова М. Д., — Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.

⁹ Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 182.

Глава 4

ГРАММАТИКА

I. Грамматическое учение о слове

§ 1. Предмет грамматики

Грамматика (от древнегреческого *grammatikhv tevchn*) изучает правила функционирования значимых единиц языка на разных уровнях его структуры. Она исследует закономерности изменения слов и принципы их объединения при построении высказывания. Таким образом, грамматика непосредственно служит общению, без нее, по замечательному определению М.В.Ломоносова, «тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия...»¹. Именно благодаря грамматике каждый член «человеческого рода может изъяснить свои понятия другому и может быть налажено согласное общих дел течение»².

Грамматика возникла в глубокой древности, но первоначально была только «служанкой текстов», использовалась как основа для комментариев, позволяющих правильно интерпретировать произведения словесности. Это было «опытное знание о большей части того, что говорится у поэтов и писателей» (Дионисий Фракийский), постепенно на базе комментариев к текстам складывается учение об основных грамматических классах слов — частях речи, их категориях и правилах словоизменения (III—II вв. до н.э.). В средние же века грамматика из «искусства» окончательно становится наукой, тесно связанной с логикой.

Грамматические категории языка в течение длительного времени интерпретировались как категории, соответствующие основным операциям рассудка — его способности представлять, судить и умозаключать. Однако далеко не все категории логики имеют соответствие в языке (см., например, истинные и ложные высказывания), в свою очередь не все языковые средства имеют логическое содержание, вспомним, например, междометия: *Ох! Увы! Эх!* Грамматические формы и категории не тождественны логическим,

---

¹ Ломоносов М. В. Российская грамматика. М., 1982. С. 8.

² Там же.

их главное назначение — **интерпретация** предметов, их признаков и отношений между ними. Посредством выбора и употребления определенных грамматических форм совершается акт понимания, который «имеет своей целью выдвинуть в данном предмете одни стороны и отодвинуть, затемнить другие, с целью так или иначе понять этот предмет и в том или ином свете сообщить его другому сознанию»³. Сравним, например, следующие три высказывания: *Сейчас я читаю лекцию. — Читаю я вчера лекцию. — Завтра я читаю лекцию.* В каждом из них употреблена форма настоящего времени, но интенции (намерения) говорящего при этом различны. В первом случае эта форма указывает на настоящее время момента действия, совпадающее с моментом речи. Во втором используется форма настоящего исторического: о событиях прошедшего сообщается так, как будто бы они совершаются в настоящем, в результате рассказ о прошлом носит особенно яркий и живой характер, и адресат речи, воспринимая точку зрения говорящего, переносится в другую временную плоскость. Наконец, в третьем высказывании форма настоящего используется для интерпретации действия в будущем, оно «переводится» в план настоящего, что передает уверенность говорящего в осуществлении действия, подчеркивает решимость его совершить. Таким образом, «грамматика — самосознание языка, точно так же, как логика есть самосознание мышления. Знание грамматики наделяет человека способностью противостоять искушениям примитивной логики и ее необдуманному применению в целях познания своего места во вселенной»⁴.

§ 2. Грамматическое значение. **Признаки грамматического значения**

В центре внимания грамматики — **грамматические значения** и способы их выражения. В слове сочленены его лексическое и грамматическое значение. Грамматическое значение — это обобщенное значение, присущее ряду слов или синтаксических конструкций, которое находит в языке свое *регулярное* и *типизированное* выражение. Например, значение множественного числа в русском языке регулярно выражается посредством окончаний: *книг-а* — *книг-и*, *студент-∅* — *студент-ы*, а в английском языке — с помощью суффикса (*e*)*s*: *book* — *book-s*, *student* — *student-s*, *horse* — *hors-es*.

---

³ Лосев А. Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий // Лосев А. Ф. Имя. СПб., 1997. С. 311.

⁴ Розенток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С. 21.

Грамматическое значение характеризуется следующими основными признаками.

1. Обобщенностью: «Если лексическое значение подобно <...> конкретной арифметической величине, носит такой характер, как обобщение чисел 2, 4, 6, 8, 10 в качестве четных, а чисел 7, 14, 21, 28, 35 как чисел, делящихся на 7, — проводил аналогию А. И. Смирницкий, — то грамматическое похоже на алгебраическое a или x »⁵.

2. Обязательностью: если существительным, например, присущи значения числа, то оно последовательно выражается у каждого слова тем или иным способом независимо от целей и намерений говорящего.

3. Распространенностью на целый класс слов: например, все глаголы в русском языке выражают значения вида, наклонения, времени, лица и числа.

4. Закрытостью списка: если лексическая система каждого языка носит открытый характер и постоянно пополняется новыми единицами и новыми значениями, то грамматика характеризуется строго определенным, сравнительно небольшим числом грамматических значений; например, у русских существительных это значения рода, числа и падежа.

5. Типизированностью выражения: грамматические значения передаются в языках регулярно, строго определенными способами — при помощи специально закрепленных за ними средств аффиксов, служебных слов и др.

Грамматическое значение слова есть значение отношения его к другим словам в предложении в процессе осуществления акта коммуникации и понимания. Вспомним знаменитую экспериментальную фразу Л.В.Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*. В нее включены слова с искусственными корнями и реальными аффиксами, выражающими прежде всего комплекс грамматических значений. Лексические значения слов намеренно затемнены, однако определенность грамматических значений позволяет интерпретировать сообщаемое и представить в самом общем виде отношения в описываемой ситуации. Слушающему, например, ясно, что одно действие уже совершилось в прошлом, а другое реально продолжается в настоящем; можно также четко определить, к каким частям речи относятся все слова этой фразы.

Языки отличаются друг от друга тем, какие значения они выбирают в качестве грамматических. Так, значение числа является, например, грамматическим в русском или английском языке и неграмматическим в китайском и японском, так как в этих языках имя может служить

---

⁵ Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956. С. 22.

наименованием как одного, так и нескольких предметов. Так, японское имя — «это слово, в котором отражено единство целого и части, то есть то понимание целого и части..., где единица и множество, если и имеют место, то присутствуют на заднем плане, в тени»⁶. Значение определенности / неопределенности — значение грамматическое в английском, немецком, французском и многих других языках и неграмматическое для существительных в русском языке, в котором отсутствуют артикли. В японском языке грамматическими являются значения респективности и вежливости, связанные с социально-культурными аспектами речевой коммуникации: обращения к собеседнику в зависимости от его ранга, возраста, характера отношений с говорящим, ситуации и места общения получают в этом языке особое стандартизированное выражение, а к глагольным формам регулярно присоединяются специальные аффиксы. Выражение степени уважения к участникам речевого акта, вежливости, официальности, социальной дистанции, разделяющей говорящих, таким образом, грамматикализовано в этом языке.

§ 3. Способы выражения грамматических значений

Количество грамматических значений в языках мира ограничено. Способы же их выражения разнообразны и могут быть национально специфичными, т.е. характерными только для одного языка или группы языков. Так, в большинстве языков различаются единственное и множественное число, но способы образования форм множественного числа в разных языках различны. Например, в малайском языке значение множественного числа передается повтором: *rumah* — ‘дом’, *rumah-rumah* — ‘дома’; в африканском языке шиллук используется изменение тона: *jit* (высокий тон) — ‘ухо’, *jit* (низкий тон) — ‘уши’; в русском языке формы множественного числа образуются при помощи флексий или супплетивно: *стол* — *столы*, *книга* — *книги*, *человек* — *люди*; в эвенкийском языке используются суффиксы *-d* и *-p*; в арабском языке применяются трансфиксы: *hamir* — ‘осел’, *himar* — ‘ослы’; *harb* ‘война’, *hurub* ‘войны’, в немецком могут использоваться чередования: *Mutter* — *Mütter*. Американский лингвист Э. Сепир показал, что в языке насс (Брит. Колумбия) употребление префиксов выражает значение множественного числа: *an'on* — ‘рука’, *ka-an'on* — ‘руки’. Наконец, в некоторых папуасских языках неодушевленные существительные вообще не имеют категории числа.

Несмотря на разнообразие средств выражения грамматических значений в различных языках, выделяются два ведущих способа их передачи: синтетический и аналитический, причем каждый способ включает ряд частных разновидностей.

⁶ Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 185.

Синтетический (от греческого *syn-taxiV* — ‘соединение’) способ выражения грамматических значений предполагает возможность объединения в пределах одного слова нескольких морфем (корневых, словообразовательных и словоизменяющих). Грамматическое значение в этом случае всегда выражается в рамках слова. К синтетическому способу выражения грамматических значений относятся:

1. **Аффиксация**. Грамматические значения в этом случае выражаются при помощи разных типов аффиксов:

а) при помощи флексий (в том числе и нулевых): дом $\emptyset$ — дома, лес $\emptyset$ — леса, добр $\emptyset$ — добры; шел $\emptyset$ — шила;

б) при помощи суффиксов, выражающих грамматические значения, например, в русском языке формы прошедшего времени образуются при помощи формообразующего суффикса *-л-*: чита-л- $\emptyset$, проповедова-л-а; в мансийском языке для выражения грамматического значения принадлежности используются специальные лично-притяжательные суффиксы: ср.: *салы* ‘олень’, *салы-м* ‘мой олень’, *салы-т* ‘твой олень’, *салы-тэ* ‘его олень’;

в) при помощи префиксов, например, в языке суахили именно приставки служат показателями грамматических отношений. Так, в предложении *Watu wanakisoma* (Люди читают) *wa* — показатель субъекта действия, *na* — временной показатель, а *ki* — указывает на прямой объект действия *kitabu* — ‘книга’;

г) при помощи конфиксов — комплексных прерывистых морфем опоясывающего типа; конфиксация распространена, например, в немецком языке (см. образование причастий *gefunden*, *gemacht*);

д) при помощи инфиксов: тагальский — *sulat* ‘письмо’ — *s-um-ulat* ‘писать’; латинский — *vici-vinco*, *rupi-rumpo*;

е) при помощи трансфиксов — использования аффиксов, которые, разрывая консонантный корень, служат «прослойкой» гласных среди согласных: так, общую идею «писания» выражает в арабском языке консонантная основа *ktb*, форма прошедшего времени действительного залога образуется при помощи трансфикса *a-a-a* — *kataba* ‘написал’, а форма страдательного залога посредством трансфикса *u-i-a* — *kutiba* ‘он написал’.

2. **Редупликация** (от позднелатинского *reduplicatio* — ‘удвоение’). В этом случае грамматическое значение выражается путем полного или частичного повтора основы. Например, в языке хауса, распространенном в Центральном Судане, формы множественного числа имен образуются повтором: *fari* — ‘белый’, *farfaru* — ‘белые’; *nagari* — ‘хороший’, *nagargari* — ‘хорошие’. Аналогичное явление наблюдается в нивхском языке: *эри* — ‘река’, *эри-эри* — ‘реки’. Использование частичной редупликации отмечается и в древних индоевропейских языках: греч. *kosmevw* ‘украшаю’ — *kekovsmhka* ‘я украсил’ (форма перфекта); латинское *mordeo* ‘кусаю’ — *tomordi* ‘я укусил’.

3. **Внутренняя флексия** — грамматически значимое изменение фонемного состава корня: ср.английское *foot* — *feet* ‘нога — ноги’; *mouse* — *mice* ‘мышь — мыши’. Явление внутренней флексии было отмечено впервые на материале германских языков. Немецкие романтики увидели в нем «единство во многообразии». Я. Гримм выделил две разновидности внутренней флексии: аблаут (нем. Ablaut — ‘чередование’) и умлаут (нем. Umlaut — ‘перегласовка’). **Аблаут** — исторические чередования гласных в корнях, выражающие словоизменительные или словообразовательные значения; сравним, например, английское *sing* ‘петь’ — *sang* ‘пел’; немецкое *singen* ‘петь’ — *sang* ‘пел’. **Умлаут** — изменение гласных (сдвиг их вперед) корня под влиянием гласных суффикса или окончания, выполняющее грамматическую функцию: немецкое *Vater* ‘отец’ — *Väter* ‘отцы’; *Mutter* ‘мать’ — *Mütter* ‘матери’.

4. **Супплетивизм** (от латинского *suppleo* — ‘пополняю, восполняю’) — объединение разнокорневых слов в одну грамматическую пару для выражения грамматических значений. Супплетивизм в индоевропейских языках преимущественно наблюдается при образовании степеней сравнения прилагательных со значением ‘хороший / плохой’ и форм местоимений: английское *good* — *better*, немецкое *gut* — *besser*, латинское *bonus* — *melior*; русское *плохой* — *хуже*; я — меня: *ich* — *mich*, I — *me*, *ego* — *me*, *je* — *moi*. Сравним также: *человек* — *люди*, *брать* — *взять* и др.

Показателями грамматического значения могут служить также ударение и различия тона. Например, в русском и английском языке принадлежность слова к той или иной части речи определяется по месту ударения: *impórt* — глагол, а *ímpor't* — существительное ‘смысл, значение’; *progréss* — глагол ‘развиваться’, *prógress* — существительное ‘развитие’; *forecást* — глагол ‘предвидеть’, *fórecàst* — существительное ‘предсказание’. В русском языке ударение может разграничивать формы числа существительных и вида глагола, например: *го́ловы* — *го́ловы*, *насы́пать* — *насыпа́ть*. В языке тлингит (Южная Аляска), по свидетельству Э. Сепира, многие глаголы с низким тоном указывают на прошедшее время, а с высоким — на будущее.

Аналитический (от греческого *αναλυσιV* — ‘разложение, расчленение’) способ выражения грамматических значений предполагает раздельное выражение лексического и грамматического значений слова. Аналитизм проявляется в морфологической неизменяемости слова и использовании служебных элементов, образующих в сочетании с полнозначительными лексическими единицами сложные (аналитические) грамматические формы, например: в русском языке *буду читать* — сложная форма будущего времени глагола, *более важный* — сложная форма сравнительной степени, *пусть уходит* — сложная форма повелительного наклонения. При морфологической неизменяемости слов грамматические

значения выражаются, таким образом, при помощи служебных слов, а также интонации и порядка слов. Соответственно различаются следующие разновидности аналитического способа.

1. Использование **служебных слов**. К служебным словам относятся предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, частицы, артикли и послелогов. Так, артикли, например, выполняют в языке ряд функций. Они: 1) служат для субстантивации других частей речи: английское *play* ‘играть’ — *a play* ‘пьеса’; 2) выражают грамматическое значение определенности—неопределенности; 3) способствуют различению рода и числа; сравним, например, в португальском: *um menino* ‘мальчик’ — *uma menina* ‘девочка’; наконец, 4) могут участвовать в выражении синтаксических отношений, см., например, склонение артикля в немецком языке.

Послелогов (калька с латинского *postpositio*) по функции близки предлогам и, сочетаясь с именами в тюркских, финно-угорских и кавказских языках, выражают разнообразные обстоятельственные и объективные значения, например: турецк. *senden baska* ‘кроме тебя’; туркменск.— *пландан* дашари ‘сверхплана’; вайнах. *стіол махина* ‘на стол’.

2. **Интонация**. Интонация играет важную роль в формировании высказывания и выявлении его смысла. Она разграничивает разные коммуникативные типы предложений: вопрос—побуждение—повествование, выделяет части высказывания по их смысловой важности, оформляет синтаксическую конструкцию как единое целое и одновременно расчленяет ее на отдельные отрезки. Изменение интонации может передавать различные грамматические характеристики.

3. **Порядок слов** — определенное расположение слов в предложении или словосочетании. Порядок слов разграничивает синтаксические функции слов в предложении и коммуникативные типы самих предложений (вместе с интонацией); сравним, например, английское: *He has a pen* ‘У него есть ручка’; *Has he a pen?* ‘У него есть ручка?’.

Выбор того или другого порядка слов способен передавать разные грамматические значения. Сравним, например, в литовском языке сочетания слов *butelis kefiro* и *kefiro butelis*: при препозиции слова *butelis* словосочетание имеет значение ‘бутылка кефира’, при постпозиции — ‘бутылка из-под кефира’; таким способом реализуются разные значения падежа, ср. также: *maisas cukraus* ‘мешок сахару’ и *cukraus maisas* ‘мешок из-под сахара’.

Существуют языки, в которых фиксированный порядок компонентов выражает определенные синтаксические отношения. Например, в кельтско-валлийском языке отношения принадлежности передаются только устойчивым порядком слов с постпозицией определяющего компонента: *ti brenhin* (*ti* — ‘дом’, *brenhin* — ‘король’) — ‘дом короля’. При перестановке слов возникает словосочетание с совершенно другой семантикой: ‘король дома’.

Для выражения отношений принадлежности порядок слов регулярно используется во многих языках. Простейший способ выражения принадлежности — соположение двух существительных, которые не имеют никаких специальных показателей: др.-евр. *ban adam* ‘сын человека’ (букв. ‘сын человек’), брет. *penn an dragon* ‘голова дракона’ (букв. ‘голова дракон’), хант. *johan xohæn* ‘берег реки’ (букв. ‘река берег’). Такой способ выражения отношений принадлежности отражает древний период в истории языка, когда притяжательные отношения интерпретировались прежде всего как отношения пространственные: близость предметов символизировала их тесные отношения друг с другом.

Порядок следования компонентов особенно часто используется для выражения отношений между элементами высказывания, прежде всего, для разграничения обозначений субъекта и объекта, а также для различия «данного» и «нового». Например, во французском и английском языках разграничению субъекта и объекта соответствует такой порядок следования членов предложения, при котором субъект предшествует предикату, а имя объекта занимает постпозицию по отношению к нему: *Mary loves her children. John helps Bill.* Даже в русском языке, для которого характерен в целом свободный порядок слов, в случае омонимии падежных форм именно порядок следования компонентов выполняет разграничительную функцию: *Мать любит дочь; Бытие определяет сознание.*

В зависимости от того, синтетические или аналитические способы выражения грамматических значений преобладают в языке, различаются два основных морфологических типа языков: **синтетический** тип языка (в котором доминирует синтетический способ выражения грамматических значений) и **аналитический** тип языка (в котором преобладает тенденция к аналитизму). Если аналитизм предполагает расчлененность заданной в слове или высказывании информации, то синтетизм всегда связан с ее «комплексной сопряженностью ... без строгого расчленения на отдельные элементы структуры... При синтетизме носителями информации служат индивидуально сочетающиеся комплексы, где нет строгого разделения труда, так как один элемент может совмещать в себе разных носителей, а разные элементы могут быть носителями той же информации»⁷. Примерами синтетических языков могут служить латинский, древнегреческий, русский; примерами аналитических — английский, китайский. В то же время нет абсолютно «чистых» типов языков. Так, в русском языке синтетизм совмещается с аналитизмом (использование предлогов, сложных форм будущего времени, сложных форм степеней сравнения и др.).

---

⁷ Реформатский А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова. С.69—70.

От преобладания в языке тенденции к аналитизму или синтетизму зависит характер слова в нем. В синтетических языках слово сохраняет свои грамматические характеристики и вне предложения, оно «полноценно как лексически, так и грамматически»⁸. В аналитических языках слово приобретает грамматическую характеристику только в предложении.

В истории языка синтетические конструкции могут уступать место аналитическим, но в то же время на базе аналитических конструкций образуются новые синтетические формы; ср.: *ходилъ есмь* — *ходил*; французский *ecrire ai* — *j'ecrirai*.

Синтетические и аналитические формы могут существовать и в пределах одной парадигмы: немецк. *anfangen* — *ich fange an* 'я начинаю'; русск. *никто* — *ни у кого*.

§ 4. Грамматическая форма и грамматическая категория

Каждое грамматическое значение имеет внешнее, формальное выражение. Кроме аффиксации, как мы уже видели, грамматические значения могут выражаться посредством интонации, служебных слов, порядка слов и т.п. Языковой знак, в котором грамматическое значение получает свое регулярное выражение, называется **грамматической формой**. Грамматическая форма есть единство грамматического значения и средств его выражения. Она, по определению А.А.Потебни, служит способом представления внеязыкового содержания. Например, в русском языке форма первого лица единственного числа глагола представляет собой единство морфологического значения (отнесенность действия или состояния к говорящему) и средства его выражения — окончание -у: *пиш-у*, *читај-у*, *слушај-у*, *надеј-у-сь*. Грамматическая форма может выражать одно или несколько значений. Например, грамматическая форма существительного *жаворонок* в предложении *Жаворонок запел в полях* (Б. Зайцев) выражает целый комплекс грамматических значений: значение мужского рода, значение единственного числа и значение именительного падежа; форма глагола *запел* выражает значения совершенного вида, действительного залога, изъявительного наклонения, прошедшего времени, мужского рода, единственного числа. Конкретное слово в определенной грамматической форме называется **словоформой**. Так, в предложении *В августе будут продавать имение* (А. Чехов) три словоформы: существительное в форме предложного падежа, глагол в форме будущего времени и существительное в форме винительного падежа.

Совокупность грамматических форм, присущих какой-либо части речи, называется **парадигмой** (от греч. *paradeigma*

⁸ Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967. С. 314.

‘образец, пример’). Полная морфологическая парадигма русского существительного насчитывает двенадцать форм: шесть падежных форм единственного и шесть падежных форм множественного числа. Различаются три основных типа парадигмы: 1) **полные парадигмы** — парадигмы, включающие все возможные в данном языке грамматические формы, присущие данной части речи; так, полной парадигмой из двенадцати грамматических форм обладают русские существительные *дом, рука, село*; 2) **неполные, или дефектные, парадигмы** — парадигмы, в составе которых отсутствуют одна или несколько форм, присущих данной части речи; дефектную парадигму имеют, например, русские глаголы *столпиться, сбежаться*, у которых нет форм единственного числа, *победить*, у которого нет формы первого лица, *таять*, от которого не образуются формы страдательных причастий. Неполнота парадигмы может быть связана с особенностями семантики слов, трудностями произношения той или иной формы, стремления избежать омонимии морфологических форм. В ряде случаев дефектность парадигмы представляется немотивированной и определяется традицией. Таково, например, отсутствие словоформ родительного падежа множественного числа у слова *мечта*. 3) **Изобилующие парадигмы** — парадигмы, включающие избыточные грамматические формы; см., например, парадигмы русских глаголов *мяукать, двигать, капать, брызгать*; ср.: *Тихо капает дождик. — Яд каплет сквозь его смолу* (Пушкин).

Грамматические формы объединяются в грамматические категории. **Грамматическая категория** — это система противопоставленных друг другу грамматических форм с однородным значением. Например, в современном русском языке грамматические формы имен существительных выражают значение числа, то есть интерпретируют те или иные реалии действительности как единичность или множественность; ср.: *Так писем не ждут, так ждут — письма* (М. Цветаева). Существительное имеет форму единственного и форму множественного числа, которые противопоставлены друг другу и образуют грамматическую категорию числа. Члены одной грамматической категории объединяются общим грамматическим значением (например, значением числа) и различаются частными значениями (например, значениями единичности — множественности).

Грамматические категории одной части речи взаимосвязаны и образуют определенную систему. Рассмотрим, например, категории русского глагола. Русский глагол обладает грамматическими категориями вида, наклонения, времени, залога, лица, числа и рода. Вид показывает, как «протекает во времени или распределяется во времени»⁹ действие или состояние. Совершенный и несовершенный вид, по тонкому определению Б. Конри, по сути «разные способы

⁹ *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1936. С. 105.

представления внутреннего временного устройства ситуации»¹⁰; ср.: *О, будьде уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее* (Ф. Достоевский). Совершенный вид интерпретирует действие относительно какой-нибудь точки во времени, начальной или конечной, ср.: *запеть, заиграть — донеть, доиграть*; несовершенный вид интерпретирует действие безотносительно такой точки: *петь, играть*. Грамматическая категория наклонения истолковывает действие в аспекте его реальности — нереальности: изъявительное наклонение интерпретирует действие как реальное, прочие наклонения — повелительное, условное, желательное, призрачное (имеется в турецком языке) — выражают разные оттенки нереального действия. Глаголы в изъявительном наклонении обязательно имеют категорию времени, которая выражает отношение действия к моменту речи или к какому-нибудь другому моменту времени, принимаемому за основу временных отношений. Категория залога устанавливает связь действия с основными участниками ситуации — субъектом действия и его объектом. Выбор действительного или страдательного залога меняет ракурс описания, ср.: *Музыкант исполняет новую пьесу — Новая пьеса исполняется музыкантом*. Категория лица устанавливает соотношенность действия с участниками речевого акта — говорящим и адресатом речи, ср.: *Я к вам пишу — Ты знаешь все*. Категория числа указывает на количество действующих лиц, наконец, категория рода служит для выражения синтаксических отношений в предложении. Глагол своими формами выражает, *происходит ли* действие вообще, если происходит, то *когда* и *как* оно совершается, *кто* его носитель. Все эти аспекты действия интерпретируются посредством грамматических категорий этой части речи.

Интерпретационный характер грамматических категорий особенно ярко проявляется в категории времени. Вопрос, поставленный в «Исповеди» Бл. Августина: *Quid est enim tempus?* (Что же представляет собой Время?) — до сих пор остается открытым. Августин показал, что три традиционно выделяемых времени (прошедшее, настоящее и будущее) есть в сущности настоящее бывших вещей, настоящее ныне существующих вещей и настоящее будущих вещей, при этом, как ни парадоксально, ни одно из трех времен, о которых высказывается говорящий, ему непосредственно недоступно: «Ни будущего, ни прошлого нет... Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание»¹¹. В языке же говорящий измеряет время, устанавливает разные его планы по отношению к текущему моменту речи и совершает таким образом ряд ментальных действий.

¹⁰ *Conrie B. Aspect. Cambridge, 1976. P. 3.*

¹¹ *Августин Аврелий. Исповедь. М., 1991. С. 297.*

«“Время” не налично ни в “субъекте” ни в “объекте”, ни “внутри” ни “вне” и “есть” *раньше* всякой субъективности и объективности, ибо оно представляет условие для самой возможности этого раньше»,¹² — заметил М. Хайдеггер. Грамматическое же время предельно субъективно и определяется позицией говорящего, членящего временной континуум в определенном направлении. Характерно, что способы этого членения в разных языках различны. В австралийском языке каярдилд, например, существует нейтральное (общее) время, которое используется для выражения как текущих, так и совершившихся в прошлом событий. Оно дополняется специальным прошедшим временем, которое используется только в том случае, если обозначающиеся события, имевшие место в прошлом, не увенчались успехом. В ненецком языке выделяется неопределенное время, которое не связано с обозначением конкретного временного представления: его формы могут соотноситься и с планом прошедшего, и с планом настоящего, и с планом будущего. Характер использования этих форм определяется семантикой глагола и представлением языкового коллектива о длительности — краткости: у глаголов, действие которых мыслится как длящееся, формы неопределенного времени чаще выступают в значении настоящего, напротив, у глаголов мгновенного или кратковременного действия они имеют значение прошедшего¹³. Отметим также, что существуют языки, в которых глагольные формы вообще не имеют специальных показателей со значением того или иного времени; временные отношения в таких языках устанавливаются только в контексте или же при помощи лексических конкретизаторов (наречий времени и существительных со значением времени). Это, например, китайский, кхмерский, вьетнамский и др. языки. Исторически изменчивыми и особенно подвижными оказываются обычно и члены, составляющие категорию времени. Так, для индоевропейских языков в целом характерна тенденция к постепенному сокращению форм времени: «Как взорвавшаяся и расширяющаяся Вселенная, достигнув некоторой критической точки, вновь начинает сужаться, стремясь к первооснове, так и разветвленная сеть времен вновь начала преобразовываться»,¹⁴ причем в славянских языках этот процесс привел к развитию категории вида и уменьшению количества форм, входящих в грамматическую категорию времени.

Грамматические категории различаются по количеству объединяемых ими членов (грамматических форм), по характеру форм, по отношению к внеязыковой действительности и, следовательно, функции.

¹² Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 419.

¹³ См.: Терещенко Н. М. Очерк грамматики ненецкого языка. М., 1947. С. 185.

¹⁴ Черткова М. Ю. От категории вида к категории времени или наоборот // Типология вида. Проблемы. Поиски. Решения. М., 1998. С. 502.

1. По количеству членов выделяются **двучленные (бинарные)**, **трехчленные (тринарные)** и **многочленные** грамматические категории. Бинарные грамматические категории объединяют две грамматические формы, противопоставленные друг другу; см., например, категорию числа существительных или категорию глагольного вида в современном русском языке. Тринарные категории объединяют три члена; таковой была категория числа в древнерусском языке, она состояла из трех форм: единственного, двойственного и множественного числа; тринарной является категория глагольного времени в современном русском языке. Многочленные грамматические категории представляют собой систему из более чем трех членов, противопоставленных друг другу; такой категорией является, например, категория падежа или категория времени во многих языках: так, в чеченском языке 16 падежей, в лакском — 42, в табасаранском — 46.

2. По характеру грамматических форм различаются словоизменяемые (формообразующие) и несловоизменяемые грамматические категории. Первые представлены формами одного и того же слова; так строится, например, в русском языке категория падежа имен существительных: *книг-а — книг-и — книг-е — книг-у — книг-ой — (о) книг-е* и др. Несловоизменяемые грамматические категории являются классифицирующими; они объединяют грамматические формы, представляющие собой не формы одного и того же слова, а самостоятельные лексические единицы, которые не изменяются, а распределяются по формам данной категории. Несловоизменяемой классифицирующей является, например, категория рода существительных: в русском языке слово *река* всегда женского рода, а слово *пруд* — мужского. Члены несловоизменяемой категории или могут быть связаны словообразовательными отношениями: *студент* (м.р.) — *студент-к-а* (ж.р.), *выпить* (сов.вид) — *выпи-ва-ть* (несов.вид), или же представлять собой разнокоренные слова: *дедушка* (м.р.) — *бабушка* (ж.р.).

3. Грамматические категории могут интерпретировать определенные явления и отношения во внеязыковой действительности, а могут служить только средством выражения синтаксических связей языковых единиц. Сравним, например, категорию числа существительных и прилагательных в русском языке. Форма единственного числа существительных интерпретирует единичность как единичность (*рука, дом, озеро*) или множественность как единичность (*листва, молодежь, братва*); форма множественного числа интерпретирует множественность как множественность (*руки, дома, озера*) и единичность как множественность (*часы, щи, сани*). Таким образом, категория числа у имен существительных отображает различия в количестве объектов, способных к исчислению, и выражает

определенный способ представления логической категории количества. На интерпретативный характер категории числа указывает различие в количестве грамматических форм этой категории в разных языках: так, в древнерусском языке, как уже отмечалось, была трехчленная категория числа; в языке хопи категория числа четырехчленная: единственное число, двойственное число, паукальное число (указывает на несколько предметов), множественное число. У имен прилагательных категория числа выполняет лишь согласовательную синтаксическую функцию: *большой дом — большие дома*. Категории первого типа можно назвать интерпретативными, или содержательными, а второго типа — реляционными, или формальными.

Существуют, однако, категории, которые трудно безоговорочно отнести к одному из указанных типов. Такова категория рода имен существительных во многих языках. По-видимому, было время, когда принцип пола играл в классификации объектов очень существенную роль: все интерпретировалось как мужское или женское; по одной из гипотез, позднее появилось понимание того, что не все можно трактовать в свете пола, что есть вещи не «мужские» и не «женские»; это привело (впрочем, далеко не во всех языках) к возникновению грамматической формы «среднего» рода. Впоследствии принцип пола как принцип понимания и истолкования мира стал уходить из языка, и имена существительные сохраняли свою «половую» принадлежность лишь по традиции; категория рода становилась все более и более реляционной. Однако это превращение не завершилось и по всей видимости никогда не завершится до конца. Например, формально совершенно одинаковые слова *дядя* и *тетя* относятся к разным родам, мужскому и женскому, только на основании принадлежности самих субъектов к разному полу. Род одушевленных существительных остается мотивированным. Кроме того, «пол» существительных может актуализироваться в поэзии, вспомним общеизвестные строки:

*Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться.
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.*

В основе грамматической категории как особо организованной системы языковых элементов лежит противопоставление (оппозиция). Для категории лица в индоевропейских языках характерны, например, две оппозиции. Первая оппозиция — противопоставление 1-го лица 2-му и 3-му, отражающее антиномию «Я — не я». Вторая оппозиция — противопоставление 1-го и 2-го лиц 3-му по признаку «участие — неучастие в речевой коммуникации»: первое лицо указывает на говорящего, второе — на адресат речи; третье же лицо

указывает не на непосредственных участников речевого акта, а на предмет речи; ср.: *Я вам пишу — Письмо лежит на столе.*

Если один из членов оппозиции фактически отсутствует, то отсутствует по смыслу, содержанию и второй, даже если формально он представлен в слове. Так, у вещественных существительных (*мед, воск, керосин, серебро* и др.) представлена форма единственного числа, однако значения единственного числа у этих слов нет, так как у них фактически нет и не может быть формы множественного числа.

В основе грамматических категорий обычно лежит привативная оппозиция. **Привативная оппозиция** — это такое противопоставление двух членов, при котором один член (сильный, маркированный) обладает ярко выраженным семантическим признаком, а второй (слабый, немаркированный) характеризуется его отсутствием. Такой тип противопоставления приводит к тому, что слабый член может выступать в роли сильного. Так, как уже отмечалось, в русском языке противопоставлены формы единственного и множественного числа существительных. Форма множественного числа — это сильный, маркированный член оппозиции, а форма единственного числа — слабый, немаркированный член. Формы единственного числа могут иметь обобщенное значение, указывать на множество объектов как на единое целое, обозначать предмет, выступающий представителем целого класса однородных предметов: *Рыба дышит жабрами; В этом лесу растет ель и сосна.* Форма единственного числа, выступая в обобщенно-собирательном значении, может заменять форму множественного числа: *Кроет уж лист золотой влажную землю в лесу* (А. Майков); ср.: *Этих листьев под ногами шорох, эта грусть — все то же, что весной* (И. Бунин). Форма множественного числа является сильным, маркированным членом оппозиции: она последовательно интерпретирует все что угодно как множественность, не подвергается нейтрализации: *Уж ели цветут. <...> В местах, где сыро и припаривает, в сереньких осинничках, водятся фиалки* (Б. Зайцев). Немаркированные члены оппозиции в меньшей степени зависят от контекста и обычно являются многозначными, что обеспечивает гибкость и широту вариативности грамматических значений.

При употреблении в речи членов той или иной грамматической категории одна из форм может выступать в значении другой формы того же парадигматического ряда. Это явление называется **транспозицией**, или переносным употреблением грамматической формы. Широко распространена, например, транспозиция временных форм глагола. Настоящее время может употребляться в контексте прошедшего (настоящее историческое). *Сидел я тогда дома, были сумерки, и только что хотел выходить.., как вдруг отворяется дверь и — предо мною, у меня на квартире,*

Катерина Ивановна (Достоевский). Настоящее историческое делает рассказ более живым, переносит слушателя или читателя в прошлое, делает его как бы свидетелем событий. Транспозиция настоящего в план будущего формирует значение преднамеренного, неизбежного действия: *Завтра я еду в Ростов. Завтра я сдаю экзамен.* Транспозиции может подвергаться даже форма прошедшего времени: *Ну, я пошел.* Переносное употребление грамматических форм расширяет выразительные возможности языка.

Грамматические значения взаимодействуют со значениями лексическими и словообразовательными. Грамматическая категория участвует в интерпретации действительности вместе с другими средствами языка и их объединениями. Она выступает своего рода центром поля, которое объединяет разноуровневые средства языка, специализирующиеся на выражении определенных значений. Например, значение побуждения регулярно выражается формой повелительного наклонения, кроме того, оно может быть выражено формой инфинитива, междометиями, формами существительных, произнесенных с интонацией побудительности, ср.: *Молчать! Т-сс! Воды! Скальпель! Тишина!*

Совокупность взаимодействующих друг с другом разноуровневых языковых средств, способных к выражению сходных смыслов, называется **функционально-семантической** категорией. Так, функционально-семантическая категория темпоральности объединяет различные средства выражения временных отношений: ее ядро — категория глагольного времени, кроме того, в нее входят лексические средства со значением времени (например, наречия времени *утром, вчера, сегодня, завтра, осенью*), сложноподчиненные предложения с придаточными времени и др.

Грамматические категории — один из важнейших способов интерпретации внеязыковой действительности и организации сообщения о ней. Характер категории определяет особенности «картины мира», создаваемой средствами данного языка. Так, говорящий по-русски может передавать какой-нибудь факт, основываясь на сообщении о нем другого лица; этой цели служат специальные лексемы *говорят, мол, якобы*. Сообщение о сообщении может вообще не выделяться и включаться в поток косвенной речи, специальной грамматической категории для его передачи нет. Однако существуют языки (албанский, армянский, болгарский, грузинский, македонский, турецкий), которые выработали регулярные морфологические средства для выражения информации такого типа: в этих языках имеется особая грамматическая категория — категория пересказывания (в других терминах комментатив, адмиратив). Это значит, что в системе глагола разграничиваются свидетельские и несвидетельские формы. Категория пересказывания

показывает, что говорящий рассказывает о чем-то со слов другого лица; ср.: болг. *Насред пътя се строци колата* (В дороге машина сломалась) — *Насред пътя се строшила колата* (Говорят, в дороге машина сломалась). Говорящий по-болгарски не может не отделять себя от другого, говоря о событии, не может не указывать на источник информации — свой или чужой опыт. Русский язык из-за отсутствия в нем этой категории позволяет при желании скрывать этот источник, мистифицировать слушающего, выдавать чужую информацию за свою. Таким образом, каждый язык благодаря своему грамматическому устройству непременно что-то скажет о мире, независимо от того, желает или не желает сообщать об этом говорящий. Так, если русская дама скажет: *Я встретила своего друга*, то всем ясно, что речь идет о мужчине; если, казалось бы, то же скажет английская дама: *I met my friend*, то из-за отсутствия грамматического рода существительных в английском языке остается грамматически невыраженным, о ком идет речь — о друге или подруге.

Вообще формы грамматической «картины мира» в языках весьма разнообразны. Так, в папуасском языке асамат при помощи грамматических именных классов выражаются не только пол, но и параметры объектов и их пространственное положение: 1) «стоящие» предметы — узкие и высокие, например, люди или деревья; 2) «сидящие» предметы, в этот класс включаются различные широкие предметы вроде дома, а также женщины; 3) «лежащие» предметы — широкие и низкие; сюда относятся упавшие деревья, мелкие животные, а также только что вставшее из-за горизонта солнце или луна; 4) «плавающие» предметы: рыбы, лодки и сами реки; 5) «летающие» предметы, то есть предметы, находящиеся выше обычного направления взгляда¹⁵.

Языки различаются:

1) количеством грамматических категорий и характером обязательно выражаемой информации. Так, в русском языке имеется категория рода имен существительных, но во вьетнамском она отсутствует; в грузинском же языке имена также не имеют категории грамматического рода, но последовательно различаются категории «человека» и «вещи»;

2) количеством членов грамматической категории: например, категория падежа в современном русском языке является шестичленной, в якутском — восьмичленной: основной, совместный, винительный, частный, дательный, исходный, орудийный, сравнительный падежи. В современном русском языке имеются два залога: действительный и страдательный, в турецком же языке залогов пять: основной (немаркированная форма), взаимный, возвратный, страдательный, понудительный (когда

¹⁵ См.: Леонтьев А. А. Папуасские языки. М., 1974. С. 66.

субъект выполняет действие по приказу, воле, позволению другого субъекта, ср. *yemek* ‘есть’ — *yedirmek* ‘заставить есть’);

3) принадлежностью грамматической категории той или иной части речи; так, если в большинстве языков категория времени характеризует глагол, то в ненецком языке она присуща существительным; аналогичное явление наблюдается в языках семьи тупи-гуарани (Южная Америка): гуарани *teta ruθixa* (наст. время) ‘президент’ — *teta ruθixakue* (прош. время) ‘бывший президент’ — *teta ruθixara* (буд. время) ‘будущий или вновь избранный президент’.

§ 5. Части речи

Части речи — самые крупные классы слов, выделяющиеся на основе их общих семантических и грамматических свойств. Традиционный термин «части речи» — перевод латинского *partes orationis*, который в свою очередь восходит к греческому термину τὰ μέρη τοῦ λόγου.

Изучение частей речи имеет длительную историю. Первые классификации частей речи возникли в Древней Греции и Древней Индии. В IV веке до н.э. Аристотель выделил такие части речи, как имя, глагол, связку (союз) и член. Связка и член — служебные элементы, лишённые собственного значения. Имя и глагол — основные части, противопоставленные друг другу: имя «без <признака> времени и глагол с <признаком> времени... Так <слова> «человек» или «белый» не означают времени, а «идет» или «пришел» означают сверх всего настоящее время или прошедшее»¹⁶. В древнеиндийском трактате Панини также различаются служебные элементы и основные части речи — имя и глагол. Учение о частях речи получило дальнейшее развитие в трудах ученых Александрийской школы (III—II вв до н.э.). В грамматике Дионисия Фракийского, которая, по меткому выражению Ф.Ф. Зелинского, стала «матерью всех европейских грамматик», выделяется уже 8 частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, наречие, член, предлог, союз. В древнеримских грамматиках, опиравшихся на эту классификацию, член, отсутствующий в латинском языке, был заменен междометием. Этот перечень частей речи был усвоен в дальнейшем европейскими грамматиками. Так, в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755 г.) выделяются имена, глаголы и служебные части речи — «для того чтобы их сочетать»: предлоги и союзы. Особо отмечаются местоимения, которые служат для того, чтобы «сократить и выключить скучные повторения одного предложения»¹⁷. Кроме того, в классификации М.В. Ломоносова выделяются наречия, причастия и междометия. Позднее в русских

¹⁶ Аристотель и античная литература. М., 1978. С. 57.

¹⁷ Ломоносов М. В. Собрание сочинений. Т. VII. М.-Л., 1952. С. 406

грамматиках XIX века имя разделяется на три самостоятельные части речи: существительное, прилагательное и числительное, а причастие включается в систему форм глагола.

С развитием языкознания в XIX—XX веках традиционная система частей речи подвергается пересмотру и становится предметом дискуссий, главными вопросами которых стали: 1) необходимость выделения частей речи; 2) принципы их выделения; 3) состав частей речи.

Трудности выделения частей речи послужили причиной отказа некоторых лингвистов от этого понятия. Так, французский лингвист Ф. Брюно, например, считал, что это схоластика, от которой следует избавиться. Однако части речи, как бы их ни называть, отражают реальные различия между классами слов в языке и обладают большой обобщающей силой.

Грамматическая традиция, восходящая к античности, выделяла части речи прежде всего на основе их грамматических характеристик. Затем доминирующую роль стала играть логическая, или логико-семантическая классификация: так, существительное определялось как имя «вещи», «предмета», «субстанции»; глагол — как имя «деяния». Однако логико-семантический критерий разграничения частей речи недостаточен; так, существительные в языке могут иметь разную семантику, ср.: *дом, бег, белизна, пение, тройка, сотня*.

В конце XIX — начале XX века некоторые ученые стали выделять части речи строго на формальных основаниях. В России, например, Ф.Ф.Фортунатов и его ученики разработали формальную классификацию частей речи, ведущим основанием которой служит характер форм словоизменения. В следующей таблице, например, представлена классификация М.Н.Петерсона:

КЛАССЫ СЛОВ		
Слова, имеющие формы словоизменения		Слова неизменяемые (<i>здесь, вчера, лучше, молча, сидеть, на, увы, кенгуру, вы, но, ах</i>)
Слова, имеющие падежные формы (<i>Сократ, человек, пять, я, кто</i>)	Слова, имеющие форму рода (<i>хорош, первый, был, умирающий</i>)	Слова,

Формальная классификация при всей ее стройности и логичности разрывает связи слов одного класса и объединяет разнородные языковые явления, см., например, класс неизменяемых слов. Эта классификация не может быть распространена на многие языки и не позволяет последовательно их сопоставлять. Поэтому в современной лингвистике при выделении частей речи используется обычно комбинация нескольких признаков: семантического, морфологического и синтаксического. Части речи на этом основании определяются как классы слов, объединяемых общностью категориального значения (обобщенного значения части речи), общностью грамматических категорий и общностью синтаксических функций. Однако и такой подход не может полностью удовлетворить.

Новые подходы к пониманию того, что такое части речи, найдены в рамках онтологически-энергичной концепции языка. В работе «О коммуникативном значении грамматических категорий» А. Ф. Лосев исходит из того, что «язык всегда есть некоторого рода интерпретация»¹⁸. В каждом элементе языка, будь то слово или грамматическая категория, совмещаются нераздельно, но и неслитно два акта: акт предметной направленности и акт понимания этой предметности. Первый акт — это чисто логический акт, который «стремится дать мыслительную формулу данного предмета в том виде, как этот предмет существует сам по себе»¹⁹. Второй акт вызван потребностями коммуникации; этот акт понимания, как уже говорилось, «имеет своей целью выдвинуть в данном предмете одни стороны и отодвинуть, затемнить другие, с целью так или иначе понять этот предмет и в том или ином свете сообщить его другому сознанию»²⁰. Различение этих двух актов и соответственно логических и грамматических категорий необходимо хотя бы потому, что в речи есть не только истина, но и ложь. Если бы в языке не было ничего, кроме предметной направленности и логических категорий, то все предложения языка были бы истинными, однако люди пользуются языком «как для достижения истины, так и для достижения лжи. Но если это так, то язык выражает, конечно, тот или иной подход к действительности, ту или иную точку зрения на действительность, то или иное понимание, или ту или иную интерпретацию действительности»²¹. Таким образом, природа языка не в отражении, а в интерпретации, истолковании действительности.

Как уже отмечалось, части речи нередко толковались как выражение логических категорий: существительное — категории субстанции, прилагательное — качества, числительное —

¹⁸ Лосев А. Ф. О коммуникативном значении грамматических категорий. С. 309.

¹⁹ Там же. С. 311.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 315.

количества, глагол — действия и отношения и т. д. Это, однако, неверно. Чем отличаются *смех*, *смешной*, *смеяться*, *смешно*? Предметно, логически это одно и то же; различаются эти слова «не логически, а исключительно как акты понимания одного и того же явления»²². В одном случае факт действительности понимается как субстанция, в другом как качество, в третьем как действие, в четвертом как образ действия.

Сэтой точки зрения **существительное** есть понимание чего угодно в действительности как с у б с т а н ц и и: *травя* — субстанция, понятая как субстанция; *доброта* — качество, понятое как субстанция; *тройка* — количество, понятое как субстанция; *молчание* — действие, понятое как субстанция; *болезнь* — состояние, понятое как субстанция; *любовь* — отношение, понятое как субстанция. Существительное, таким образом, опредмечивает действия, состояния, качественные признаки: *стирка*, *чтение*, *болезнь*, *доброта*, *желтизна*.

Глагол есть понимание чего угодно в действительности как д е й с т - в и я: *бежать* — действие, понятое как действие; *поглупеть* — качество, понятое как действие; *удвоить* — количество, понятое как действие; *дурачиться* — субстанция, понятая как действие; *болеть* — состояние, понятое как действие; *любить* — отношение, понятое как действие.

Прилагательное есть понимание чего угодно в действительности как к а ч е с т в а: *добрый* — качество, понятое как качество; *больной* — субстанция, понятая как качество; *подвижный* — действие, понятое как качество; *первый* — количество, понятое как качество; *любимый* — отношение, понятое как качество; *грустный* — состояние, понятое как качество.

Наречие есть понимание чего угодно в действительности как о б р а з а д е й с т в и я или о б с т о я т е л ь с т в а д е й с т в и я: *красиво* — качество, понятое как образ действия; *грустно* — состояние, понятое как образ действия; *по-барски* — субстанция, понятая как образ действия; *трижды* — количество, понятое как образ действия; *наверху* — субстанция, понятая как обстоятельство.

Грамматическая интерпретация действительности необходима для того, чтобы общаться по поводу этой действительности. Общаться значит сообщать что-то о чем-то: можно ли общаться по поводу доброты, если это качество нельзя представить в виде особого предмета, чтобы он смог стать субъектом-подлежащим каких-нибудь предикатов-сказуемых? Очевидно, нет. Части речи, таким образом, не отражают мир, а интерпретируют его, являются ее картиной. Этим определяется набор грамматических категорий, присущих каждой из частей речи и типичные синтаксические функции, к выполнению которых она предназначена. Посредством частей речи человек дифференцирует вещи, их качества, процессы, действия и состояния и их признаки (обстоятельства), выявляет различия в реальном мире

²² Там же. С. 316.

и осуществляет его категоризацию. Части речи, таким образом, важнейший способ познания и интерпретации действительности.

При общности принципов выделения частей речи они в разных языках могут иметь своеобразные черты, да и сама система частей речи может варьироваться от языка к языку. Языки могут различаться по степени дифференциации объектов, их качеств, действий и состояний. Например, «если для языков европейской системы характерно противопоставление Имя (существительное, прилагательное, числительное) — Глагол, то для языков китайского типа характерна, наоборот, антитеза существительное — предикатив (глагол, прилагательное, числительное)»²³. В китайском языке важнейшим принципом классификации частей речи является характер сочетания слов в предложении. Слова, соответствующие нашим глаголам и прилагательным, то есть предикативы, непосредственно сочетаются с существительным в функции подлежащего, существительное же, если оно выступает в функции сказуемого, может сочетаться с подлежащим только при помощи связки *шы: та шы сюэиен* ‘Он студент’, ср. *сюэиен лайла* ‘Студент пришел’²⁴. Неспособность выполнять без связки *шы* функцию сказуемого — основной признак существительных в китайском языке, в котором «прилагательные» и глаголы объединяются в одну часть речи — предикативы (см. также вьетнамский, корейский, японский языки). В бирманском языке не противопоставляются глагол и прилагательное, в языке хауса — существительные и прилагательные. В некоторых языках, например в языке йума, вообще выделяются только имя и глагол. Не совпадают и грамматические категории, присущие частям речи в разных языках. Если в русском языке существительные имеют классифицирующую категорию рода, состоящую из трех членов, то, например, в языке суахили (как и в других языках банту) выделяются согласовательные предметные именные классы с префиксальными показателями. Их шесть:

Единственное число	Множественное число
I <i>m-</i> : <i>mtu</i> ‘человек’	<i>wa</i> — <i>watu</i>
II <i>ki-</i> : <i>kisu</i> ‘нож’	<i>vi</i> — <i>visu</i>
III <i>m-</i> : <i>mti</i> ‘дерево’	<i>mi</i> — <i>miti</i>
IV <i>n-</i> : <i>nchi</i> ‘страна’	<i>n</i> — <i>nchi</i>
V <i>ji-</i> : <i>jiuve</i> ‘камень’	<i>ma</i> — <i>mawe</i>
VI <i>u-</i> : <i>udevu</i> ‘один волос бороды’	<i>n</i> — <i>ndevu</i>

Класс важен для определения формы глаголов, прилагательных и других модификаторов. Сравним: *mtu mzuri* ‘тот красивый человек’ — *watu wazuri wale* — ‘те красивые люди’; *mti mzure ule* ‘то красивое

²³ Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского разговорного языка. М., 1962. С. 67.

²⁴ Пример Ю. С. Маслова. См.: Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1997. С. 157.

дерево' — *miti mizure* — 'те красивые деревья'; *kisu kimeanguka* 'нож упал' — *visu vimeanguka*; — 'ножи упали'. Большинство существительных, обозначающих людей, объединяется в I класс, слова, называющие предметы — во II, названия растений — в III и т.д. Таким образом, существуют и семантические основания для распределения существительных по классам.

Несмотря на различия частей речи в разных языках, наблюдаются и некоторые общие явления. В большинстве языков различаются имена, глаголы, служебные части речи, местоимения, которые образуют особый класс слов и выполняют в языке анафорическую функцию (функцию замещения), дейктическую функцию (функцию указания на участников речевого акта с позиции говорящего) и обобщающую функцию (например, *все, каждый*).

Части речи в каждом языке представляют собой систему, в которой наблюдается определенная иерархия. Различаются знаменательные и служебные части речи. Вне этого деления оказываются междометия, которые «стоят на самой границе речи в точном смысле: по одну сторону будут уже «ономатопоэтические», «интеръекционные» слова, по другую уже вне слов находящиеся звуковые жесты, как, например, крики от боли, от ужаса и тому подобное. Междометия представляют собой лишь зародыши речи»²⁵. Вряде тюркских, алтайских и других языков выделяются также особые «образные» слова, изображающие средствами речи слуховые, зрительные или моторные представления о явлениях окружающего мира (звукоподражания, ономатопоэтические слова, мимемы); см., например, киргизское *тарс-тарс* (о звуке выстрела), *калдырт* (о грохоте).

Поскольку местоимения и числительные выделяются на несколько иных основаниях, чем другие знаменательные части речи, они в некоторых классификациях не рассматриваются как особые грамматические классы слов и соответственно включаются в них в другие части речи; см., например, выделение местоимений-прилагательных (*мой, этот* и др.) или включение порядковых числительных в класс прилагательных в русском языке.

Части речи представляют собой «нежесткую» систему классов. Это проявляется:

1) в наличии гибридных форм, совмещающих признаки разных частей речи. Так, во многих языках выделяются вербоиды (термин Ю. С. Маслова), которые совмещают: а) признаки глагола и существительного — русский, латинский инфинитив, старославянский супин, английский герундий и др.; б) признаки глагола и прилагательного — русское причастие; в) признаки глагола и наречия — деепричастие в русском языке.

²⁵ Булгаков С. Н. *Философия имени*. С. 80.

2) в возможности перехода из одной части речи в другую: *В т е ч е н и е часа ученый рассказывал о с у т и процесса интеръективации. Интеръективация — переход других частей речи в междометия*, например: «*Батюшки!*», «*Караул!*»; *в течение* — переход существительного в предлог; *суть* — переход глагола в существительное.

Система частей речи подвижна и исторически изменчива. Например, в древнейший период вместо существительного и прилагательного употреблялось, видимо, одно недифференцированное имя, которое в дальнейшем стало или названием признака, или названием предмета. Так, одно и то же слово доисторической эпохи в литовском языке стало существительным *krantas* ‘берег’, а в русском — прилагательным *крутой*. В тюркских языках и в настоящее время отмечаются недифференцированные имена и имена-наречия: узб. *узун* ‘долгий — долгота’; кирг. *темир* ‘железо — железный’; узб. *чукур* ‘глубокий — глубоко — глубина’. В древнетюркском же языке было значительно больше глагольно-именных основ, чем в современных языках, в связи с этим высказывается гипотеза, что в тюркском языке корень был синкретичным, одновременно обозначал и предмет, и действие — состояние. В современных нивхском и ненецком языках выделяется особый класс качественных глаголов, обозначающих качественный признак в динамике как процесс: нивхск. — *пилд* ‘был большим’, *кылд* ‘быть длинным’; ненецк. *мерець* ‘быть быстрым’, *ныхыць* ‘быть сильным’; нивхск. *данн-алад* — ‘быть бессовестным’ (*дан* — ‘собака’, *н-алад* — ‘быть похожим’); *н’арн-алад* — ‘быть зловредным’ (*н’ар* — ‘крыса’); *пулкс’ыт’ийбарад* — ‘быть честным’ (*пулкс* — ‘желудь’, *п’ыт-т* — ‘расколоться’, *барад* — ‘быть подобным чему-нибудь’). Это явление свидетельствует о существенной близости слов, обозначающих качественные признаки и состояния, и первичности двух главных частей речи — существительного (имени) и глагола.

Становление частей речи имеет длительную историю. Так, сравнительно «молодой» частью речи во многих языках является числительное. На древнейшей стадии развития языка числительные как особый грамматический класс слов отсутствовали. «То, что первобытное мышление выражает в языке, — писал Л. Леви-Брюль, — это не числа в собственном смысле слова, а совокупности — числа, из которых оно не выделило предварительно отдельных единиц»²⁶. В качестве обозначения множества (количества) использовались имена-эталонные; так, слово *пять* во многих языках восходит к слову *рука*, чукотское *мынгыткен* ‘десять’ означает ‘две руки’, в эскимосском слово *югинак* ‘двадцать’ буквально означает ‘весь человек’. Роль руки при счете отмечается многими исследователями, см., например, наблюдения Н.Н. Миклухо-Маклая: «Излюбленный

²⁶ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930. С. 129.

способ счета состоит в том, что папуас загибает один за другим пальцы рук... Досчитав до пяти, он говорит: *ибон-бе* (рука). Затем он загибает пальцы другой руки..., пока не дойдет до *самба-бе* и *самба-али* (одна нога, две ноги). Если нужно считать дальше, папуас пользуется пальцами рук и ног кого-нибудь другого»²⁷. Неслучайно, что числительные, обозначающие большие числа, восходят к названиям множества, массы: *тьма*, нивхск. *н'эмда* 'множество комаров'. В языках, таким образом, возникали особые счетные существительные или прилагательные. «Числовые обозначения непосредственно сливаются с обозначением вещей и свойств», — заметил Э.Кассирер. В качестве примера он привел язык о.Фиджи, в котором существуют специальные слова для обозначения 2, 10, 100, 1000 кокосовых орехов или 10 рыб и т.д. Возникшие числовые обозначения использовались как классификаторы и употреблялись только в сочетании с названиями определенных предметов счета. Постепенно на базе счетных слов, слов-классификаторов в ряде языков формируется особая часть речи — числительные, см., например, историю русских числительных, которые восходят к счетным именам и постепенно утрачивают род и число.

Таким образом, части речи — это грамматические классы слов, формирующиеся постепенно и различающиеся по характеру и способу интерпретации субстанций и признаков внеязыковой действительности. «Сущее, — заметил Гете, — не делится на разум без остатка». Вопрос об отнесении некоторых слов или их группировок к определенным частям речи остается открытым. Таковы, например, этикетные слова вроде *спасибо*, модальные слова в русском языке (*вероятно, конечно* и др.), слова *voici, voila* во французском и др.

§ 6. Местоимение как особый грамматический класс слов

Особое место в системе грамматических классов слов занимают **местоимения**. Их статус в языке по-разному определяется лингвистами: местоимения рассматриваются то как самостоятельная часть речи, то как особое функциональное языковое явление, которое не может быть признано единой частью речи в связи с семантическим разнообразием местоимений и отсутствием у них общих грамматических характеристик, то, наконец, как микросистема, параллельная существующей в языке системе частей речи и «в «миниатюре» своеобразно дублирующая ее. Так, слова *я, ты, он, она, кто, что, никто, ничто, некто, нечто, себя, себе* указывают на предметы в грамматическом смысле и потому являются своего рода существительными. Слова *мой, твой,*

²⁷ Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений. Т. III, ч. 1. — М.-Л., 1951. С. 176.

такой, какой, никакой, некий, чей, свой указывают на свойства как на признаки и потому оказываются своего рода прилагательными. <...> Существуют также заместители глаголов. Иногда это так называемые “местоглаголия” (и, шире, “местопредикативы”) например, англ. *do*, датск. *gore*, шведск. *göra* (все три собственно значат ‘делать’), кит. *lai* (букв. ‘приходить’)»²⁸. Такое разнообразие подходов к местоимениям объясняется уникальными особенностями этого класса слов. По мнению многих ученых, именно местоимения являются древнейшими словами в языке, при этом они представляют собой лингвистическую универсалию: во всех известных языках мира употребляются слова, выполняющие указательную функцию, в любом языке существуют местоимения, выделяющие говорящего и его собеседника, во всех языках, наконец, выявляются форманты местоименного происхождения. Многие языковые выражения восходят к местоименным словам, первые из которых передавали представления о «я — не-я», развиваясь, трансформируясь в оппозиции «здесь — там», «известное — неизвестное», «видимое — невидимое» и др.

Уникальность местоимений в современных языках определяется рядом существенных особенностей, отличающих их от других частей речи.

1. В отличие от других частей речи местоимение не называет объект непосредственно, но указывает на него в условиях конкретного речевого акта. Выделяются два основных способа опосредованного указания на предмет речи: а) **дейксис** (от греч. *dei`xiV* ‘указание’) — указание на участников речевого акта, на степень отдаленности от них предмета высказывания или пространственную и временную локализацию сообщаемого факта с точки зрения говорящего, который находится в центре коммуникативной ситуации: *Посылаю тебе, Постум, эти книги* (Бродский); б) **анафора** (от греч. *anaphorav* ‘вынесение, отнесение’) — указание на предмет речи путем отсылки к предыдущему (реже — последующему) обозначению его в тексте: *Когда-то давно к бабушке хаживала за подаяниями её дальняя родственница, Марья Петровна... У неё был сын Саша. Почему-то про него говорили, что он прекрасный художник* (Чехов).

2. Местоимения всегда содержат отсылку к конкретному речевому акту (его участникам, к речевой ситуации или самому высказыванию). Так, личные местоимения 1-го лица отсылают к говорящему (*я, мы*), личные местоимения 2-го лица — к адресату речи (*ты, вы*); указательные местоимения отсылают к предмету речи, на который направлен указательный жест говорящего (*этот — тот*, лат. *hik* ‘этот, близкий ко мне’ — *iste* ‘этот, близкий к тебе’, хант. *тими* ‘этот видимый’ — *m’um* ‘этот невидимый’). Анафорические местоимения отсылают к данному высказыванию

²⁸ Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1997. С. 166.

или — шире — к тексту, в котором употребляются (*он, такой, другой* и др.). Возвратные местоимения отсылают к субъекту данной предикации (*Они сделали свой выбор*). Вопросительные местоимения «предполагают существование объекта с некоторыми свойствами и сигнализируют о том, что говорящий, не будучи в состоянии идентифицировать или охарактеризовать искомый объект, побуждает адресата помочь ему в этом»²⁹ (русск. *кто? что?* англ. *what, wich*, нем. *was* и др.). Относительные местоимения совмещают анафорическую функцию с выражением подчинения. Неопределенные местоимения отсылают к объекту, неизвестному адресату речи или самому говорящему, ср., например, употребление русских местоимений *кое-что* и *что-то*, *кое-какой* и *какой-то*. Отрицательные местоимения отсылают к объектам, существование которых отрицается (русск. *никто, ничто*, англ. *nothing* ‘ничто’, *nobody* ‘никто’, франц. *rien* ‘ничто’, итал. *nessuno* ‘никто’, мар. *n'imo* ‘ничто’. Наконец, обобщающие местоимения отсылают ко всему множеству объектов, входящих в тот или иной класс (*каждый, всякий, весь, всё*, узбекск. *бари* ‘весь’, фин. *joka* ‘каждый’ и др.

Итак, местоимения «соотносятся не с “реальностью” и не с “объективным” положением в пространстве и времени, а с единственным каждый раз актом высказывания, который включает в себе эти формы»³⁰.

3. Выполняя функцию указания, местоимения могут соотноситься с самым широким кругом объектов и характеризуются речевой переменчивостью значения. Так, слово *он*, взятое вне конкретной ситуации речи, может указывать практически на любой объект. В свою очередь один и тот же объект может иметь разные местоименные обозначения. Это свойство местоимений способно порождать различные коммуникативные аномалии и создавать в ряде случаев комический эффект, ср.:

— *Я тебе обещался рассказать его историю, — сказал Аркадий.*

— *Историю жука?*

— *Ну, полно, Евгений. Историю моего дяди (Тургенев).*

Выпив у Грэка стакан крепкого, как деготь, чаю, я пошел с ним гулять на Неву, т. е. не с чаем, не с дегтем, а с Билибиным (Чехов).

«Пустые» знаки становятся полными, «как только говорящий принимает их на себя»³¹. В конкретной ситуации речи местоимения получают возможность соотноситься с одним из объектов, их значение, таким образом, всегда носит контекстуально обусловленный характер и уточняется в процессе построения высказывания и общения с адресатом речи.

²⁹ Крылов С. А. О семантике местоименных слов и выражений // Русские местоимения: семантика и грамматика. Владимир, 1989. С. 11.

³⁰ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 288.

³¹ Там же.

4. Поскольку естественным центром любой речевой ситуации является говорящий, то его отношение так или иначе присутствует во всехместоимениях. В связи с этим особое место среди местоимений занимает местоимение 1 лица *я*. Что такое *я*? Прежде всего *я* есть «та точка, из которой говорящий смотрит и выражает в слове весь мир, но себя он не видит, а потому и выразить не может иначе, как общим символическим свидетельством бытия»³². *Я* ничем не может быть определено, выражено через другое: «Оно есть око, через которое мы видим мир, и может ли видящее выражено через видимое?»³³. *Я* характеризуется противоположными чертами: с одной стороны, *я* — имя нарицательное, общее для всехлюдей, с другой — «оно есть собственнейшее из собственных имен: хотя и совсем не имя, но вместе с тем самое интимное и близкое, чем человек себя именуется, ощущая эту воронку в глубь бытия»³⁴. *Я* трансцендентно-имманентно: с одной стороны, оно есть точка абсолютной вненаходимости по отношению ко всему на свете, на все смотрит и ни с чем не сливается; с другой стороны, оно выражает собой здесь-присутствие: этимологически индоевропейское местоимение 1 лица представляет собой целое предложение, «которое можно прочесть как **egom < *e go ete* ‘вот я!’» (ЭССЯ 1, 102). В этом предложении **e* — указательное местоимение ‘вот, здесь, тут’, оно указывает на наличность, здесь-присутствие, имманентность; **go* — усилительная частица; **ete* — основа косвенных падежей местоимения 1 лица — указывает на мою трансцендентную сущность; все слово-предложение можно интерпретировать так: «*Вот-же-я!*», «*Здесь-же-я!*», «*Вот-он-я!*» Так, при неожиданном появлении где-нибудь мы говорим про себя: «*А я вот он!*», — обозначая тем самым свое присутствие. Свое бытие мы и не можем иначе мыслить, как через присутствие: присутствовать значит быть, что и выражается местоимением *я*, являющимся предложением, в котором подлежащее (**ete*) дает направление внутрь, в таинственную глубину моей сущности, а указательное местоимение дает направление наружу, указывая на присутствие, то есть на бытие этой сущности: в *я* «нет никакой идеи, никакого слова, кроме простого свидетельства бытия»³⁵. Именно *я* есть ориентирующая точка бытия, мысли и слова, по отношению к которой определяется смысл всех других местоименных слов данного высказывания: любого *ты, он, каждый, что, кто* и т.д.

Природа местоимений, таким образом, существенно отличается от природы других знаменательных слов. Не только *я*, но и любое местоимение есть свидетельство о бытии некой сущности

³² Булгаков С. Н. Философия имени. С.65.

³³ Там же. С.66.

³⁴ Там же. С.65.

³⁵ Там же. С.67.

без всякого указания на качество этой сущности. «Поэтому местоимение, сравнительно со словом, ничего не означает, не содержит никакой краски бытия, и однако все может означать в своей безликой, бескрасочной глубине»³⁶. Местоимение выражает чистую предметность вне и до всякого качества, оно возникает в точках первого соприкосновения бытия и сознания; местоимение — первый отклик на голос бытия. Гносеологически местоимение есть акт схватывания предмета еще до различения его качества; оно тождественно указательному жесту и числу *один*: вот, это — есть, это есть именно как это, отличное от всякого другого, есть некая единица, хотя мы еще и не знаем, *чем* отличается *это* от *того*, эта единица от другой; местоимение означает, что вещь соприкоснулась с сознанием и начала в нем свою жизнь. Местоимение может существовать не только в виде особого слова, оно скрытно присутствует в каждом ином слове, о чем мы писали в связи с актом номинации (см. стр. 58). В пределах высказывания местоимения как в форме особых слов, так и в форме падежных и личных окончаний (если таковые вообще есть в языке) выражают некие онтологические точки, связанные между собой и с лицом говорящего. Благодаря своей бескачественности местоимения могут выполнять свои дейктические и анафорические функции, то есть функции указания на чистое бытие-присутствие неких сущностей.

II. Синтаксис. Предложение как основная синтаксическая единица

§ 7. Типы синтаксической связи слов. Способы выражения синтаксических связей и отношений

Учение о синтаксических связях — важнейший раздел синтаксиса. Вспомним, что сам термин **синтаксис** происходит от греческого *synntaxiV*, что значит ‘строй, построение’, ‘порядок’, ‘устройство’. «Синтаксис начинается там, где мы выходим за пределы лексической единицы <...>, там, где начинается связная речь с ее свободной комбинацией лексических единиц в рамках переменного словосочетания и предложения»³⁸. В синтаксисе рассматриваются общие свойства предложения, а также следование слов внутри

³⁶ Там же. С. 68.

³⁷ Там же. С. 70.

предложения и словосочетания. Следовательно, **синтаксис** — это раздел грамматики, изучающий закономерности построения предложений и сочетания слов в словосочетании, а также принципы включения предложения в сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) и текст. Таким образом, в синтаксисе выделяются три взаимосвязанные части: 1) синтаксис словосочетания, изучающий сочетательные возможности слова; 2) синтаксис предложения; 3) синтаксис текста.

Основные синтаксические единицы — словосочетание и предложение — состоят из двух или более компонентов, которые объединяются синтаксической связью, выражающей определенные структурно-семантические отношения. Связи слов определяются их валентностью. **Валентность** (от лат. *valentia* ‘сила’) — это способность слова сочетаться с другими элементами. В лингвистику это понятие было введено А. Ф. Лосевым, Л. Теньером и С. Д. Кацнельсоном. На основе валентности слово присоединяет к себе другие, зависимые от него слова в определенных формах. Например, у глагола *посвящать* три валентности; употребляя его в речи, говорящий обязательно заполняет три места: кто? что? кому? — *Поэт посвящает стихи матери*.

Валентности присущи разным частям речи, однако для построения высказывания особенно важны валентности глагола. Л. Теньер, который ввел термин «валентность» в западноевропейское языкознание, вообще связывал это понятие только с глаголом. Слова, которые заполняют валентности глагола, называются **актантами** (‘действителями’). Актанты соответствуют в традиционном синтаксисе подлежащему и дополнению. Зависимые же от глагола слова, не заполняющие никакой валентности, получили название **сирконстантов**, они соответствуют обстоятельствам. Так, в предложении *Анна позвонила ему только утром* актантами являются слова *Анна* и *ему*, сирконстантом — *утром*.

В отечественном языкознании понимание валентности шире: это общая сочетаемостная способность слов, на основе которой строятся словосочетания и предложения. Каждый язык характеризуется определенными закономерностями сочетаемости слов.

Различаются обязательная и факультативная валентность; так, например, категориальные и параметрические существительные *тип, результат, пример, ширина* и др. требуют обязательного распространения родительным падежом имени: *тип предложения, результат проверки, ширина комнаты*. Во фразе *Алексей взял книгу у соседа* существительное *книгу* реализует обязательную валентность переходного глагола *взял*; у *соседа* — факультативную валентность этого глагола.

³⁸ Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1975. С. 219.

Валентность слова определяется, во-первых, его лексическим значением; так, глаголы восприятия *увидеть*, *услышать*, например, требуют распространения словом, называющим объект восприятия: *увидеть небо*. Во-вторых, она определяется частью речи, к которой принадлежит слово, его грамматической формой; например, форма сравнительной степени в русском языке требует сочетания с формой, называющей объект сравнения: *выше крыши*. Количество валентностей может быть различным. Различаются слова авалентные (*смеркается*, *светает*), унивалентные, или одновалентные (*спать*, *лежать*) и много-, то есть двух-, трех- и более валентные (*брат*, *резать*, *рубить* и др.).

На основе валентности возникают сочетания слов, для которых характерна иерархия отношений: главный компонент распространяется зависимыми от него элементами. Однако в языке широко распространены и другие типы сочетаний, связь которых предполагает равноправное объединение элементов. «Мысль является здесь как сцепление понятий и представлений и облекается в легкую, ничем не замкнутую, открытую конструкцию, всегда доступную сокращению или приращению»³⁹. Например:

*И голубые небеса.
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до края,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду.*

(А. К. Толстой)

В языке выделяются два важнейших типа синтаксической связи: сочинение и подчинение.

Для **сочинительной** связи (паратаксиса) характерно относительное равноправие элементов, что может выражаться в перестановке их без существенного изменения смысла: *братья и сестры*; *то дождь, то снег*; *швед, русский колет, рубит, режет*. При сочинении объединенные элементы функционально близки, выполняют одинаковую функцию в предложении и могут быть однородными. **Подчинение** (гипотаксис, субординация) — синтаксическая связь, при которой один из элементов (компонентов словосочетания, членов предложения, частей сложного предложения) является

³⁹ Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988. С. 18.

главенствующим, а другой — подчиненным, зависимым: *зимнее* ← *утро*; *читать* → *книгу*; *Глаголом* ← *жги* → *сердца* → *людей* (Пушкин), *Я утром должен быть уверен*, → *что с вами днем увижусь я* (Пушкин). Назначение подчинения — выявлять разные виды смысловой зависимости компонентов словосочетания или предложения и иерархически упорядочивать их в отношении друг друга: *Смуглым* ← *золотом* *Исакий смотрит* → *дивно и темно* (И. Бунин).

Вопрос о связи подлежащего и сказуемого в лингвистике рассматривается по-разному. С одной стороны, в языках, где сказуемое уподобляется подлежащему в формах лица, числа, иногда рода или класса, эта связь близка согласованию, с другой стороны, в языках с полиперсональным строем сказуемое зависит не только от подлежащего, но и от дополнения. Кроме того, в языке встречаются предложения вообще без подлежащего: *Смеркается*; *Морозит*. Подлежащее может выступать в форме, определяемой глаголом-сказуемым (языки эргативного строя, см. также конструкции типа английских — *it is raining*, немецких — *es regnet*, французских — *il pleut*).

Именно сказуемое обычно рассматривается как основное организующее начало предложения, однако столь же важно для построения двусоставного предложения подлежащее. Поэтому ряд лингвистов предлагает выделять особую связь между подлежащим и сказуемым — связь, при которой оба члена неоднородны, но при этом «ни одна сторона не является ни главенствующей, ни зависимой»⁴⁰. Такую связь предложено называть **координацией**.

В языках отмечаются и такие явления, которые однозначно не могут быть квалифицированы как конструкции с сочинением или подчинением. Так, в предложении *Грибники, как и рыболовы, не любят лишнего шума и разговоров* (В. Солоухин) наблюдается контаминация сочинения и подчинения. Сближение с сочинением отмечается и в предложениях типа *Катя следит за его картами и больше мимикой, чем словами, помогает ему* (А. Чехов). Признаки сочинения и подчинения совмещаются также в сочетаниях типа *он как председатель (ревизор, инженер)*, которые А. М. Пешковский рассматривал как сочиненно-подчиненные.

Рассмотрим способы выражения синтаксических связей и отношений.

1. Синтаксические связи могут выражаться с помощью **грамматических форм** слова. Например, синтаксическая независимость имени во многих языках выражается особой падежной формой — формой именительного падежа или абсолютива. При выражении

⁴⁰ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 311.

синтаксических связей посредством грамматических форм обычно различают согласование и управление. **Согласование** — это способ оформления подчинительной связи, при котором зависимое слово повторяет грамматические формы главного. Во флективных языках согласование особенно широко используется в субстантивных словосочетаниях для выражения атрибутивных отношений: *синее небо, синий цветок, синяя чашка; kalter Wein, kalte Milch, kaltes Wasser*. Конкретные правила согласования в разных языках различны. Они исторически изменчивы. Так, в русском языке следы согласования кратких форм прилагательных с существительным сохранились только в устойчивых сочетаниях: *на босу ногу, середь бела дня, сыр бор*.

Управление — это способ оформления подчинительной связи, при котором главенствующий компонент словосочетания требует постановки зависимого компонента в определенной грамматической форме, при этом изменение формы главного слова не вызывает изменения формы управляемого слова. В индоевропейских языках управление преимущественно характерно для присоединения к главному слову предложной или беспредложной словоформы существительного или местоимения; ср.: латинское — *Amat patriam*; немецкое — *Er liebt seine Heimat*; английское — *He loves his country*. При управлении обычно возникают объектные (*читать книгу, резать хлеб*), восполняющие (*стать врагом, слыть чудаком*) и объектно-определятельные отношения (*подарок отцу*). При выражении объектных и восполняющих отношений используется сильное управление, для выражения объектно-определятельных отношений характерно слабое управление.

В ряде языков выделяется особый способ морфологического выражения подчинительной связи между двумя именами, которая не имеет общепризнанного, устоявшегося терминологического обозначения. В этом случае морфологический показатель связи употребляется в главном слове, которое тем самым указывает на то, что от него зависит другое слово. Это «сопряженное состояние» (*status constructus*) в семитских языках; особые конструкции с определятельными отношениями в персидском и ряде тюркских языков: персидский — *ketabe xub* ‘хорошая книга’; азербайджанский — *am баши* ‘голова лошади’; турецкий — *türk dili* ‘турецкий язык’. В иранистике и тюркологии для обозначения этих конструкций используется термин «изафет» (от арабского «аль-идафату» — ‘добавление’); в арабистике — термин «идафа»).

Управление может переплетаться с согласованием или координацией. В языках так называемого э р г а т и в н о г о типа (от древнегреческого *evrgon* ‘дело’) глагольное сказуемое соотносится по своим формам с подлежащим и одновременно управляет им: требует его употребления в абсолютном падеже

при *непереходном* глаголе и в эргативном (относительном) — при *переходном*. При этом переходные глаголы связываются особой связью и с дополнением, которое обычно ставится в абсолютном падеже. Простое предложение эргативной конструкции включает в себя три обязательных члена. Так, например, в эскимосском языке это подлежащее в эргативном падеже при переходном глаголе, сказуемое, выраженное субъектно-объектным глаголом, и дополнение — имя в абсолютном падеже; глагол согласован с подлежащим и дополнением в лице и числе: *Йугым аглатака пана* — *Человек несет весло* (буквально: *Человек несет-он-его весло*). При *непереходном* глаголе подлежащее выражено именем в абсолютном падеже: *Йук аглагакуц* — *Человек идет*. Аналогичное явление наблюдается и в аварских предложениях *Вац инев вуго* — *Брат идет* и *Чу инеб буго* — *Лошадь идет* при *непереходном* глаголе подлежащие — *вац, чу* — стоят в абсолютном падеже. Если же сказуемое выражено переходным глаголом, то подлежащее представлено эргативным падежом, в данном случае соответствующим нашему творительному, а дополнение — абсолютным: *Вацас босила чу* — *Брат купит лошадь* (буквально: *Братом-ее купит лошадь*). В эргативных конструкциях деятель и действие теснейшим образом связаны, составляя одно смысловое, эйдетическое целое. В центре внимания говорящих оказывается результирующее воздействие на объект, который как бы выделяется крупным планом. Субъект же действия понижается в ранге и приравнивается практически к другим характеристикам действия — его времени, месту, степени интенсивности и др.

Наряду со значением результирующего действия, в эргативных конструкциях или конструкциях, близких к ним, в ряде случаев могут выражаться отношения принадлежности. Например, в одном из языков североамериканских индейцев — немепу — субъект обозначается абсолютным падежом, если объект принадлежит ему (объект 3-го лица), и родительным притяжательным падежом, если передается переходное действие, направленное на чужой объект. Сравним:

Nama hinpisa imas — ‘человек берет своего оленя’;

Naman a hinpausa (показатель 2-го лица) *imas* — ‘человек берет твоего оленя’.

В русской грамматике в рамках подчинительной связи традиционно рассматривается и **примыкание**. Это такой вид подчинительной связи, при которой зависимый элемент словосочетания присоединяется к главному без изменения своей формы. Это смысловая связь компонентов, представленная позиционно: компоненты словосочетания располагаются обычно контактно: *красиво вышивать, бегло читать по-немецки, кофе по-турецки*. Примыкание широко распространено в аналитических

языках: *a French book, a strong man*. Перед нами уже другой способ оформления синтаксической связи.

2. Второй способ выражения синтаксических связей — позиционный, или аранжировка, когда сам порядок слов оказывается значимым. Он используется, например, в английском языке, сравним: *cold winter* ‘холодная зима’ и *winter cold* ‘зимний холод’; в казахском языке порядок слов разграничивает члены предложения: *жаксы ат* — ‘хорошая лошадь’; *жаксы бала жаксы окзыйды* — ‘хороший мальчик хорошо учится’. Порядок слов может разграничивать и типы предложений: *Ты этого хотел* — *Хотел ты этого?*

3. Синтаксические связи и отношения могут также разграничиваться при помощи интонации. Сравним, например: *Ты этого хотел.* — *Ты этого хотел?* При помощи интонации выражается связанность / расчлененность высказывания. Так интонационно оформляются способы осложнения простого предложения (обособленные определения, приложения, вводные слова, обращения, вставные конструкции).

4. С выражением синтаксических связей и отношений связаны специальные служебные слова: союзы, союзы-частицы, вопросительные частицы, связки: *and, but, но, или, ли* и др. Особенно важна роль предлогов, участвующих в выражении подчинительных связей, и союзов. Предлоги и союзы служат дифференцированными средствами синтаксической связи и уточняют характер отношений в высказывании; см., например, использование соединительного союза *и* и разделительного союза *или*, связанного с ситуацией выбора, в следующем контексте:

*И все трепетало и пело вокруг,
И я не узнала — ты враг или друг, —
Зима это или лето.*

(А.Ахматова)

5. Выражение синтаксических связей может осуществляться при помощи особого рода сложения. Так, во многих языках, например, в немецком, широко распространено выражение определительных отношений посредством сложения основ: *Fensterscheibe, Damenkleid, Pferdekopf, Rilkebeispiel, Kafkabeispiel* и др.

Существуют языки, в которых посредством сложения выражаются различные виды отношений и целое предложение оформляется наподобие одного сложного слова. «Форма передачи законченного высказывания одним построением, представляющим собою слияние нескольких корнеслов»⁴¹ называется **инкорпорированием** или **инкорпорацией** (*in* — ‘внутри’, *corpus* — ‘тело’). Слившиеся в одно целое части такого комплекса сохраняют свое лексическое значение, которое они реализуют и в других сочетаниях. При

инкорпорировании возникает цельное синтаксическое построение, которое внешне напоминает слово, а внутренне выражает законченное сообщение, что соответствует предложению. Такие построения называются словами-предложениями. Так, в северо-американском языке цимшиан наблюдается полное инкорпорирование. Рассмотрим слово-предложение этого языка *Tyukligilod'epdalot*, где *t* — субъект действия; *yuk* — показатель начала действия; *ligi* — показатель неопределенности направления; *lod'ep* — показатель направления вниз; *dal* — ‘сование, прятание’; *ot* — показатель объект (это). На русский язык этот словесный комплекс может быть примерно переведен как предложение *Он начал куда-то вниз прятать это*. Ср. также чукотское слово-предложение *Тымынгынторкын* (*Я вынимаю руки*), где *ты* — ‘я’, *мынгы* — ‘руки’, *нто* — ‘выход’, *ркын* — ‘делание’ (букв. *Я — рука — вынимание*).

Инкорпоративный комплекс «не дан в языке, не воспроизводится подобно слову, а, как и словосочетание, конструируется в процессе речи. Инкорпорированные основы являются подвижными компонентами, количество и порядок следования которых переменны, каждый раз определяются контекстом речи»⁴². Специальные показатели связи между компонентами слова-предложения отсутствуют. К инкорпорированным языкам относятся многие языки индейцев Северной Америки, а также чукотско-камчатские языки (чукотский, камчадалский, или ительменский, корякский, алюторский).

В большинстве чукотско-камчатских языков инкорпорирование служит для выражения атрибутивных отношений. В форму главного члена включается (инкорпорировается) основа зависимого компонента словосочетания. Компоненты инкорпоративного комплекса при этом могут испытывать воздействие сингармонизма; см., например, следующие словосочетания в корякском языке: *майны-в'ала-та* ‘большим ножом’, *гайки-майны-в'ала-та* ‘с большим ножом’, *эв'лы-в'ала-та* ‘длинным ножом’, *гайки-эв'лы-в'ала-та* ‘с длинным ножом’. В составе предложения сказуемое инкорпорировывает зависимый от него член: корякск. *В'эв-ачагато* — [Он] тайно смеялся.

§ 8. Словосочетание

На основе синтаксических связей слова объединяются в сочетания различных типов. Один из важнейших видов подобных сочетаний — **словосочетание**. Словосочетание — это семантико-грамматическое объединение двух или более самостоятельных слов, не входящих в

⁴¹ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. С. 29.

⁴² Скорик П. Я. К вопросу о границах слова (на материале чукотского языка) // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 240.

грамматическую основу предложения. Это объединение оформляется при помощи одного из видов подчинительной связи — согласования (*холодное лето*), управления (*думать об экзаменах*), примыкания (*тихо говорить*).

Словосочетания относятся к докоммуникативному уровню синтаксиса. Как и слово, это номинативная единица: словосочетания служат для развернутого, детализированного выражения эйдоса и его смысловых энергий, ср.: *яблоко — спелое яблоко, любить — сильно любить*.

Словосочетание занимает промежуточное место между словом и предложением, оно служит строительным материалом для предложения и выделяется из него при синтаксическом анализе. Как синтаксическая единица, вычленяемая в рамках предложения, словосочетание представляет собой или распространение одного из членов предложения, или сочетание двух или более членов предложения, не входящих в его грамматическую основу. Так, во фразе *Пью медленно медвяный солнца свет* (Вяч. Иванов) выделяется три простых словосочетания: *пью медленно* — результат распространения глагольного сказуемого, *солнца свет* и *свет медвяный* — результат распространения прямого дополнения *свет*.

По-разному решается вопрос о границах словосочетания. Многие лингвисты включают в словосочетания как объединение слов на основе подчинительной связи, так и сочиненные ряды слов вроде *книги и журналы, собирать и разбрасывать, то смеяться, то плакать*. Однако такие сочетания нередко образуют открытый ряд, в них не различаются главный и зависимый компонент, они, как правило, объединяют слова, обозначающие объекты, принадлежащие к одному классу, или семантически сходные признаки; поэтому традиционно к словосочетаниям относят только объединения слов на основе подчинительной связи. Подчинительная связь значительно более разнородна и разнообразна, чем сочинительная, и в ее реализации большую роль играют лексико-грамматические факторы.

Подчинительная связь возникает на основе валентности. Сочетаемость слов обусловлена их значением и грамматическими особенностями. Соответственно различают грамматическую и семантическую сочетаемость. Грамматическая сочетаемость определяется способностью той или иной части речи сочетаться со словами других частей речи. Например, русское существительное сочетается с прилагательным и распространяется им, во французском языке существительное не сочетается с наречием. Семантическая сочетаемость предполагает возможность распространения одного слова другим в соответствии с их значениями. Например, существительное *идея* сочетается с прилагательными *великая, интересная, замечательная, конструктивная, безумная*, однако невозможны словосочетания **квадратная идея, *синяя идея*,

*гречневая идея. Глаголы речи, мысли и восприятия требуют распространения словами, называющими объект речи, мысли и восприятия: *Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви* (Пушкин). Впрочем, в лексической сочетаемости немало таинственного и недостаточно изученного, более того, внешне нелогичного и непонятного, обусловленного иррациональным своеобразием национальных языков; так, по-русски можно сказать *сидеть на проводах* (о птицах), но почему-то нельзя сказать *стоять на проводах*; можно сказать *заядлый курильщик, отъявленный негодяй, жгучий брюнет, последняя сволочь, трескучий мороз, гробовое молчание*, но нельзя сказать **отъявленная сволочь, *заядлый брюнет, *жгучий негодяй* и т.п.; по-русски можно сказать *выпустить книгу*, а по-английски нельзя сказать **to launch a book*, только *to publish a book*.

Классификация словосочетаний строится с учетом: 1) количества компонентов, входящих в объединение; 2) части речи главного слова словосочетания; 3) характера смысловых отношений между компонентами.

1. По количеству компонентов различаются простые (двучленные) и сложные словосочетания, включающие большее число компонентов, ср.: *читать* → *книгу* — *читать* → *интересную* → *книгу*, франц. *lise* → *un livre* — *lise* → *un livre* → *français*; *рассказывать* → *сказку* — *тихо* ← *рассказывать* → *сказку*.

2. На основании принадлежности главного слова к той или иной части речи выделяются субстантивные (*новая книга*), глагольные (*ставить пьесу*), адъективные (*очень важный*), адвербиальные, или наречные (*чрезвычайно трудно*) и местоименные (*каждый из нас*) словосочетания.

3. По характеру смысловых отношений между компонентами различаются атрибутивные (определительные), объектные и обстоятельственные словосочетания.

Атрибутивные отношения — это отношения, при которых предмет характеризуется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства: *загородный дом, уютная квартира, платье из бархата, кофе по-турецки*.

Объектные отношения — это отношения между действием и тем предметом, на которое оно направлено: *писать стихи, выплавка стали, любить ближнего*.

Обстоятельственные отношения — это отношения, при которых признак действия или состояния характеризуется со стороны условий его проявления или со стороны его качества (меры, интенсивности): *отдыхать в лесу, вставать на рассвете, слишком устать, очень быстро*.

Объектные, определительные и обстоятельственные отношения в свою очередь могут подразделяться на ряд частных значений. Например, обстоятельственные отношения объединяют качественно-

обстоятельственные, локальные (пространственные), временные, причинные, целевые, условные, уступительные значения, значения меры и степени.

Наряду с объектными, определительными и обстоятельственными отношениями как наиболее общими типами отношений выделяются **комплетивные** отношения, или отношения восполнения. Это общее название для достаточно широкого круга отношений, при которых один компонент словосочетания является информативно недостаточным и обязательно требует смыслового восполнения другим: *слыть чудачком, считаться оригиналом, оказаться трусом*, франц. *passer pour un poète*.

Выделенные отношения далеко не всегда проявляются в «чистом» виде, они постоянно взаимодействуют, накладываясь друг на друга; так, например, в словосочетании *поехать за ягодами* совмещаются объектные и обстоятельственные (целевые) отношения.

Словосочетания в каждом языке строятся по определенным, характерным для него моделям, при этом «синтаксические приемы зависят от морфологической структуры языка и изменяются вместе с ней»⁴³. Сравним, например, субстантивные словосочетания в английском и русском языках. Для русского языка одним из признаков таких словосочетаний является согласование: *белый парус, белое платье, белая сирень*. Для современного английского языка согласование в роде, числе и падеже не служит типологическим признаком, так как в этом языке у существительных и прилагательных не представлена категория падежа и категория рода.

Словосочетание представляет собой единицу низшего уровня синтаксической системы. Наряду со словоформами — минимальными синтаксическими единицами — они участвуют в организации предложения.

§ 9. Общая характеристика предложения. Предикация и предикативность

Предложение — важнейшая синтаксическая единица, более того, это основная единица коммуникации вообще. Предложение можно определить как синтаксическую коммуникативную единицу, сообщающую информацию и имеющую интонационное оформление. Интерес к предложению проявился уже в античности, что было связано с логическим анализом высказываний. Первыми синтаксическими операциями были: 1) классификация предложений по цели высказывания (Аристотель, например, различал повествование и побуждение и противопоставлял отрицание и утверждение; Протагор в V веке до н.э. разграничивал вопрос, ответ, поручение и просьбу); 2) расчленение предложения и выделение

⁴³ Ярцева В. Н. Исторический синтаксис английского языка. М.; Л., 1961. С. 16.

двух его основных частей: так, Платон и его последователи выделяли в предложении имя и глагол, которые представляли собой языковую форму выражения субъекта и предиката; 3) выделение различных отношений между частями сложного предложения (периода): так, уже стоики разграничивали каузальные (причинные), условные, соединительные и др. отношения.

Вплоть до конца XIX века предложение изучалось в связи с основными категориями логики, связь со способами выражения мысли отражалась во всех определениях предложения (см., например, определение М.В. Ломоносова: предложение — «речь, полный разум в себе содержащая»). Классическая (Аристотелева) логика разработала учение об атрибутивном суждении, в котором выделяются два основных члена — субъект и предикат, связанные определенными отношениями: *S есть (или не есть) P*, при этом предикат (*P*) есть то, что высказывается о субъекте (*S*). В логике отношений, получившей развитие в конце XIX — начале XX века, основу суждения составляет совокупность субстанций, связанных каким-либо отношением. Формула такого суждения: *aRbc*, где *R* — предикат, *a, b, c* — предикатные имена, называющие субъект и объекты: *Старик (S) ловил (R) неводом (O — instrument) рыбу (O)*. Простое предложение, соответственно, рассматривалось, как языковое выражение суждения.

Однако предложение, хотя и выражает ту или иную мысль говорящего, оформляя ее в слове, не тождественно суждению; подобно тому как слово может быть использовано для выражения понятия, но само понятием не является, предложение может быть использовано для выражения суждений и умозаключений, но по своей языковой природе не является ни суждением, ни умозаключением. «Структура предложения и участие в предложении его членов, — писал А.Ф. Лосев, — имеет единственным назначением только быть орудием общения, то есть выбирать из действительности то, что нужно для данного сообщения»⁴⁴. Предложение не есть образ и «кусочек действительности», это *понимание* действительности «с той или иной точки зрения и сообщение этого понимания другому сознанию»⁴⁵. Таким образом, предложение есть не столько выражение суждения, сколько акт его интерпретации с точки зрения говорящего, предполагающий воздействие на адресата речи и сообщение ему определенной информации. Именно в предложении наиболее ярко выражается принцип языковой сигнификации. «Языковая сигнификация есть принцип 1) непосредственной действительности мысли, когда мысль, 2) являясь отражением реальной действительности, становится

⁴⁴ Лосев А. Ф. Языковая структура. М., 1983. С.204.

⁴⁵ Там же. С.205.

уже 3) новой специфической смыслоразличительной моделью, а действительность оказывается 4) порожденной этой моделью новой системой уже не просто реальных, но 5) интерпретирующе — 6) коммуникативных и 7) предизирующе — 8) контекстуальных отношений, получающих для себя иное выражение в связи со своими бесконечно разнообразными 9) позитивно-негативными функциями»⁴⁶. Рассмотрим, например, предложение *Роняет лес багряный свой убор* (А. Пушкин). Ситуация, в нем отображенная, — листопад осенью. Ее обозначением могут служить разные предложения: *Листопад в лесу. Падают в лесу багряные листья. Лес теряет листву* и др. Суждение о лесе — *лес теряет листья* — в поэтической речи интерпретируется следующим образом: как активно действующий субъект предстает лес, уподобляющийся живому существу (*роняет*), метафоричен и объект действия — *убор*. Ситуация эта осмысливается как реальный процесс, протекающий в настоящем времени и воспринимаемый конкретным наблюдателем (см. порядок слов в рассматриваемом предложении). При этом происходит, как мы видим, преобразование изображаемой поэтом действительности: предложение устанавливает «новую систему отношений», которая обогащается за счет различных «приращений смысла» и выражает авторские оценки, то есть выполняет «позитивно-негативные функции». Заметим, что рассматриваемое предложение в письменном тексте дает возможность его читателю выбрать одну из интерпретаций образа леса и приписать предмету определенную смысловую содержательность; сравним:

*Роняет лес / багряный свой убор;
Роняет лес багряный / свой убор.*

Если отвлечься от интерпретации рассматриваемого предложения в составе поэтического текста, то в нем можно увидеть общий признак любого предложения как коммуникативной единицы: предложение служит для передачи от говорящего к слушающему определенной информации. Для этого в сознании адресата речи возбуждается один из известных ему и соответственно хранящихся в его памяти образов (в нашем примере это лес), с этим образом связывается другой, новый для слушающего образ. В результате их связи исходный образ существенно обогащается и обновляется. Любая коммуникативная единица поэтому состоит из двух частей: первая часть — предмет высказывания (им может быть и сам говорящий), именно она служит для возбуждения исходного образа у адресата речи; вторая часть приписывает предмету высказывания какой-либо новый признак; например: *Экзамен по русскому языку (S) / состоится в четверг (P)*. Деление предложения на эти две части определяется

⁴⁶ Там же. С. 151.

ситуацией общения (или контекстом). Чтобы выяснить состав этих частей, следует задать вопрос, реальным ответом на который и служит данное предложение. Первая часть предложения (S) всегда содержится в вопросе, реальном или подразумеваемом: Когда состоится экзамен по русскому языку? Вторая часть предложения (P) является ответом на этот вопрос: Экзамен по русскому языку состоится в четверг. (В коммуникативном синтаксисе эти две части принято называть терминами «тема» — T и «рема» — R, о чем см. ниже.) Таким образом, в основе предложения лежит акт предикации (от латинского *praedicatio* — высказывание) — высказывания о предмете мысли, исходном образе и его истолкования. **Предикация** есть акт соединения независимых предметов мысли, выраженных самостоятельными словами, для отображения и интерпретации в языке события, ситуации действительности.

Понятие предикации было введено еще в античности: стоики, например, использовали для этого понятие «лектон»: лектон не является ни истиной, ни ложью, но может соответствовать и тому и другому, в зависимости от соотношения с действительностью⁴⁷. Средневековой логике понятие предикации рассматривается уже как акт познания, результат которого — «внутреннее слово».

Предикация предполагает приписывание некоего признака предмету (субъекту): *S есть P*. Этот признак называется предикативным, или предикатом (от позднелатинского *praedicatum* — ‘сказанное’). Во многих языках этот термин был использован для обозначения главного члена предложения (в русском языке термин «сказуемое» является калькой с латинского *praedicatum*). Однако будет ошибкой отождествлять части предложения, связанные отношением предикации, с подлежащим и сказуемым. Подлежащее и сказуемое — это хотя и наиболее распространенный, но все же только один из возможных способов выражения предикации. Сравним личное и безличное предложения: *Я скучаю* и *Мне скучно*; в этих предложениях один и тот же субъект (*я, мне*) и один и тот же по значению предикат (*скучаю, скучно*), но в первом предложении они выражены в виде подлежащего и сказуемого, а во втором, так называемом «безличном» предложении, нет подлежащего. При тождестве предикации имеет место различие в ее грамматической интерпретации: в безличном предложении субъект выражен дательным падежом личного местоимения, то есть падежом адресата, вследствие чего скука истолковывается как некая сила, извне овладевшая субъектом; в личном же предложении скука есть сугубо внутреннее состояние лица. Подлежащее и сказуемое могут не совпадать и с темой и ремой. Бывают случаи, когда и подлежащее,

⁴⁷ См.: Лосев А. Ф. Учение о словесной предметности (лектон) в языкознании античных стоиков // Лосев А. Ф. Имя. СПб., 1997. С. 343—354.

и сказуемое относятся к теме предложения, тогда как ремой оказывается второстепенный член; если, например, предложение *Вася идет в школу* является ответом на вопрос *Куда идет Вася?*, то его актуальное членение будет таким: *Вася идет* (Т) *в школу* (Р).

Предикаты неоднородны. Различаются: 1) таксономические предикаты — предикаты, указывающие на вхождение предмета в класс: *Этот цветок — ландыш. Это дерево — дуб*; 2) характеризующие предикаты — предикаты, указывающие на устойчивые или преходящие, собственные или несобственные, динамичные или статичные признаки субъекта: *Он болеет. Он устал. Гарун бежал быстрее лани* (Лермонтов); 3) реляционные предикаты — предикаты, указывающие на отношение одной субстанции к другой: *Анна Ивановна — бабушка Тани*; 4) предикаты временной и пространственной локализации: *Занятия — вечером. Дом еще далеко. Сергей дома*. В результате предикации «слепо ползучему» предмету приписывается «определенная и уже не слепо ползучая смысловая содержательность»⁴⁸.

Всякое предложение, чтобы стать актуализированной единицей речи — высказыванием, должно характеризовать описываемый в нем факт по отношению ко времени сообщения и позиции говорящего, причем факт может быть квалифицирован как реальный или ирреальный; ср., например, предложения со сходным лексическим содержанием: *Принесли почту. — Скорей бы принесли почту. — Пусть принесут почту!* Поэтому важнейшим признаком предложения как синтаксической единицы является *предикативность*. По определению В.В.Виноградова, предикативность — это «отнесенность высказываемого содержания к реальной действительности, грамматически выражающаяся в категориях (синтаксических, а не только морфологических) модальности (наклонения), времени и лица»⁴⁹. Таким образом, предикативность — это актуализация сообщаемого, установление его связи с действительностью и ее интерпретация. Это создает единицу, способную активно участвовать в коммуникации и выразить сообщение. При этом совершенно не важно, является ли эта связь истинной или ложной. Так, предложение *Идет снег* содержит информацию, относящуюся к настоящему времени и осмысливаемую говорящим как истинная и реальная; однако точно так же осмысливается и интерпретируется информация в предложении *Идет рыбный дождь*.

Предикативность выражается в синтаксических категориях наклонения, времени и лица. Так, сообщение *Я вам пишу* интерпретируется как реально осуществляющееся в настоящем времени и связанное с действием самого говорящего. В предложении

⁴⁸ Лосев А. Ф. Языковая структура. С. 148.

⁴⁹ Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 227.

Help me to need no aid from men — Помоги мне не нуждаться в помощи людей (Kipling) выражается побуждение говорящего, не способное актуализироваться в определенном временном плане. Предикативность, таким образом, есть грамматическое выражение предикации. Если предикация (в широком смысле) устанавливает связь предмета и признака, то предикативность устанавливает связь сообщаемого в предложении с ситуацией в самом бытии. Иначе говоря, это комплекс модально-временных значений, соотносящих высказывание с ситуацией бытия. Важнейшей же формой выражения предикации является отношение между подлежащим, указывающим на предмет речи — мысли, и сказуемым, называющим предикативный признак. Сочетание подлежащего и сказуемого представляет собой предикативный минимум предложения, его грамматическую основу: *And the afternoon sleeps so peacefully* — И день спит так мирно (T.S. Eliot). *Снебит мороз увянувшее поле* (Пушкин). Возможны и такие предложения, в которых предикативный минимум представлен одним главным членом: *Морозит. Ночь. Смеркается*. В этом случае субъект явно, эксплицитно не выражен, но это не значит, что его нет в представлении говорящего; он размыт и его экспликация при помощи одного слова вызывает значительные трудности. В предложении *Ему холодно* тоже представлен один главный член; как уже говорилось, субъект выражен здесь не подлежащим, а дополнением со значением адресата для определенных интерпретативных целей.

Предложение может характеризоваться одной предикацией: *Слова и мелодии движутся только во времени*, но сравним: *Words move, move, music moves only in the time* — Слова движутся, мелодия движется только во времени (T.S. Eliot). Объединение нескольких предикаций в структуре одного предложения называется полипредикативностью. Основная форма его выражения — сложное предложение: *The days are sick and cold*¹, *and the skies are gray and old*² (Kipling). — Эти дни тусклы, больны¹, а туманы холодны². Кроме того, в предложении могут использоваться инфинитивные, причастные, деепричастные обороты, обособленные субстантивные конструкции, которые характеризуются полупредикативностью: *Words, after speech, reach into the silence* (T.S. Eliot) — Слова, *отзвучав*, достигают безмолвия. В этих оборотах отсутствует самостоятельное выражение категорий наклонения, времени и лица, и эти значения устанавливаются на основе связи с основной предикацией предложения: *Отдохнув, мы начали заниматься*; ср.: *Когда мы отдохнули, мы начали заниматься*.

Выражение предикации может свертываться. Свернутая предикативность в русском языке передается обычно существительным с процессуальной семантикой, которое может быть развернуто в самостоятельное предложение. Сравним: *Его приезд нас обрадовал* — *То, что он приехал, нас обрадовало*.

§ 10. Основные аспекты предложения

Предложение — многоаспектная единица. При его рассмотрении учитываются логический, структурный, семантический и коммуникативный аспекты. В **логическом аспекте** предложение сопоставляется со структурой суждения — формой мысли, в которой что-либо утверждается или отрицается относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений. Эта логическая структура в целях коммуникации подвергается тому или иному истолкованию, в связи с чем основным аспектом предложения выступает коммуникативный аспект.

В **коммуникативном аспекте** предложение рассматривается прежде всего как носитель актуальной для говорящего информации, ради сообщения которой он и высказывается. Как же определить, что именно хотел сообщить говорящий, для чего он построил это высказывание, иначе говоря, каково его **коммуникативное назначение**? Как уже отмечалось, в коммуникативном плане предложение бинарно (двучленно): в нем выделяются два компонента — **тема (Т)**, то есть исходный пункт высказывания, содержащий уже известную слушателю информацию, и **рема (R)**, то есть сообщение о теме, та новая информация, ради сообщения которой и предпринимается высказывание. Рема есть ответ на действительный или подразумеваемый вопрос о теме предложения. Именно на рему всегда распространяется отрицание. Ср.: *Мы едем в Вологду.* — *Мы не едем в Вологду*; *Он стоял в толпе* — *Он стоял не в толпе, а на углу улицы*. Коммуникативная организация предложения, основанная на выделении в нем темы и ремы, называется **актуальным членением**. Этот термин принадлежит чешскому ученому Вилему Матезиусу, который связал деление предложения на два компонента со средствами выражения темы и ремы, прежде всего с порядком слов. Поскольку информация представляет сообщение слушателю неизвестного об уже известном ему, рема обычно следует за темой. Это **нейтральный** порядок слов. Если же рема предшествует теме, возникает **эмфатический (эмотивный)** порядок слов: *Чуден (R) Днепр (T) при тихой погоде* (Гоголь). Изменение нейтрального порядка слов называется **инверсией**.

В диалоге в ситуации непосредственного общения тема может вообще опускаться, в неполных предложениях выражается только рема; — *Что вы сейчас читаете?* — *Роман Шмелева*.

Важнейшими средствами актуального членения служат интонация, порядок слов, указательные и личные местоимения, частицы, повторы. Например, в русском языке частицы *именно, только, лишь, как раз* и др. выделяют рему. Кроме того, в языках существуют особые эмфатические конструкции для выделения, акцентирования темы:

русское: *что касается..., то... ; что до..., то...;*
 французское: *c'est...qui (que); c'est vous que je aime;*
 английское: *It is John has come.*

Вкоммуникативном плане предложения делятся на расчлененные на тему и рему и нерасчлененные высказывания, представляющие тему и рему слитно; ср., например:

T R: *Пьер (T) был неуклюж (R); В лесу (T) неожиданно тихо (R);*
 (T)R (T)R: *Тишина и запустение;*
 (T)R: *Идет дождь.*

Впоследних двух предложениях весь лексический состав выражает собой одновременно и тему, и рему, следовательно, это нерасчлененные высказывания. Коммуникативно нерасчлененные высказывания обычно сообщают о наличии предмета, бытии целостного факта или события. Так, в предложении *Пожар!* о теме *пожар* сообщается, что он имеет место в действительности, иначе говоря, тема *пожар* интерпретируется как факт, действительное событие, наличное бытие, что и является ремой этого предложения.

В семантическом аспекте предложение рассматривается как обозначение и истолкование определенной ситуации. Члены предложения указывают на роль отдельных элементов ситуации в данном событии. Каждое предложение, как уже отмечалось, тем или иным образом интерпретирует действительность; его содержанием является как обозначение лиц, предметов, явлений, признаков, так и мысли говорящего об этом. Предложение и именуется определенное «положение дел» в мире, и оценивает его; информация об объективной действительности сочетается с информацией субъективной — информацией, связанной с позицией говорящего и моментом общения. В семантическом синтаксисе различаются соответственно объективные и субъективные моменты смысла. Первые обозначаются термином **диктум**, вторые — термином **модус**. Рассмотрим предложение *Кажется, кто-то пришел*. Вводно-модальное слово *кажется* выражает сомнение говорящего в достоверности сообщаемого. Это модус высказывания, тогда как остальная часть представляет собой диктум.

Диктумная часть предложения, по определению выдающегося французского лингвиста Л. Теньера, — «драма в миниатюре». Кроме главного участника этой «драмы» — предиката, обозначающего действие или состояние, в ней выделяются его распространители субъектно-объектного типа — актанты (субъект, объект, адресат, инструмент) и обстоятельства — сирконстанты. Так, в предложении *Старик ловил неводом рыбу* различаются такие актанты, как субъект (*старик*), объект (*рыбу*) и инструмент (*неводом*). В русской грамматической традиции, как уже отмечалось, актанты соответствуют подлежащему и дополнению, сирконстанты — обстоятельствам.

Модусные смыслы предложения весьма разнообразны и могут включать в себя оценки говорящего (*Хорошо, что он наконец приехал. Плохо, что вы узнали об этом так рано*), квалификацию источника сообщаемой информации (*по сообщению ученых, по нашему мнению, по словам Анны, как утверждают специалисты* и т.п.), выражение уверенности / неуверенности говорящего в достоверности сообщаемой информации (*кажется, наверное, может быть, очевидно, конечно, действительно* и т.п.). Таким образом, модус выражается разнообразными языковыми средствами. В отличие от диктума, модус может не быть выраженным в предложении прямо, в этом случае он проявляется имплицитно. Так, например, в предложении *Что за сказки!* можно увидеть и положительную, и отрицательную оценку, которая выражается не вербально (словесно), а интонационно.

В структурном аспекте предложение рассматривается в самом себе, безотносительно к форме мысли или отображенной ситуации, при этом выявляются формальные признаки его организации — способы выражения главных членов — и определяется модель предложения. Модель — это образец построения предложения, его структурная схема. При анализе структуры предложения и определении его модели мы отвлекаемся от конкретного лексического наполнения, интонации, порядка слов, наконец, от контекста, в котором предложение употреблено. Важны только те компоненты, которые формируют его грамматическую основу (предикативный минимум). При записи модели предложения учитываются морфологические способы выражения предикативного минимума и используются следующие символы: N_1 — именительный падеж существительного или местоимения (цифры при символе N означают конкретную падежную форму); V_f — спрягаемая форма глагола; Inf — инфинитив; Adj — прилагательное; Adv — наречие; $Pron$ — местоимение; Neg — отрицание. Рассмотрим структуру предложений: 1) *Мальчик читает*; 2) *Жизнь прожить — не поле перейти*; 3) *Ночь тиха*; 4) *Москва — столица России*. Они построены по следующим моделям: 1) $N_1 V_f$; 2) $Inf Neg Inf$; 3) $N_1 Adj$; 4) $N_1 N_1$. По этим же моделям могут быть построены и другие предложения уже с иным лексическим наполнением. Сравним, например, предложения: *Светило солнце, Я ищу правды, Сдал бы ты, наконец, экзамен, Он хотел бы вернуться в деревню, С этим докладом выступит известный ученый*. При всем разнообразии их лексического наполнения, способов оформления подлежащего и сказуемого, различии временных и модальных планов сказуемых эти предложения построены по одной и той же модели (схеме) — $N_1 V_f$.

Л и т е р а т у р а

- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Виноградов В. В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Крылова О. А.* Коммуникативный синтаксис русского языка. М., 1992.
- Лосев А. Ф.* Языковая структура. М., 1983.
- Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М., 1997.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. М.— Вена, 1998.
- Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М., 1978.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Части речи. Теория и типология. М., 1990.
- Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Глава 5

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

§ 1. Предмет лингвистической типологии

Сопоставляя различные языки, мы часто обнаруживаем структурное сходство не только у родственных языков, но и у языков, которые такими не являются. В то же время могут наблюдаться и значительные расхождения в структуре родственных языков (см., например, отсутствие категории падежа существительных в таком славянском языке, как болгарский). Изучение сходств и различий между языками, выявление причин, их вызывающих, — предмет особой лингвистической науки — **лингвистической типологии**, которая исследует степень структурной близости языков независимо от их родства.

«Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними, — писал И.А. Бодуэн де Куртенэ. — Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу и исторически и географически. С этой точки зрения мы можем сравнивать ...— развитие языков славянских с развитием языков семитических, ...— развитие языка английского с развитием языка китайского и т.д.»¹ Лингвистическая типология определяет наиболее существенные и наиболее специфические черты строя естественных языков и осуществляет их классификацию.

Центральное понятие лингвистической типологии — тип языка. Под типом языка обычно понимается его строй, при этом «понятие типа базируется не на всех свойствах данного языка, а на его основополагающих чертах. <...> Сопоставление типологических описаний языков дает основание для составления классификации, основанной на типологических характеристиках, причем выделяются группы языков, по структуре отличающиеся некоторыми общими закономерностями, и каждая такая группа

---

¹ Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т.1. М., 1963. С.371.

обозначается как тип»². Таким образом, **тип языка** — это, во-первых, существенные свойства строя конкретного языка; во-вторых, это общие закономерности структуры ряда языков, их объединяющие. Эти закономерности могут быть связаны с характером грамматических форм, способами выражения синтаксических отношений, наконец, с фонологическими особенностями языков.

Например, во всех тюркских языках обнаруживаются одни и те же признаки: 1) сингармонизм на фонетическом уровне; 2) однозначность и стандартность аффиксов; 3) последовательное нанизывание морфем в структуре слова: турецк. *okul* 'школа', *okul + lar* 'школы', *okullar + imir* 'наши школы', *okullarimir + da* 'в наших школах'; 4) отсутствие согласования как типа синтаксической связи; 5) позиция определения перед определяемым; 6) широкое использование развернутых членов предложения вместо придаточных. Эти признаки носят устойчивый характер и позволяют сравнивать тюркские языки как нечто цельное с другими языками.

§ 2. Из истории лингвистической типологии

Типология как наука начала развиваться почти одновременно со сравнительно-историческим языкознанием. В 1809 г. Фридрих Шлегель предложил первую общую типологическую классификацию языков. Познакомившись с санскритом, обладавшим богато развитой флективной системой, Ф. Шлегель, живо интересовавшийся культурой древней Индии, впервые обратил внимание на различия в грамматическом строе различных языков. Он предложил выделять языки, где грамматические значения выражаются в основном аффиксами (**аффиксирующие**), и языки, в которых грамматические значения выражаются при помощи флексий (**флективные**). К первой группе Ф. Шлегель отнес тюркские языки, китайский язык, полинезийские языки, ко второй — семитские, грузинский, французский языки. Ф. Шлегель исследовал только морфологию языков, и тип языка он понимал как ведущий способ выражения грамматических значений.

Его брат Август Шлегель (1767—1845 гг.) переработал эту классификационную систему: он выделил в особую группу китайский язык и языки Индокитая как языки «без грамматической структуры»: это языки, в которых флексия отсутствует, а грамматические отношения выражаются при помощи порядка слов. Таким образом, А. Шлегель выделил три класса языков: 1) языки флективные; 2) языки аффиксирующие; 3) языки «без грамматической структуры». Кроме того, А. Шлегель положил начало противопоставлению

² Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 517.

синтетизма и аналитизма, разделив флективные языки на языки с внутренней флексией и с внешней флексией. Немецкие романтики благоговели перед культурой Индии и Греции и «идеальными» языками признавали санскрит, древнегреческий и латинский. Соответственно, «высшим» типом языков они считали флективный, обладавший, с их точки зрения, особой «гибкостью». Признаки этого типа — широкое использование внутренней флексии, тесная связь частей слова, многозначность флексий, существование различных типов словоизменения в пределах одной части речи (см., например, санскрит).

Следующий шаг в развитии лингвистической типологии — классификация языков, предложенная великим немецким ученым Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767—1835 гг.). Именно В. Гумбольдт считается основоположником современной типологии языков. Опираясь в целом на классификацию А. Шлегеля, Гумбольдт уточнил критерий типологии языков и предложил исходить из особенностей использования того или иного типа частей слов (морфем). Он назвал языки «без грамматической структуры» изолирующими. К этому типу он отнес языки, не имеющие словоизменительных морфем; в особую группу Гумбольдт выделил языки американских индейцев, в которых слова объединяются в такие комплексы, как слова-предложения. Этот тип языков он назвал инкорпорирующим. Гумбольдт более глубоко, чем его предшественники, рассмотрел грамматический строй так называемых аффиксирующих языков и предложил выделять особый тип языков — **агглютинирующие (агглютинативные)** языки, т.е. «склеивающие» языки (*agglutinatio* — ‘склеиваю’). Для агглютинативных языков характерны следующие признаки: структура слов прозрачна, однозначные стандартные аффиксы следуют один за другим в определенной последовательности, границы морфем четко обозначены, на стыках морфем обычно не возникает звуковых изменений (варианты аффиксов, если они имеются, связаны с сингармонизмом). Рассмотрим следующий пример: кирг. *аталарымызда* ‘у наших отцов’. К имени *ата* ‘отец’ присоединяется показатель мн. числа *лар*, затем притяжательный аффикс *ым*, затем показатель падежа. Все аффиксы однозначны, спайки их в структуре слова не наблюдается. Ср. также эвенкийское предложение, в котором совмещаются элементы инкорпорации и агглютинации, — *Сукэдэвкенмудээрэн*, где *сукэ* — корень слова ‘топор’, *сукэдэ* — производная глагольная основа ‘ударить топором’, *сукэдэвкен* — каузативная основа ‘заставить ударить топором’, *сукэдэвкенму* — оптативная основа ‘хотеть заставить ударить топором’, *сукэдэвкенмудзе* — ‘несовершенный вид’, *сукэдэвкенмудээрэ* — ‘настоящее несовершенное время’, *н* — суффикс 3-го лица ед. ч.; в

целом это предложение можно перевести так: *Он хочет заставить (кого-то) ударить топором*³.

Таким образом, Вильгельм фон Гумбольдт выделил четыре основных типа языков: **флективные, агглютинативные, изолирующие, инкорпорирующие**. Эта классификация до сих пор используется в лингвистике. Причину существования разных языковых типов Гумбольдт видел в особенностях национальной психологии. «Различия в характере языков лучше всего проявляются в состоянии духа и в способе мышления и восприятия»⁴, — писал он. «Каждый язык целокупно представляет человеческий дух, но так как на каждом языке говорит определенная нация и каждый из них обладает определенным характером, то этот дух представлен лишь с одной стороны»⁵. С точки зрения Гумбольдта, сопоставление типов языков помогает проследить «духовный прогресс человечества». Тип языка ученый связывал с определенным этапом его развития: по его мнению, все языки «движутся» от изолирующего состояния к флективному, которое он считал вершиной языкового творчества, «венцом» языкового развития: «В сравнении с инкорпорированием и с приемом нанизывания слов, лишенных внутри себя подлинного единства, флективный метод предстает гениальным началом, порождением верной языковой интуиции. В самом деле, пока инкорпорирующие и изолирующие языки мучительно селятся соединить разрозненные элементы в предложение или же сразу представляют предложение связным и цельным, флективный язык непосредственно маркирует каждый элемент языка сообразно выражаемой им части внутри смыслового целого и по самой своей природе не допускает, чтобы эта отнесенность к цельной мысли была отделена в речи от отдельного слова»⁶. В то же время Гумбольдт впервые показал, что типы языков не имеют жестких, незыблемых границ; «чистый» тип — это идеал, к которому язык стремится, но которого не достигает.

Несколько позже другой немецкий лингвист Август Шлейхер (1821—1868 гг.) сделал попытку уточнить классификацию В. Гумбольдта. Он стремился охватить максимальное число особенностей морфологического строя языков мира. Свою классификацию А. Шлейхер назвал морфологической. Автор теории родственного древа, представитель биологического направления в языкознании, он считал, что типы языков отражают три основные ступени развития языка, подобно тому как происходит развитие в природе — кристалл — растение — животное. А. Шлейхер впервые

³ См.: Суник О. П. К типологической характеристике языков тунгусо-маньчжурской группы // Вопросы языкознания, 1957, № 6. С. 3—4.

⁴ Вильгельм фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 380.

⁵ Там же. С. 364.

⁶ Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 160.

применил символы для обозначения компонентов структуры слова и классификации языков. Так, буквой *A* он обозначил чистый корень, сочетанием *A'* — служебное слово; буквой *a* после *A* обозначался суффикс, буква *a* перед *A* символизировала префикс. Шлейхер предложил формулы для разных типов языков. Например: *A* — изолирующие языки; *Aa* — агглютинативные языки; *Aa — A'* — индоевропейские языки аналитического типа.

Итак, ко второй половине XIX века сложилась морфологическая классификация языков, языковой тип при этом понимался преимущественно как доминирующее свойство морфологической структуры языка, а морфологическая структура слова рассматривалась как единственный критерий классификации языков. В результате морфологической классификации были выделены следующие типы языков.

1. Изолирующий, или аморфный, тип: для языков этого типа характерны неизменяемость слова, значимый порядок слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных корней и слабо развитое словообразование. Примерами изолирующих языков могут служить вьетнамский, древнекитайский, йоруба (один из ква языков, распространенный в Нигерии, Того, Сьерра-Леоне). Эти языки «складывают предложение из жестких неизменяемых корневых слов. <...> Строить единство предложения помогают рассудку только нефонетические средства, как, например, место слов в предложении или особые ...тоже изолированные слова»⁷.

2. Агглютинирующий тип: для языков этого типа характерны сильно развитое словообразование, словоизменятельная аффиксация, однозначность аффиксов и слабая связь между морфемами, проявляющаяся в отсутствии фонетических изменений на стыке морфем. К агглютинативным языкам относятся уральские (финно-угорские и самодийские), алтайские языки (тюркские, монгольские), языки банту (подгруппа бенуэ-конголезских языков).

3. Инкорпорирующий тип: для языков этого типа характерно использование особых комплексов — слов-предложений, включающих в состав глагольных форм имя объекта, обстоятельство действия, иногда и имя субъекта. Грамматические значения выражаются в составе слова, которое характеризуется длинной последовательностью морфем. К инкорпорирующим языкам относятся некоторые палеоазиатские языки и языки индейцев Америки.

4. Флективный тип: для языков этого типа характерны четкое противопоставление частей речи, широкое использование словоизменения, многозначность морфем, их тесная спайка вплоть до наложения, наличие позиционно необусловленных фонетических изменений в составе морфем, использование внутренней или внешней флексии. Примером флективного языка может служить, например, русский язык.

⁷ Там же. С. 144.

§ 3. Морфологическая типология языков в XX веке

Постепенное развитие науки о языке заставило ученых изменить свой подход к проблемам типологии: возникла тенденция строить классификацию языков на основе перекрещивающихся признаков. Опыт такой многомерной классификации представлен в работах американского ученого Э.Сепира (1884—1939 гг.). Э.Сепир подверг резкой критике традиционную морфологическую классификацию языков, разработанную в первой половине XIX века: с его точки зрения, это деление учитывало только технику построения слов и носило внешний характер. Кроме того, Э.Сепир отверг эволюционистский характер этой типологии, основанной на движении от «примитивных», «низших» типов к «высшему» — флективному. «Лингвист, настаивающий на том, что латинский морфологический тип <...> знаменует наивысший уровень языкового развития, уподобляется тому зоологу, который стал бы рассматривать весь органический мир, как некий гигантский заговор для выращивания скаковой лошади или джерсейской коровы, — писал Сепир. — Если мы стремимся понять язык в его истинной сущности, мы должны очистить наш ум от предвзятых «оценок» и приучить себя взирать на языки английский и готтентотский с одинаково холодным, хотя и заинтересованным беспристрастием»⁸. Ср. также: «Поборники флективных языков привыкли гордиться даже иррациональностями латинского и греческого языков <...>. Между тем, трезвая логика турецкого или китайского языков оставляет их равнодушными. К великолепным иррациональностям и формальным сложностям многих «диких» языков у них сердце не лежит»⁹. Для построения типологии языков Сепир выдвинул несколько критериев.

1. Техника объединения морфем, т.е. степень спаянности корня и аффиксов. По этому признаку различаются **изолирующий тип**, не имеющий в чистом виде формальных элементов; **агглютинирующий тип** (присоединение аффиксов не вызывает изменений корневой морфемы); **фузионный тип** (аффиксы тесно сливаются с корнем) и **символический тип**, где корневая морфема обладает способностью изменяться внутренне (изменения гласных и согласных, изменение в ударении или тоне).

2. Степень синтеза, т.е. объединение в одном слове лексических и грамматических значений. На основе этого признака Сепир противопоставляет **аналитический** и **синтетический** типы языков, дополняя их третьим типом — **полисинтетическим**, для которого характерна еще большая степень синтетичности.

⁸ Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 120.

⁹ Там же. С. 119.

3. Наличие в языке чисто-реляционных (когда отношения выражаются не в самом слове, а порядком слов, служебными элементами, интонацией) и смешанно-реляционных отношений.

4. Характер процессов, с помощью которых происходит присоединение морфем: изоляция, агглютинация и фузия.

Применяя эти критерии, Э.Сепир предложил выделять четыре основных типа языков:

1. **Простые чисто-реляционные языки**, выражающие отношение в чистом виде, без помощи аффиксов (тибетский, эве, китайский);

2. **Сложные чисто-реляционные языки**, в которых синтаксические отношения выражаются в чистом виде, но при этом значение корневых морфем может модифицироваться, изменяться при помощи аффиксов или внутренних изменений (полинезийские языки);

3. **Простые смешанно-реляционные языки**, выражающие грамматические отношения с помощью фузии или агглютинации, а также в чистом виде (банту, французский); грамматические значения выражаются в них в «смешанной» форме;

4. **Сложные смешанно-реляционные языки**, обладающие способностью изменять значение корня посредством аффиксации или внутренних изменений (латинский, английский).

Принципиально новым у Сепира было то, что он предлагал гибкую классификацию и рассматривал степень проявления каждого признака в том или ином языке, что позволило достаточно точно охарактеризовать каждый язык и показать совмещение в нем разных признаков. Каждый язык, таким образом, может получить комплексную характеристику, которая строится с учетом разных признаков. Например, русский язык — язык смешанно-реляционного типа, фузионный, синтетический; древнееврейский — сложный смешанно-реляционный язык, символично-фузионный, синтетический; китайский — простой чисто-реляционный, изолирующий, аналитический. Многоаспектность критериев позволила Сепиру выделить большое количество частных типов в рамках общего типа языка.

Дальнейшее развитие морфологическая типология, разработанная Э.Сепиром, нашла в работах американского исследователя Джозефа Гринберга, который предложил использовать количественные показатели для определения типа языка. Свой метод Д. Гринберг назвал методом индексирования, или квантитативным методом. Свои вычисления он провел на тексте, состоящем из 100 слов, с учетом нескольких параметров.

Первый параметр — общая сложность слова или степень синтеза. Она исчисляется по формуле M/W , где M — число морфем, а W — число слов. Отношение M/W называется индексом синтетичности. Исследования

показали, что для английского языка этот индекс колеблется между 1,62 и 1,45; для санскрита составляет 2,59; для эскимосского языка — 3,72; для русского он колеблется от 2,33 до 2,45. Языки с индексом ниже 2 относятся к аналитическим (вьетнамский, китайский, датский и др.), с индексом от 2 до 3 — к синтетическим (латинский, литовский, санскрит, русский и др.), языки с индексом выше 3 являются полисинтетическими (эскимосский, языки индейцев и др.).

Второй параметр — способы связи между морфемами. Они определяются по формуле A/J , где A — число конструкций, а J — число швов. Отношение A/J называется индексом агглютинации. Языки с высоким индексом агглютинации признаются агглютинативными, с низким — флективными.

Третий параметр — распространенность в языке словообразовательных и словоизменительных морфем. Принимая R равным числу корневых морфем, а W — общему числу слов, мы получаем отношение R/W — индекс деривации. Если же в тексте подсчитать все словообразовательные морфемы, то отношение R/W может рассматриваться как показатель словообразовательной активности языка.

Четвертый параметр — характеристика позиции аффиксов по отношению к корням. Отношение P/W является индексом префиксальности и показывает отношение числа приставок к числу слов; отношение S/W — индекс суффиксальности и показывает отношение числа суффиксов к числу слов. Префиксация, например, широко распространена в языках Африки: индекс ее в суахили составляет 1,16, т.е. приставок в тексте больше, чем слов, в то же время она дает нулевой индекс в таких языках, как эскимосский и якутский.

Таким образом, для определения типа языка активно стали применяться количественные показатели. Как мы видим, наиболее разработанной оказалась морфологическая типология языков, однако в XX веке стали предлагаться критерии и для синтаксической, и для фонологической типологии языков.

§ 4. Синтаксическая и фонологическая типологии языков

Синтаксическая типология языков была разработана академиком И. И. Мещаниновым (1883—1967 гг.). Основой для ее построения послужили способы выражения отношений между субъектом, объектом и предикатом. И. И. Мещанинов выделил три основных синтаксических типа языков.

1. Языки **пассивного строя**, в которых ни субъект, ни объект не получают никакого грамматического оформления и объединяются

в один комплекс, подчиненный ведущему компоненту. Глаголы в этих языках не делятся на переходные и непереходные. К этому типу относятся, например, инкорпорирующие языки индейцев Северной Америки и чукотский язык.

2. **Языки эргативного строя.** В этих языках глагол-сказуемое не только координируется с подлежащим, но и управляет им, что находит грамматическое выражение в постановке подлежащего в эргативном падеже, если глагол переходный, и в абсолютном, если глагол непереходный. К языкам эргативного строя относятся баскский, аварский и др. языки.

3. **Языки номинативного строя,** для которых характерно употребление именительного падежа (номинатива) в позиции подлежащего независимо от того, является ли глагол-сказуемое переходным или непереходным. К языкам номинативного строя относятся индоевропейские, монгольские, финно-угорские языки.

Различия между номинативными и эргативными языками отражают различия в «картине мира». В номинативных языках одинаково интерпретируются ситуации, результатом которых является изменение объекта, и ситуации, результативность которых не выражена. Ср.: *Охотник ранил оленя. — Охотник отдыхает.* В эргативных языках особо выделяются именно ситуации результативного действия, а «ситуация-состояние, возникшая в результате действия, приравнивается к ситуации-состоянию, которая не трактуется как причинно-обусловленный результат некоторого действия. Можно сказать, что отождествляются ситуации типа ‘охотник спит’ и ‘олень мертв — потому что — убит — охотником’»¹⁰.

Для синтаксической типологии языков предлагались и другие критерии, например, свободный / фиксированный порядок слов, препозиция / постпозиция определения в именной группе, особенности порядка слов в предложении. Дж. Гринберг сделал попытку разработать типологию предложений, которую он назвал «типологией основного порядка». Наблюдения над структурой предложения в разных языках позволили ему положить в основу классификации такие признаки, как: 1) наличие предлогов и послелогов; 2) порядок следования подлежащего (S), сказуемого (P) и дополнения (O); 3) позиция определяющих слов. Гринберг рассмотрел 30 языков разного строя и выделил три ведущих порядка следования основных компонентов:

1. S+P+O (см., например, английский, испанский, финский, суахили и др.);

¹⁰ Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. М., 1996. С. 242—243.

2. S+O+P (японский, турецкий, хинди, персидский и др.);

3. P+S+O (арабский, ирландский, уэльский и др.).

Учет других критериев классификации позволяет противопоставить языки по признаку фиксированности порядка слов или по признаку позиции определения. Так, например, русский язык — язык со свободным порядком слов, для китайского языка значима последовательность компонентов. Различаются также языки, для которых характерна препозиция определяющего слова (английский, немецкий, тюркские языки), и языки, которые предпочитают постпозицию определяющего слова (см., например, индонезийский язык и большую часть малайско-полинезийских языков).

Менее разработанной до сих пор остается фонологическая типология языков. Наиболее распространенным критерием классификации служит роль гласных или согласных фонем в системе языка. В одних языках число согласных фонем ограничено, например, в языке самоа всего 9 согласных фонем, в то время как в абхазском их более 60. Языки, характеризующиеся разнообразием согласных фонем и относительно небольшим количеством гласных, получили название **консонантических** языков. К ним относятся, например, русский, арабский, польский. Языки, характеризующиеся разнообразием гласных фонем при сравнительно ограниченном количестве согласных, — **вокалические** языки. Это, например, словенский язык (21 согласная фонема при 18 гласных), сербохорватский язык (24 согласных фонемы и 18 гласных) и многие другие. В силу артикуляционно-физиологических причин гласных фонем в языках мира в целом меньше, чем согласных. Поэтому при определении фонологического типа языка учитываются средние показатели для гласных или согласных фонем, которые могут превышать в количественном отношении те или иные фонемы в конкретном языке. Например, в датском языке гласные, включая дифтонги, составляют 53,5 % от числа всех фонем. Это один из наиболее ярких примеров максимально вокалического языка, однако в среднем в языках этого типа количество гласных редко превышает 50 % от общего количества фонем; количество же согласных фонем в языках консонантического типа может составлять до 90 % от числа всех фонем.

Таким образом, в настоящее время при разработке типологии языков учитываются различные критерии, которые позволяют выявить черты сходства и различия на разных уровнях языковой системы.

Л и т е р а т у р а

- Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков. Л., 1979.
- Гак В. Г.* Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977.
- Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
- Вильгельм фон Гумбольдт.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
- Мещанинов И. И.* Агглютинация и инкорпорирование // Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.— Л., 1965.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1973.
- Сенир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Структурная типология языков. М., 1966.

Глава 6

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

Всякий национальный язык представляет собой совокупность нескольких разновидностей речевого общения — местных диалектов, литературного языка, социальных жаргонов. Единство национального языка обеспечивается постоянными элементами языковой системы, которые равно присутствуют во всех его разновидностях; разновидности национального языка характеризуются наличием подвижных элементов, которые могут иметь место в одной разновидности и отсутствовать в другой. При великом разнообразии подвижных элементов они никогда не играют решающей роли в языковом общении; напротив, именно постоянные элементы обеспечивают взаимопонимание людей, говорящих на данном национальном языке. Изучением тех или иных разновидностей языка занимаются такие разделы языкознания, как диалектология, теория литературного языка, социолингвистика.

§ 1. Территориальная дифференциация языка

Жители Гаскони и Бретани, Баварии и Швабии, Костромы и Пскова, осознавая несомненное единство французского, немецкого или русского языков, тем не менее столь же несомненно заметят и множество взаимных отличий в языке друг друга как в произношении, так и в грамматике и словаре. Таким образом, вполне самоочевидным фактом существования каждого национального языка является его разделение на множество местных разновидностей. Изучением местных разновидностей языка занимается особый раздел языкознания — диалектология. Для описания этих разновидностей в распоряжении диалектолога имеются такие понятия, как диалект, наречие, говор, а также изоглосса.

Говор — это самая мелкая местная разновидность национального языка; он реализуется в речи одного или нескольких близле-

жащих населенных пунктов. Совокупность говоров, обладающих общностью основных языковых черт, называется **группой говоров**.

Диалект — это территориальная разновидность языка, характеризующаяся единством фонетической, грамматической и лексической системы и используемая как средство общения на определенной территории. Для определения диалекта как части используются такие понятия, как диалектное различие и изоглосса. Различие — это языковая черта, которая противопоставляет один диалект другому; например, оканье (различие фонем <a> и <o> в безударной позиции: *вода* — *воды*) противопоставляет севернорусские говоры центральным и южно-русским, для которых характерно аканье (неразличие фонем <a> и <o> в безударной позиции: *вада* — *воды*).

Изоглосса — это линия на лингвистической карте, показывающая границы распространения того или иного диалектного различия; каждый диалект характеризуется совокупностью изоглосс, фиксирующих его своеобразные языковые черты и показывающие границы его распространения.

Наречие — самая крупная единица территориального членения языка, объединяющая несколько диалектов. Так, в XIX—начале XX века среди лингвистов было общепринятым считать, что русский язык состоит из четырех наречий: червонорусского, малорусского, белорусского и великорусского. После октябрьского переворота политический сепаратизм на территориях юго-западной России привел к возникновению языковых псевдоморфоз — украинского и белорусского языков. Мы называем их псевдоморфозами, потому что в действительности трудно найти тот пучок изоглосс, который отделял бы великорусское наречие от малорусского и белорусского. Границы между наречиями, диалектами и говорами обычно размыты, подвижны; изоглоссы, проведенные по карте, показывают, что по одному явлению граница проходит в одном месте, а по другому — в другом; вследствие этого в диалектологии принято выделять так называемые переходные говоры — говоры, заключающие в себе черты одновременно двухграничащих диалектов.

Источниками сведений о диалектах являются, главным образом, непосредственные записи живой речи носителей говора — сельских жителей той или иной местности. Жители городов под воздействием радио, телевидения, школьного обучения быстро утрачивают естественно приобретенные навыки диалектной речи, которая присутствует у них в виде остатков. До появления аудиотехники записи велись при помощи специальной транскрипции, что требовало от диалектолога высокой профессиональной подготовки; сейчас речь местных жителей записывается на магнитофон, а затем расшифровывается и анализируется. В некоторых научных центрах, например, в Институте русского языка РАН, Кабинете

диалектологии МГУ, в областных университетах и педвузах, имеются богатейшие фонотеки диалектной речи.

Кроме непосредственных записей, источниками диалектологических сведений являются памятники письменности, которые позволяют изучать диалекты в историческом аспекте. По отношению к мертвым языкам памятники письменности являются единственным источником сведений об их диалектном членении. Естественно, что в памятниках письменности, написанных на том или ином литературном языке, диалектные особенности отражаются далеко не в полном объеме.

Диалектология как наука ставит перед собой следующие задачи: определить, существует ли данный диалект; если существует, то определить совокупность его языковых особенностей и границы его распространения; определить историю его формирования.

Промежуточным итогом работы диалектологов и одновременно мощным инструментом для обобщающих теоретических и исторических работ в этой области являются диалектологические атласы.

В основу лингвистических атласов немецкого лингвиста Г. Венкера (1852 — 1911) и француза Ж. Жильерона (1854 — 1926) положены лексические признаки. Их атласы показывают распространение тех или иных слов по территории Германии или Франции. Эти ученые разрушили старое представление о четких границах диалектов и выработали понятие изоглоссы.

В русской науке задачу составления диалектологических карт поставил в середине прошлого века И. И. Срезневский, который писал: «Первой принадлежностью лингвистической географии должна быть карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов»¹. В 1903 г. была организована Московская диалектологическая комиссия, в которую входили А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков и др. Комиссией была создана «Программа для собирания особенностей великорусских говоров», разосланная во все концы Российской империи. С мест, главным образом от учителей, врачей и священнослужителей, стали поступать ответы на вопросы «Программы», на основе которых в 1915 г. был создан «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», в котором были обозначены границы двух основных диалектов великорусского наречия — северновеликорусский и южновеликорусский, между которыми располагались переходные средневеликорусские говоры. В основу деления были положены фонетические признаки:

---

¹ Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского Русского географического общества. Ч. I, кн. I. СПб., 1851. С. 4.

северновеликорусские — оканье, взрывной [z], окончание глагола 3 л. наст. вр. *-т* и южновеликорусские — аканье, фрикативный [g], окончание *-ть* и ряд других. Объектом поисков в этом «Опыте» были диалекты и говоры как некие языковые образования с устойчивыми границами, однако многие видные лингвисты — А.И.Соболевский, И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.М.Каринский, — опираясь на свой опыт и опыт зарубежных коллег (например, на «Лингвистический атлас Франции», составленный Ж.Жильероном), указывали, что таких определенных границ между говорами не существует и что вследствие этого необходима не карта, а атлас диалектных изоглосс, показывающих распространение того или иного языкового явления: взрывного и фрикативного *z*, формы род.п.ед.ч.ж.р.у *мамы* — *у маме* — *у мами*, формы тв.п.мн.ч.сущ. 1 и 2 склонения *за домами* — *за домамы* — *за домам*, лексем *бушма* — *букла* — *грыза* — *калика* — *голанка* — *грухва* ‘брюква’ и т.д. Грандиозная по масштабам работа по созданию диалектологического атласа русского языка началась с конца сороковых годов под руководством Р.И.Аванесова. В 1957 г. был опубликован «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы», в котором картографировано около пятой части всех обследованных территорий.

Диалектология теснейшим образом связана с такими науками, как история языка, этнография, история народа.

Историки языка всегда обращаются к данным современных диалектов, поскольку в них в силу неравномерности развития нередко сохраняются архаичные элементы фонетического и грамматического строя, которые могут быть использованы при объяснении истории звуков и форм. Так, история звука, обозначавшегося буквой э, восстанавливается как на основе памятников письменности, в которых на месте этимологического *ý* писались буква *â* и *è*, так и на основе данных современных говоров: звук [м] (*ý*) в ростово-суздальских и связанных с ними генетически северо-восточных говорах перешел в [e], тогда как в новгородских через ступень дифтонга [ие] — в [и]; этот переход начался в XIV в.²

Данные диалектологии служат ценным материалом для истории народа, ибо современные границы диалектов позволяют с большей или меньшей степенью вероятности восстановить границы, разделявшие древние племена, а затем различные феодальные области³.

Этнографов и историков народной культуры интересует прежде всего диалектная лексика, в которой выражается хозяйственный быт и нравы народа, его мировоззрение.

² См.: Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. Ч. 1—2. СПб., 1903. С. 83—90.

³ См.: Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ, 1947, № 9. С. 109—158.

Основные тематические группы диалектной лексики связаны с трудом и бытом крестьянина, а также с окружающей природой: это лексика земледелия, охоты, рыболовства, животноводства, домашнего обихода, леса и поля. Если в литературном языке имеется одно слово для обозначения того или иного предмета, то в диалектах их несколько; так, лошадь в возрасте до года называется *сеголеток*, *селеток* (арханг.), *сосун* (яросл.); в возрасте от года до двух — *лоншак* (арханг.), *стригун* (яросл.), *молодяшка* (пск.); в возрасте от двух до трех лет — *третьяк* (ворон.), *боронка* (пск.), *учка* (яросл.); в возрасте от трех лет — *четвертак* (ворон.), *соха* (пск.). Лексическое разнообразие порождается и различием хозяйственных функций: так, в псковских говорах *пороз* ‘самец свиньи, производитель’, а *боров* ‘холощенный кабан’; курица-наседка называется *парунья* (яросл.), *сидуха* (пск.), *курушка* (калуж.). Для крестьянского труда все эти различия очень важны.

Семантическая жизнь слова в диалектах имеет свои особенности, так как оно развивает такие смысловые потенции, которые не известны литературному языку. Так, слово *жить* в северно-великорусских говорах имеет семему ‘бывать, существовать, случаться’: *здесь морозы живут большими*; удивительна эйдетическая мощь слова *место*, которое по диалектам выражает такие смыслы, как часть тела (*у ней на лице такое же место, как у тебя, родовое* — о родимом пятне), постель, перина (*не вaleyси на мести, на стульчик сеть*), кусок, часть чего-л. (*рыбы хочет, она дала от серетки большо место; како пестро место, на юпку можно бы* — о куске материи), отдельный предмет одежды, утвари, вещества, случай (*кипетку налить ис тово места* — о кувшине, *напиласе, спасибо, слаткова места, я вам расскажу одно место*)⁴.

В диалектной лексике выражаются народные представления о мире. Так, в Калужской области веник называется *хозяином*, ибо считается, что в нем живет домовой; в связи с этим старые веники никогда не выбрасывали⁵. В Харьковской области различались по признаку пола *горшок* и *горщица*: в горшке борщ не будет удаваться, а в горщице все сваренное будет вкусно⁶.

Диалект как разновидность языка, как правило, своей письменности не имеет, и в этом его кардинальное отличие от литературного языка как прежде всего книжно-письменной разновидности национального языка; но этот же признак — устная форма существования — роднит диалекты с социальными разновидностями языка.

⁴ См.: Русская диалектология. Под ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С. 271—272.

⁵ См.: Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. Т.1.М., 1995.С.307—313.

⁶ Там же.С.527.

§ 2. Социально-культурная дифференциация языка

Высшей формой существования национального языка является **литературный язык**. Литературный язык является необходимым атрибутом нации: народ становится нацией только тогда, когда он на определенной территории создает государственную форму общежития и литературный язык.

В вопросе о природе литературных языков мы опираемся на некоторые общелингвистические положения, высказанные кн. Н.С. Трубецким в главе «Общеславянский элемент в русской культуре» своей книги «К проблеме русского самопознания».

Первое положение касается различий в характере эволюции народных говоров и литературных языков. «Язык народный имеет склонность к диалектическому дроблению, тогда как литературный, наоборот, имеет склонность к нивелировке, к установлению единообразия»⁷. Так, «когда мы говорим, что праславянский язык развился из индоевропейского праязыка, а русский язык — из праславянского, то при этом представляем себе следующий процесс: каждый живой народный язык всегда включает в себе несколько диалектов, каждый из которых стремится к обособлению; обычно все диалекты одного языка развиваются параллельно и претерпевают более или менее одновременно одни и те же изменения; но наряду с этими общими всем диалектам данного языка изменениями каждый отдельный диалект претерпевает и другие изменения, свойственные лишь одному ему или разве еще некоторым соседним диалектам; с течением времени таких частнодиалектных изменений накапливается все больше и больше, нарушается и самый параллелизм развития, т.е. даже одни и те же изменения в разных диалектах следуют друг за другом не в одном и том же порядке, что еще углубляет различие между диалектами; наконец наступает такой момент, когда изменения общие, свойственные всем диалектам данного языка, вообще перестают возникать, а возникают лишь изменения, свойственные отдельным диалектам или группам таких диалектов; с этого момента данный язык можно считать уже *р а с п а в- ш и м с я*, т.е. утратившим свое единство как “субъект эволюции”, и единственными “субъектами эволюции” оказываются уже отдельные диалекты»⁸. С этого времени можно считать данный диалект превратившимся в особый язык.

Литературные языки эволюционируют противоположным образом. «Если мы присмотримся к литературным языкам современной Европы, то заметим, что каждый из этих литературных языков распространен по сильно дифференцированной лингвист-

⁷ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 162.

⁸ Там же. С. 163—164.

тической территории, обнимающей несколько сильно отличных друг от друга наречий. При этом ни один из этих больших литературных языков Европы не совпадает вполне ни с каким народным говором»⁹.

Таким образом, характер эволюции народных языков заключается в распадении некоторого единства, превращении единого языка во множество языков; эволюция литературных языков, наоборот, заключается в объединении множества диалектов в некое единство, не совпадающее ни с одним отдельным диалектом, носящее наддиалектный характер.

К этому нужно добавить следующее. Из слов Н.С.Трубецкого видно, что эволюция народных языков представляет собой естественно-исторический процесс, тогда как эволюция литературных языков — это культурно-исторический процесс. Никакая воля не в силах отменить, инициировать или направить в какую-либо сторону развитие живого языка. Напротив, литературные языки создаются людьми, культурной элитой общества, среди которой особое значение имеют создатели и реформаторы литературных языков. История народных языков безлична, а история литературных языков всегда носит личный характер. Говоря о том или ином литературном языке, мы почти всегда связываем его происхождение или крупную реформу с теми или иными лицами — свв. братьями Кириллом и Мефодием, создавшими первый литературный язык славян, М. В. Ломоносовым, Н. М. Карамзиным и особенно А. С. Пушкиным, реформировавшими и создавшими современный русский литературный язык, Данте и Петраркой, создавшими итальянский литературный язык, М. Лютером, создавшим немецкий литературный язык, Дю Белле, Ронсаром, Вожеля, создававших и реформировавших французский литературный язык и т. д.

Второе положение касается назначения литературных языков, которое объясняет причину в различии эволюции. «Дело в том, что назначение настоящего литературного языка совершенно отлично от назначения народного говора. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы, в собственном смысле слова, но научной, философской, религиозной и политической мысли. Для этих целей ему приходится иметь совершенно иной словарь и иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры»¹⁰.

Третье положение является следствием второго и касается взаимоотношений говоров и литературных языков. Даже если литературный язык возник на основе какого-то одного говора, то в силу своих задач ему невыгодно близкое родство с этим говором,

⁹ Там же. С.165—166.

¹⁰ Там же. С.166.

поскольку ассоциация литературного языка с говором мешает правильному восприятию слов, которые вошли в литературный язык из говора, но приобрели в нем новые значения. Поэтому «при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором»¹¹.

Четвертое положение вскрывает причины не эволюционных, а революционных преобразований в истории того или иного литературного языка. Эта причина заключается в том, что народные говоры и в фонетическом, и в лексическом, и даже в грамматическом отношении развиваются гораздо быстрее, чем литературный язык, развитие которого задерживается школой и авторитетом классиков. «Поэтому наступают моменты, когда литературный язык и народные говоры представляют настолько различные стадии развития, что оба они несовместимы в одном и том же народно-языковом сознании. В эти моменты между обеими стихиями — архаично-литературной и новаторски-говорной — завязывается борьба, которая кончается либо победой старого литературного языка, либо победой народного говора, на основе которого в этом случае создается новый литературный язык, либо, наконец, компромиссом»¹². Историки французского литературного языка обычно выделяют в его истории две даты — 842 г. и 1539 г. Как известно, французский язык есть латинизированный язык кельтов. Первоначально, в III—V веках, этот романизированный кельтский язык мало отличался от латыни и назывался народной латынью, но к IX веку разрыв между латынью и романской речью оказался настолько велик, что латынь большинству населения была уже совершенно непонятна. В 842 г. два внука Карла Великого Людовик Немецкий и Карл Лысый в Страсбурге дали клятву пред воинами бороться против своего брата Лотаря. Текст Страсбургской клятвы является первым текстом на собственно французском языке. Прошло еще семь веков, и король Франциск I издал ордонанс, в котором предписывал вести судопроизводство на французском языке; этот ордонанс был окончательным ударом по латыни, завершившим эпоху франко-латинского двуязычия. «Если “Страсбургские клятвы” 842 г. были “свидетельством о рождении” французского языка, то ордонанс 1539 г. является его “аттестатом зрелости”, свидетельством того, что он может выполнять весь объем общественных функций»¹³. В истории русского литературного языка такая борьба завязывалась дважды. Если в X в. старославянский язык был абсолютно понятен всем славянам и мог выполнять роль общеславянского литературного языка, то через четыреста-пятьсот

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 166—167.

¹³ Гак В. Г. Введение во французскую филологию. М., 1986. С. 73.

лет живой русский язык настолько изменился, что между ним и церковнославянским языком началась борьба, закончившаяся победой последнего. Все наиболее авторитетные писатели XV—XVI веков — Нил Сорский, Зиновий Отенский, Максим Грек — выступали за применение церковнославянского языка и против смещения его с простой речью. В XVIII веке, в эпоху формирования русской нации начался новый этап этой борьбы, которая закончилась лишь в начале XIX века пушкинской реформой русского литературного языка на народно-разговорной основе, хотя церковнославянский язык остался главным источником книжной лексики и высокого стиля.

Пятое положение касается внутренней дифференциации литературного языка и народного языка. Если народный язык делится на говоры по географическому принципу, то в литературном языке преобладает принцип специализации, функциональной дифференциации: «образованные люди, происходящие из разных местностей, говорят и пишут не совсем одинаково, и по языку произведений писателя часто можно легко определить, откуда он родом, но гораздо сильнее выступают в литературном языке различия по видам специального применения, например различия между языком научной прозы, деловой прозы, художественной прозы, поэзии»¹⁴. Еще римские грамматисты создали учение о трех стилях — возвышенном, умеренном и простом. Эти стили связывались с определенными предметными областями: так, Вергилий простоту сельской жизни описывал в «Буколиках» («Пастушеских стихах») простым стилем, труд скотоводов, виноградарей, пчеловодов, пахарей в «Георгиках» («Земледельческих стихах») описал средним стилем, тогда как описание героических деяний Энея («Энеида») ведется в высоком стиле. Эта теория была пересажена на русскую почву Ломоносовым, который в своем знаменитом «Рассуждении о пользе книг церковных в Российском языке» связал теорию языковых стилей с классицистской иерархией литературных жанров. Высоким «штилем» составляться должны Героические Поэмы, Оды, прозаичные Речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует Российский язык перед многими нынешними Европейскими, пользуясь языком Славенским из книг церковных». Средним «штилем» писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, еклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. Впрозе предлагать им пристойно описания дел

¹⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. С. 162.

достопамятных и учений благородных». Низким стилем следует писать «комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел». Эта теория трех стилей дожила и до нашего времени, но с одним существенным изменением. Если в античности и у Ломоносова эти стили имели объективное основание в самом предметном мире, то сейчас они субъективировались; если во времена Ломоносова не о всякой вещи можно было писать, скажем, высоким стилем, сейчас мы в принципе о *всякой* вещи можем высказаться торжественно, нейтрально или презрительно, пользуясь при этом теми же средствами, на которые указал Ломоносов. Объективные же основания стилей теперь иные: они по-прежнему связаны с предметными областями, с разными сферами человеческой деятельности, но при этом не находятся в иерархических отношениях. Практически во всех современных литературных языках выделяются официально-деловой, научный, газетно-публицистический, проповеднический и разговорный стили. Сложение этих стилей в каждом литературном языке имеет свою достаточно запутанную историю. Особо стоит вопрос о выделении художественного стиля. На наш взгляд, язык художественной литературы не является стилем литературного языка, поскольку в нем в изобразительно-выразительных целях могут быть использованы элементы всех стилей литературного языка, а также и элементы, находящиеся за пределами литературного языка — арготизмы, жаргонизмы, просторечие. Кто же время нужно сказать, что именно художественная литература часто была той сферой, в которой в первую очередь складывались новые нормы литературного языка; так называемая классическая литература — это литература, принимаемая нацией за образец, за норму языкового употребления, и как правило в Новое время это художественная литература.

Наконец, шестое положение касается взаимодействия литературных языков. Если народные языки могут влиять друг на друга только тогда, когда они соприкасаются в пространстве и во времени, то «для литературных языков эти условия необязательны: данный литературный язык может подвергнуться сильному влиянию другого, даже если этот последний принадлежит к гораздо более древней эпохе и географически никогда не соприкасался с территорией данного живого литературного языка»¹⁵ Действительно, словарный состав современных литературных языков в своей значительной части формируется из слов, заимствованных из старых языков культуры — древнегреческого, латинского, церковнославянского, санскрита, арабского.

Литературный язык характеризуется нормированностью, то есть живым чувством предпочтения правильного употребления неправильному. Само же это чувство воспитывается посредством

¹⁵ Там же. С. 167.

приобщения к культурной элите и усвоения ее речевых традиций. В отношении произношения правильным признается обычно говор столицы, поскольку культурная жизнь концентрируется именно в столицах. В отношении книжно-письменных норм их источником признаются произведения наиболее авторитетных для данной культуры писателей — Вергилия, Гете, Пушкина и др.

Современная теория языковой нормы включает в себя следующие положения: 1) объективность нормы, 2) изменчивость нормы, 3) вариативность нормы, 4) социальная необходимость описания норм и обучения им в школе¹⁶.

Объективность нормы означает, что она не придумывается учеными, не предписывается ими; объективность означает, что нормы литературного языка складываются постепенно, вырабатываются исторически в произведениях образцовых, классических писателей (орфографическая и пунктуационная норма), в произношении культурной элиты общества (орфоэпическая норма).

Вариантность нормы означает, что в литературном языке могут сосуществовать, не нарушая нормы, варианты произношения и написания. Литературный язык, как и все на свете, меняется, что-то в нем неизбежно устаревает, в связи с чем возникает проблема отношения к тому, что в литературном языке было нормативным, но современным сознанием воспринимается как устаревшее. Пуризм (от лат. *purus* 'чистый') осуждает любое отклонение от принятых норм, однако это ведет к застою и омертвлению литературного языка. Признание вариативности нормы, то есть наличия в пределах литературного языка «старших» и «младших» вариантов употребления, отсутствия резких границ между правильным и неправильным, субъективности в оценке языковых фактов с точки зрения их допустимости, — все это позволяет, с одной стороны, сохранять целостность литературного языка и, с другой стороны, не допускать его омертвления.

Поскольку между литературным языком и разговорной речью во всех ее разновидностях всегда существует «зазор», постольку существует и необходимость описания норм литературного языка и их кодификации — закреплении в нормативных словарях и грамматиках. Эта же причина обуславливает то, что нормами литературного языка следует целенаправленно овладевать в процессе школьного обучения. Обучение родному языку в школе является в значительной мере обучением нормам литературного языка.

Признавая сами нормы, а также необходимость их описания, изучения и преподавания, мы должны при этом помнить, что нормы — это результат развития, это реализованная, актуальная

---

¹⁶ См.: Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

часть литературного языка. Литературный язык представляет собой единство актуального и потенциального, поэтому нормализация языка не должна сковывать его развития, не должна превращаться в мертвую догму. В литературном языке надо различать два процесса: 1) нетворческий процесс изменения и 2) творческий процесс обогащения языка. Примером нетворческого изменения, ничего не прибавившего к богатствам русского литературного языка, можно отнести замену ударения в таких словах, как *профессоры* на *профессора́*, *дóмы* на *домá*, *то́мы* на *томá* и т.п.; на очереди *шофера́* вместо *шофёры*. Нетворческим изменением нужно признать и замену грамматического рода у слов *рояль*, *вуаль* и др. Все образованные люди, в особенности филологи, должны всеми силами бороться против таких изменений, так как они отрывают литературный язык от корней, нечувствительным образом превращают классический литературный язык в устарелый, чего, конечно, допустить нельзя, иначе через сто-двести лет придется переводить Достоевского и Чехова на «современный» русский язык¹⁷. Природа литературного языка заключается, как было показано выше, не столько в его нормативности, сколько в его назначении быть средством духовной культуры. Вследствие этого литературный язык необходимо должен, не отменяя старого и не изменяя своей формы, непрестанно творчески обогащаться новыми семантическими и экспрессивными возможностями. Воценке этих новаций смешны и ученый педант, протестующий против любого нововведения, и тот лингвист, который готов бежать впереди прогресса и одобрить все, что ни придет в голову какому-нибудь писателю или поэту; для верной оценки требуется тонкий вкус, который, будучи даром Божиим, развивается и усиливается хорошим знанием истории литературного языка.

В социальном плане литературному языку противостоят просторечие и жаргоны.

Термин **просторечие** возник из сочетания «простая речь», которым в XVI—XVII веках обозначали не книжный, народный язык. В XVIII веке просторечие признается источником низкого стиля литературного языка. В XIX веке в связи с формированием устной разновидности литературного языка просторечием называется все то, что осталось вне сферы литературного языка. В социальном плане просторечие свойственно полуобразованным слоям городского населения, не овладевшим нормами литературного языка; оно не имеет никакой территориальной привязки. В просторечии говорят *километр*, *хотишь* и *хочут*, *ихний*, *ейный*, *у ей*, *яблок*, *тролебус*, *вчераь*, *оттудова* и *оттеда*, *пульта*, *местов*, *спинжак*, *заболемши*, *чеканутый*, *чичас* и т.п.

¹⁷ И это не шутка: французский писатель Р. Кено собирался переводить «Рассуждение о методе» Декарта на *péo-français* — новый французский язык на основе разговорной речи.

Просторечием иногда называют и грубую лексику с отрицательной экспрессией, которая может быть употреблена при определенных условиях и в речи носителей литературного языка: *выпендриваться, расфуфыриваться, на карачках, морда, надраться, нализаться, дербалызнуть, хряпнуть* и т.п.

В художественной литературе просторечие используется как средство речевой характеристики персонажей, например, в пьесах Островского, рассказах Лескова, Чехова, Аверченко, Зошенко и др.

Для обозначения социально ограниченных разновидностей языка используются такие термины, как **арго** (франц. *argot*) — условный, или тайный, язык и **жаргон** (франц. *jargon*) — социально ограниченный, но не тайный язык какой-либо группы общества.

К арго относятся тайные языки замкнутых групп общества, служащие средством их обособления: офеня — язык бродячих торговцев, жгонский язык — язык шерстобитов, «блатная музыка» — язык воров, или воровское арго, а также языки шорников, овчинников, шаповалов, портных и других ремесленников, язык нищих, детские тайные языки, в частности язык беспризорных в России 20—30 годов нашего века.

В языковом отношении арго характеризуется прежде всего условным словарем, который включает в себя около полутысячи особых слов, не считая производных. Обычно это наиболее частотная лексика, отражающая характер профессии, быт, нравы и ценности данного сообщества. По происхождению большая часть словаря арго является заимствованной, а остальная — это или переделанные при помощи замены слога слова родного языка (*широго* 'дорого', *шивар* 'товар', *кустра* 'сестра', *кулото* 'золото' — в языке офеней), или обычные слова, которым приписано особое значение, иногда на основе обычного переноса (*приправа* 'кастет', *святцы* 'карты', *Степан* 'топор' — из блатного арго). Грамматика тайных языков ничем или почти ничем не отличается от грамматики национального языка.

Слова и выражения из арго, проникающие в общую речь, называются **арготизмами**. Они теряют связь с породившей их средой, но сохраняют экспрессивную окраску: *брать на пушку* — из воровского арго, *двурушник* — из языка нищих (так назывался нищий, собиравший в толпе милостыню обеими руками), *кимарить* — из офенского языка, *стибрить* — из бурсацкого арго, отображенного Н.Г. Помяловским в повести «Очерки бурсы», *шустрый* — из детского арго (замена первого слога в слове *быстрый*). В языке художественной литературы арготизмы играют изобразительную роль, но в литературном языке они огрубляют речь говорящих.

Жаргон — это совокупность языковых элементов, лексических и словообразовательных, свойственных определенной возрастной

или профессиональной группе людей. Жаргон, в отличие от аргю, не создается искусственно для целей конспирации; он возникает спонтанно и служит скорее знаком принадлежности к «своим» — к определенной группе или среде. Жаргоны характеризуются отталкиванием от литературного языка: все особенности произношения и словаря являются дублетными по отношению к соответствующим элементам литературного языка. Так, во флотской среде принято говорить *мор 'яки* и *комп 'ас*, в военной — [шынэл'] вместо [шын'эл']. Лексика жаргонов возникает путем переосмысления слов литературного языка, и в этом отношении она отчасти похожа на лексику аргю: так, наши летчики во время второй мировой войны называли самолет Ил-16 *ишак* или *ишачок*, а учебный самолет У-2 — *божья коровка*; фигуры высшего пилотажа на жаргоне летчиков называются *штопор*, *бочка*, *горка*. Словарь жаргонов, особенно молодежных, быстро меняется: еще недавно родителей называли *предки*, потом *черепа*, теперь *шнурки*, но и это слово скоро устареет.

Слова, попавшие из жаргонов в литературный язык, называются жаргонизмами; переходя в общее употребление, они теряют жаргонную прикрепленность, но часто сохраняют свои выразительные свойства, например: *липа*, *хвост*, *прокол*, *бадяга*, *катить бочку* и т.п.

К жаргону по своему типу приближается снобистский язык интеллигентской журналистики; его словарь пестрит специальными словами, надерганными из психоанализа, лингвистики, социологии, философии, благодаря чему вполне банальные мысли выглядят значительно, а у автора и читателя возникает чувство приобщенности к «высокой» культуре. Так, читателя, минимально знакомого с богословием, не может не рассмешить фраза некоего критика о том, что «отсрочка была использована автором прежде всего для того, чтобы уяснить *эсхатологический*, то есть не прямой, смысл сказанного»¹⁸.

Таким образом, национальный язык представляет собой сложный конгломерат стилей литературного языка, диалектов и говоров, аргю и жаргонов. Глубокое понимание текста как на родном, так и на чужом языке, перевод текста всегда предполагает отнесение лексических и грамматических элементов его языка к тому или иному стилю литературного языка или той или иной внелитературной разновидности национального языка.

---

¹⁸ Exlibris НГ, № 1 (22), 14.01.98. Курсив наш. — А.К., Н.Н.

Л и т е р а т у р а

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. М., 1972.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.

Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.

Ицкович В. А. Языковая норма. М., 1968.

Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 161—215.

Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Трубецкой Н. С. История. Язык. Культура. М., 1995.

Глава 7

ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО

§ 1. Онтология и история языка

Положение об исторической изменчивости языка является сейчас одной из прописных истин языкознания, и можно лишь удивляться тому обстоятельству, что эта истина стала достоянием науки сравнительно недавно — с конца XVIII—начала XIX века. Однако сказать, что в языке все меняется, значит сказать полуправду, ибо, как было выяснено выше, меняться может только то, что остается неизменным, всякое изменение можно отнести только к тому, что остается во всех изменениях тождественным себе. Эту диалектику тождества и различия мы уже рассматривали на примере фонемы и ее позиционных вариантов; само понятие позиционного варианта фонемы являет собой совпадение противоположностей тождества и различия: понятие фонемы указывает на тождество сущности с собой, а понятие варианта на различие той же сущности с собой в определенных фонетических условиях. Таким образом, в языке есть некие вечные сущности, которые подвергаются изменениям.

Точно так же обстоит дело и с историческими изменениями: это изменения неизменных в себе сущностей. Поэтому так называемый принцип историзма нисколько не отрицает онтологичности языка. Тем не менее находятся неосведомленные в диалектике лингвисты, которые думают, что, коль скоро в языке все исторично, все меняется, то в нем нет ничего вечного; историзмом, так сказать, побивается онтологизм, временным — вечное. Этим невеждам нужно сказать, что дело обстоит прямо противоположным образом: истина — в совпадении противоположностей, и потому различно только тождественное, изменяется только неизменное, временно только вечное, исторично только онтологичное. Не будь языка, не было бы его истории; чтобы изменяться, надо сначала просто быть, следовательно, историзм не отрицает, а предполагает онтологизм, и обратно, бытие языка становится доступным и внятным для нас только в истории (выше уже говорилось об этом в связи с категориями символа и мифа).

§ 2. Историзм и языковое родство

Идеи исторической изменчивости языка и языкового родства родились одновременно и настолько тесно связаны между собой, что можно сказать, что это две стороны одной медали, два разных аспекта одной и той же идеи.

Гипотеза о языковом родстве возникла из элементарного сравнения. Немец, изучающий английский язык, не может не обратить внимание на сходство нем. *Mutter, Frater, Blut, fallen, gut, her* и англ. *mather, father, blood, fall, good, here*; русский, изучающий болгарский, заметит сходство *звънец* и *звонок*, *гледам* и *глядеть*, *грах* и *горох*, *кѣдри* и *кудри* и т. п. Это сходство в произношении, значениях и грамматических формах заставило предположить, что многие языки являются родственниками, то есть имеющими общего предка. Хотя такое сравнение и напрашивающийся из него вывод совершенно элементарны, они были сделаны лишь в средние века. Античность таких наблюдений и выводов не сделала вследствие своего высокомерного отношения к «варварским» языкам и культурам, не достойным ученого внимания.

Первой печатной работой на эту тему была книга Г. Постеллуса «О родстве языков» («*De affinitate linguarum*», 1538), в которой доказывалось происхождение всех языков из древнееврейского; новой здесь была попытка обосновать это априорное положение фактами реальных языков.

Итальянский путешественник Ф. Сассети, живший в Индии в 80-х годах XVI века, познакомился с санскритом — древнеиндийским литературным языком — и в своих «Письмах из Индии» высказал предположение о родстве санскрита с итальянским; в подтверждение этого предположения он привел такие соответствия: скр. *dva* — ит. *due*, скр. *tri* — ит. *tre*, скр. *sarpa* ‘змея’ — ит. *serpe*.

Первая попытка установить группы родственных языков была предпринята И.-Ю. Скалигером в труде «Рассуждение о европейских языках» («*Diatribade europaeorum linguarum*», 1610). Он выделил 11 связанных между собой языковых групп: греческую, латинскую, тевтонскую, славянскую, эпиротскую (албанскую), ирландскую, кимрскую (британскую), татарскую, финскую, венгерскую и баскскую. Выделение шло путем сравнения слова *Бог* в разных языках; об отсутствии научной методики сравнения говорит то, что Скалигер не заметил сходства греч. *Zeus* и лат. *deus*, или, скорее, не смог объяснить фонетического различия этих, в сущности, тождественных слов.

Изолированность групп, выделенных Скалигером, опровергалась данными Ф. Сассети, а также литовским ученым М. Литуаном, который в 1615 г. привел список из ста литовских слов, родственных латинским.

В 1666 г. хорват Юрий Крижанич, долго живший в России, опубликовал «Грамматическое исследование о русском языке», в котором привел фонетические соответствия между славянскими языками и на этом основании сделал их классификацию¹.

Более широким охватом языков мира характеризуется классификация Г.В. Лейбница. Он выделил две семьи языков — арамейскую, то есть семитскую, и яфетическую, которую в свою очередь разделил на две группы: скифскую (финские, тюркские, славянские, монгольские) и кельтскую (остальные европейские языки).

В 1723 г. вышла книга голландского ученого Л.тен Кате «Введение в изучение благородной части нижненемецкого языка», в которой были подвергнуты сравнению готский, верхненемецкий, нижненемецкие — голландский, фламандский, а также древнеанглийский и исландский. Им впервые было установлено звуковое соответствие между германскими языками типа *Water* и *Wasser*: ниж.-нем. *Water*, гот. *wato*, др.-англ. *water* — верх.-нем. *Wasser*. Позднее это будет названо вторым верхненемецким передвижением согласных.

Немецкий филолог Ф. Руиг в 1747 г. доказывал родство литовского, латышского и прусского. В те же годы о родстве балтийских языков со славянскими говорил М. В. Ломоносов в подготовительных материалах к «Российской грамматике» (ПСС, т. VII).

Много новых языковых соответствий установил основатель славянской филологии Йозеф Добровский в «Истории чешского языка и литературы»: греч. *céima* — лат. *hiems* — рус. *зима*; греч. *gráw* — рус. *жрать*; лат. *granum* — слав. *ꙗꙋꙋи*; лат. *musca* — рус. *муха*; лат. *faba* — рус. *бобр*; нем. *Gold* — слав. *ꙗꙋꙋои* и др. Добровским же было замечено распределение звуков в славянских слогах: согласные стремятся к началу слога, а гласные — к концу; позднее это будет названо законом открытого слога.

Интерес к сравнительному изучению языков возрос после открытия санскрита, литературного языка древней Индии. Во 2-й половине XVIII века англичанами в Калькутте был основан институт восточных культур. Сэр В. Джонс, изучив санскрит, впервые сформулировал идею праязыка: «Санскрит, каким бы ни был его возраст, имеет поразительную структуру; он совершеннее греческого, богаче латинского и превосходит оба этих языка по утонченной изысканности. И однако в его глагольных корнях и в грамматических формах обнаруживается отчетливое сходство с этими двумя языками, которое не могло возникнуть случайно; оно

¹ См.: Чтения Общества Истории и Древностей Российских. М., 1848. Т. IV. Кн. 1.

настолько сильно, что ни один языковед при исследовании всех трех языков не может не прийти к выводу, что они произошли из одного источника, который, по-видимому, уже не существует»². Древние и новые языки, как мы их сейчас знаем, происходят из одного языка-источника, языка-предка. Эта гипотеза поставила сравнительное изучение языков на генеалогическую, или историческую, почву; сравнительное изучение языков превращалось в сравнительно-историческое. Ранняя смерть ученого, к сожалению, не позволила ему обосновать фактически свою гипотезу, эта задача выпала на долю других ученых.

Ф. Шлегель на примере древнеиранского (персидского) спряжения продемонстрировал научно верную методику сравнения: «...признаком первого лица является *m*; в латинском оно утрачено, а в индийском и греческом имеет более полную форму *mi*; от признака второго лица *si* в индийском и греческом сохраняется только *i*; признаком третьего лица является *t* или *d*, во множественном числе — *nd*, как в латинском и немецком; в греческом — *ti* и *nti* в соответствии с более полными древними формами»³. Мы видим, что различие устанавливается между тем, что в существе тождественно; иными словами, одна и та же сущность, в данном случае категория грамматического лица, сравнивается сама с собой, и устанавливаются различия этой сущности в форме ее выражения в разных языках.

То, что у Ф. Шлегеля было фрагментом, стало полноценной картиной у Ф. Боппа, которого вследствие этого и считают основателем сравнительно-исторического языкознания. Он провел сравнительное исследование спряжения глаголов в санскрите, греческом, латинском, готском языках и установил регулярные соответствия как между корнями, так и флексиями этих глаголов. Методологическая ценность такого подхода заключалась в том, что если общность корней можно было объяснить заимствованием, то регулярное соответствие звукового оформления флексий не может быть объяснено заимствованием и ясно свидетельствует о генеалогической общности сравниваемых языков. Эти принципы Ф. Боппа — «соответствие в грамматической структуре и в создающем ее языковом материале — сохраняют свою силу еще и сегодня»⁴. Ф. Бопп был автором первой «Сравнительной грамматики индогерманских языков» (1833).

Еще одним основателем сравнительно-исторического языкознания был датский лингвист Р.-К. Раск. Раск был эмпириком:

² Цит. по: Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 19.

³ Там же. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

он сопоставлял грамматические структуры разных языков, взяв за основу исландский. Он сопоставил его с гренландским, баскским, кельтским и не обнаружил их родства; затем он установил родство исландского с норвежским, шведским, датским, немецким, греческим и латинским. Позднее Раск привлек к сравнению славянские и балтийские языки, что обогатило его наблюдения новым эмпирическим материалом; к сожалению, он не привлек к сравнению санскрита. Раск открыл регулярное соответствие между греческими и германскими глухими, звонкими и придыхательными согласными:

греч.	герм.	греч.	герм.	греч.	герм.
π	f	φ	b	β	p
τ	th	θ	d	δ	t
κ	h	χ	g	γ	k

Позднее Якоб Гримм назовет это законом первого германского передвижения согласных. После этого открытия Раска уже никто не мог удовлетвориться приблизительным сходством в звучании слов; родство языков и отдельных слов нужно теперь было доказывать регулярностью соотношения отдельных звуков (фонем), установлением правил такого соотношения. Основательный компендиум эмпирических наблюдений Раска и доныне не утратил своего значения.

Ни Бопп, ни Раск, устанавливая регулярные соответствия между корнями и флексиями, еще не задумывались над причиной того, почему же одна и та же в существе флексия имеет разный фонетический облик; иначе говоря, в их трудах сравнение явно преобладало над историзмом. Понятие внутренней истории языка было впервые развито А. Х. Востоковым и, более основательно, Я. Гриммом.

А. Х. Востоков занимался описанием рукописей собрания графа Н. П. Румянцева, и его весьма интересовали загадочные явления языка, встречаемые в древних рукописях. Одним из таких загадочных явлений были так называемые *юсы* — буквы ^ и ^ , употреблявшиеся в рукописях X—XI веков. Востоков первым догадался сопоставить слова с этими буквами со словами современного польского языка: ^ — *ryka*, ^ — *golab*, ^ — *mięso*; из этого сопоставления он сделал вывод о том, что *юсы* в древних славянских языках обозначали носовые звуки [q] и [ɛ]. Из решения этой частной задачи вытекал важный общий вывод: сравнивать нужно не только

разные языки, но и разные стадии исторического существования одного языка, зафиксированные в памятниках письменности и сохранившиеся в диалектах.

Этот принцип был подробно развит Я. Гриммом в его четырехтомной «Грамматике немецкого языка» (1819—1837), где под немецким он понимает общегерманский. «В соответствии с этим он рассматривает все германские языки в определенной системе и последовательности: сначала древнейшую, затем среднюю и, наконец, новейшую стадию. Он начинает с готского и кончает новоанглийским. Тем самым он создает сравнительно-историческую грамматику в собственном смысле слова»⁵. Я. Гримм придавал особое значение фонетическим изменениям. Он сформулировал так называемый закон Гримма — закон первого германского передвижения согласных. «Сущность первого германского “передвижения” заключается в следующем: 1) древнеиндийским, древнегреческим и латинским смычным глухим согласным *p, t, k* в общегерманском праязыке соответствуют глухие фрикативные *f, th* (интердентальная), *h* (скр. *trayas*, гр. *treiv*, лат. *tres* — готск. *threis*; скр. *pacu*, лат. *pecu* ‘скот’ — готск. *faihu*, др.-в.-нем. *fihu*); 2) древнеиндийским звонким придыхательным *b^h, d^h, g^h* и древнегреческим глухим придыхательным *f(p^h), q (t^h), c (k^h)* соответствуют общегерманские *b, d, g* (скр. *bharami*, гр. *ferw*, лат. *fero* — готск. *baira*; скр. *madhyas* ‘средний’ — готск. *midjis*); 3) древнеиндийским, древнегреческим, латинским простым звонким (смычным) *b, d, g* соответствуют общегерманские глухие смычные *p, t, k* (скр. *dant-*, лат. *dent-* — готск. *tunthu*, др.-англ. *toth* ‘зуб’; скр. *janu*, гр. *gonh*, лат. *genos* — готск. *kniu* ‘колени’, др.-англ. *kneo*)»⁶.

Первой цельной теорией сравнительно-исторического языкознания была концепция Августа Шлейхера (1821—1868), натуралиста и дарвиниста. Свою концепцию он построил на принципе естественной эволюции. «По мнению Шлейхера, языки — это такие же естественные организмы, как растения и животные, они рождаются, растут и умирают, они имеют такую же родословную генеалогию, как все живые существа»⁷. Шлейхер полагал, что языки не развиваются, а растут, подчиняясь законам природы, одинаковым «на берегах Сены и По и на берегах Инда и Ганга». Наиболее знаменитой идеей А. Шлейхера является его теория родословного древа языков: общий ствол праязыка делится пополам, каждая ветвь затем снова делится пополам и т.д. Ветви представляют собой семьи языков, ветви ветвей — группы, которые

⁵ Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. С.22.

⁶ Широков О. С. Введение в языкознание. С.101—102.

⁷ Реформатский А. А. Введение в языковедение. С.394.

разветвляются в свою очередь на отдельные языки. Органичность развития языка означала для Шлейхера то, что праязык должен быть простым, а языки-потомки — более сложными и разнообразными. Новые исследования в области иранских, балтийских и других индоевропейских языков показали, что дело обстоит не так, как думал А. Шлейхер, а зачастую прямо противоположным образом: языки-потомки оказывались более простыми по количеству звуков и грамматических форм, что, однако, компенсировалось усложнением функций оставшихся фонем и грамматических форм.

Сравнение разных состояний одного языка привело А.Х. Востокова и Я.Гримма к идее языкового **архетипа (праформы)**. Поскольку язык-источник, язык-предок как таковой уже не существует, то можно попытаться сконструировать его заново, то есть реконструировать его звуковой, грамматический и лексический строй, опираясь на данные живых и мертвых, но сохранившихся в памятниках письменности, языков. **Архетип**, или **праформа**, — это фонетический вид словоформы, какой она имела в праязыке. Из-за того что праязык уже не существует и невозможно эмпирически проверить результат реконструкции архетипа, возникает известный скептицизм относительно достоверности подобных реконструкций. Действительно, архетип не может быть проверен эмпирически, тем не менее его реконструкция является достоверной в том случае, если можно объяснить, как, по каким фонетическим законам из этой праформы развились исторически зафиксированные и современные словоформы.

Осмыслению того, что представляют собой фонетические законы, способствовали новые открытия. В 1870 г. итальянский компаративист Г. Асколи открыл три ряда праиндоевропейских заднеязычных (велярных): 1) велярные g, k, g^h, k^h , 2) лабиовелярные g^w, k^w, g^{wh}, k^{wh} , 3) палатальные g', k', g^h, k^h . Судьба этих согласных была различной в разных индоевропейских языках. В одной группе (греческий, латинский, романские, германские, кельтские) совпали палатальные и велярные, но сохранилось различие, хотя и в преобразованном виде, велярных и лабиовелярных; так, в греческом языке $k < *k *k'$; $g < *g *g'$; $c < *g^h$; то же и в латинском языке; лабиовелярные преобразовались в греческом так: $*k^w > ptk$, $*g^w > bdg$, $*g^{wh} > fqс$, а в латинском $*g^w *g^{wh} > gu$, $*k^w > qu$. В другой группе языков (индийские, иранские, славянские, балтийские, армянский), наоборот, совпали велярные и лабиовелярные, но сохранилось в преобразованном виде различие палатальных и велярных; так, а старославянском языке $\hat{e} < *k *k^w$, $\hat{a} < *g *g^w$, $*g^h *g^{wh}$; палатальные же преобразовались так: $*g' > \zeta$, $*k' > \tilde{n}$. (Практически открытие Г. Асколи шло противоположным путем: сначала он установил факт фонетических соотношений, а затем

реконструировал систему праиндоевропейских заднеязычных). По признаку разного произношения слова *сто* в двух группах языков первую называют группой кентум (лат. *centum*), вторую — группой сатэм (др.-иран. *satem*, ст.-сл. *сыто*).

Представим эти данные в виде таблицы:

Праиндоевроп.		Кентум: греч.	Сатем: ст.-сл.
Велярные:	*g	g	ã
	*g ^h	c	ã
	*k	k	ê
Лабиевелярные:	*g ^w	b d g	ã
	*g ^{wh}	f q c	ã
	*k ^w	p t k	ê
Палатальные:	*g ^ʰ	g	ç
	*g ^{ʰh}	c	ç
	*k ^ʰ	k	ñ

Из открытий Р. Раска, Я. Гримма, А. Х. Востокова, Г. Асколи и некоторых других следовало, что, в отличие от законов природы, действие фонетических законов ограничено пространством и временем; это значит, что 1) звуковой закон может действовать в группе языков, в одном языке и даже в диалекте одного языка и 2) звуковой закон начинает свое действие в определенное время и в определенное же время заканчивает свое действие. Следует отметить, что ни Раск, ни Гримм не считали звуковые законы непреложными, допуская те или иные исключения. В самом деле, в лат. *est* — 3-е лицо ед. ч. от глагола *быть*, *piscis* ‘рыба’ не происходит передвижения *t* и *k*. Однако можно заметить, что неподвижным согласным в обоих случаях предшествует спирант, и можно заключить, что передвижения в таких случаях не происходило во избежание скопления двух спирантов. «Общее значение такого объяснения заключалось в том, что само исключение из правила передвижения согласных осознавалось как регулярное»⁸. Таким образом, действие одного закона приостанавливается действием другого закона. Это новое понимание звукового закона было в окончательном виде сформулировано К. Вернером, а также

⁸ Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. С. 34.

теоретиками, называвшими себя младограмматиками (Г.Остгофф, К.Бругманн, А.Лескин, Г.Пауль); в России к младограмматикам была близка московская лингвистическая школа, основанная выдающимся русским компаративистом Ф. Ф. Фортунатовым. Они были учениками А. Шлейхера, но противопоставили себя «старограмматикам» поколения учителя, отказавшись от его натуралистического мировоззрения.

Действие звукового закона может быть приостановлено не только действием другого закона, но и грамматической аналогией, на что было указано И.А.Бодуэном де Куртенэ, Г.Остгоффом и Г.Паулем. Так, простореч.*хочем* вместо *хотим* возникло по аналогии с *хочу, хочешь*. Общеславянские формы дат. и предл. падежей 1 склонения *ръцѣб нозѣб сносѣ* в русском языке под аналогическим воздействием других членов парадигмы склонения (*рука — руки — руку — рукой*) «выровнялись», или унифицировались: *руке, ноге, снохе*.

После того как было сформулировано новое понимание фонетического закона и осознаны факторы, приостанавливающие его действие (другой фонетический закон или грамматическая аналогия), здание сравнительно-исторического языкознания в основных чертах было построено. Напомним об основных идеях, являющихся краеугольными камнями этого здания: 1) идея языкового родства, 2) идея языка-предка, 3) идея сравнения явлений, относящихся к одной сущности, в разных языках, 4) идея регулярных языковых соответствий, 5) идея сравнения разных стадий исторического существования одного языка, 6) идея архетипа (праформы), 7) идея закона исторического развития языка, 8) идея перекрывающего воздействия другого закона и грамматической аналогии. Эти идеи стали программой для новых исследований в области сравнительно-исторического языкознания.

Реализацией данной программы при изучении отдельных языков и языковых групп были труды Й.-К.Цейса по кельтским языкам, Г.Курциуса по греческому языку, Т.Бенфея по санскриту, Ф.Дица по романским языкам, Ф. Миклошича и Ф. Ф. Фортунатова по славянским языкам, А. Шлейхера по балтийским и германским языкам, Ф. И. Буслаева по русскому языку, Ф. де Соссюра по реконструкции индоевропейского и многие другие. В настоящее время сравнительно-историческое языкознание представляет собой одно из самых развитых направлений науки.

Есть, однако, один вопрос, перед которым наука останавливается: это вопрос о причинах языковых, в частности фонетических, изменениях. Одни лингвисты удовлетворяются тем философским положением, что в мире все движется и изменяется; дело науки изучать законы этого движения, а не его конечные причины. В принципе это верная научная позиция, свидетельствующая о научной скромности, об осознании того, что может и чего не может наука.

Другие лингвисты считают, что этот вопрос входит в компетенцию науки, и пытаются его решить. Младограмматики считали, что причины языковых изменений коренятся в индивидуальной психике. В особенности на этом настаивал Г. Пауль. Он писал о том, что индивидуальная речь всегда неустойчива, всегда характеризуется едва заметными и неосознаваемыми отклонениями от некоей условной нормы. Хотя норма и сдерживает эти отклонения, но все же бесконечно малые отклонения в произношении в течение длительного времени подтачивают норму. Если такие отклонения у группы индивидов одного поколения случайно совпадают, то они образуют новую норму, противопоставленную норме старшего поколения. По мере отмирания старого поколения новая норма становится доминирующей, пока ее не сменит новая норма последующего поколения⁹. Таким образом, господин Случай правит исторической жизнью языка.

Критике нетрудно обнаружить логическую ошибку в рассуждениях Г. Пауля. Если индивидуальные отклонения от общепринятой нормы не нарушают ее, то это не отклонения, а допустимые варианты нормы; если же это отклонения, то они не могут остаться незамеченными и не вызвать противодействия общества, которое отреагирует поправкой: «так не говорят», «так говорить не принято». Следовательно, отклонения от нормы будут признаны, если изменится сама норма. Получается порочный круг: отклонения вызывают сдвиг нормы, изменение которой вызывает отклонения¹⁰.

Возможно, однако, что здесь и нет ошибки: общество может реагировать на отклонения от нормы, но вопреки этой реакции все большее количество людей говорит по-новому, так что с течением времени это произношение становится господствующим и превращается в норму. Тем не менее это не отменяет конечного вывода младограмматиков о том, что именно Случай является тем богом, который производит все изменения в языке.

Возражая против субъективно-психологического объяснения причин языковой изменчивости, его критики настаивают на необходимости объективно-исторического объяснения. Некоторые ученые считают, что расселение племен, говоривших на одном языке, по большому пространству и их обособление неизбежно влекут за собой различие в языке¹¹. Такое объяснение является типичной логической ошибкой *post hoc, ergo propter hoc* — *после того, значит вследствие того*. В самом деле, нет никакой необходимой связи между расселением и изменением языка. Если два факта сменяют друг друга во времени, то это еще не значит, что между

⁹ См.: Пауль Г. Принципы языка. М., 1960. С. 69—92.

¹⁰ Там же. С. 17—18.

¹¹ См.: Широков О. С. Введение в языковедение. С. 107.

ними есть причинно-следственная связь. Кроме того, хорошо известно, что язык изменяется и у тех небольших народов, которые ведут исключительно компактный и оседлый образ жизни. Следовательно, внутреннюю изменчивость языка нельзя объяснять внешними историческими причинами.

Как нам кажется, ответ на вопрос о причинах языковой изменчивости выходит за пределы науки. Как химик может установить, что молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, но не может объяснить, почему это так; как физик может объяснить падение тела законом всемирного тяготения и установить его математическую формулу, но не может объяснить, почему действует этот закон; так и лингвист может установить законы звуковых изменений, но не в состоянии ответить на вопрос об их причинах. Так Бог сотворил наш мир, а почему Он его сотворил таким, а не иным, остается великой божественной тайной, недоступной человеческому уму. Впрочем, объяснение причин языковых изменений открыто нам в Св. Писании. Если вдуматься в смысл повествования о вавилонском столпотворении (Быт 11, 1—9), то нам откроется следующее. «Господь сказал: вот один народ, и у них один у всех язык, и они начинают делать это, теперь им ничто не может помешать в том, что они предположили делать. Пойдем, смешаем язык их, чтобы они не могли понимать речи один другого» (6—7). Онтологически у людей был (и остался) один язык, который внешним образом был реализован в нескольких наречиях. Если мы примем во внимание то, что вавилонское столпотворение имело место тогда, когда уже образовались три ветви народов — семиты, хамиты и яфетиды — и произошло расселение народов *по лицу земли* (Быт 10, 32), то различие в наречии и было тем, что отличало один народ от другого. Это различие в наречии не мешало, однако, представителям разных народов понимать друг друга. «А затем внезапно словно упало покрывало многоязычности и они перестали понимать друг друга, в Вавилоне родилась лингвистика. Если верить в боговдохновенность слова Божия и внимать точному содержанию этого рассказа в общем контексте, становится ясно, что язык и наречия были и *до* вавилонского столпотворения, и, однако, язык был *один*, так что все понимали друг друга: языковые свойства народов так же мало препятствовали этому, как теперь этому не препятствуют индивидуальные черты произношения и речи, ибо речь всегда индивидуальна.<...> Значит, языковые различия, каковы бы они ни были, не заслоняли внутреннего слова, и вдруг эти стекла стали непрозрачными, и только с помощью специальных усилий может быть достигнуто

¹² Булгаков С. Н. Философия имени. С. 36.

понимание смысла»¹². Смещение языка означало, что наречия одного языка, различие между которыми не мешало пониманию смысла, превратились в разные языки; это произошло таким образом, что, по Божественному произволению, во-первых, в каждом наречии стали действовать свои особые законы — передвижения согласных, восходящей звучности, внутрислогового сингармонизма и т. д. и т. п., открываемые ныне сравнительно-историческим языкознанием, и, во-вторых, историческая изменчивость стала принципом жизни языка. Вот эти-то особые законы и постоянная изменчивость и привели к взаимному непониманию и возникновению множественности языков, ставшей наказанием за грех гордыни. Многоязычие закрыло онтологическую сущность языка, но, по Божественной милости, не до конца, благодаря чему осталась возможность взаимопонимания через перевод. Сравнительно-историческое языкознание, открывая единство там, где по видимости господствует множественность, напоминает нам о золотом веке всеединства и полного взаимопонимания человечества, ходившего в воле Божией. Св. Писание свидетельствует нам о возможности и действительности победы человека над многоязычием и восстановления языковой целомудренности; это — Пятидесятница, «когда после сошествия Св. Духа на апостолов они стали говорить новыми языками, как это и было им обещано Спасителем после воскресения (Мк 16, 17, ср. 1 Кор 12, 10), и многочисленные народы, бывшие там, с удивлением их слушали и спрашивали, разве все они не галилеяне (Деян 2, 3—11). Дар языков затем неоднократно отмечается как проявление благодати Св. Духа и особенного вдохновения (ср. Деян 10, 46; 19, 6; 1 Кор 12, 10, 28, 30; 14, 1; 14, 2). Как следует понимать этот чудесный дар языков из природы самого языка? Это означает лишь то, что исцелялась его болезнь, состоящая в затуманенности смысла, и возвращалась естественная, перводанная его прозрачность и единство, которое было свойственно ему от Адама до Вавилонского смещения. Вследствие этого снималась пелена многоязычия. Может быть двояко понимаема апостольская проповедь пред многими языками: или их собственная родная галилейская речь стала настолько внятна, прозрачна относительно внутреннего слова-смысла, что и не учившиеся языку чувствовали себя как учившиеся и понимали его так, как будто его знали, или, скажем, как бы они понимали какую-нибудь выразительную жестикуляцию без особого перевода и обучения. Или же возможно обратное предположение, именно, что апостолы свое внутреннее слово получили способность облекать в разные одежды, применительно к индивидуальным звуковым особенностям, так что апостолы действительно говорили многими языками. <...> Но по существу дела это различие мнимое,

или феноменальное, и одинаково пригодны оба предположения: апостолы говорили на чужих языках, потому что все они были для них прозрачны, и, наоборот, говоря на своем языке, но опрозраченном смысле, они становились понятны для всех народов, ибо *язык один* и множественны лишь его модусы — наречия. И если бы не существовало того онтологического <...> изначального единства языка, была бы непонятным абсурдом Пятидесятница. Чудо есть не фокус-покус, не имеющий корней в бытии и даже их отрицающий, оно всегда есть оздоровление естества, раскрытие его подлинной природы и постольку возведение на высшую ступень. В чудесном мы именно опознаем истинную природу естественного, и в данном случае раскрывается изначальное единство языка, которое столь же изначально, как и единство человеческого рода»¹³.

Нельзя спорить с тем, что это не научное объяснение. Оно действительно не научно в том смысле, что не поддается ни эмпирической проверке, ни логическому доказательству. Однако и другие объяснения являются или несостоятельными, или псевдонаучными. Если научный ответ на вопрос о языковой изменчивости невозможен, то в вопросе о том, какой бог приводит в движение язык — Случай младограмматиков или Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог-Творец и Промыслитель мира, — мы склонны признать правоту Библии.

§ 3. Генеалогическая классификация индоевропейских языков

Усилиями нескольких поколений компаративистов была установлена индоевропейская языковая общность, получившая название индоевропейской языковой семьи. Из-за разной степени близости языков они разделяются на ряд ветвей, которые в свою очередь делятся на группы; входящие в группы языки расчленяются на диалекты.

Ниже приводится современная классификация индоевропейских языков с указанием ветви и группы, в некоторых случаях указываются важнейшие диалекты того или иного языка, если это имеет значение для лингвистической подготовки студентов.

Индоевропейские языки делятся на следующие ветви: индийская, иранская, славянская, балтийская, германская, италийская, романская, кельтская, греческая, албанская, армянская, анатолийская и тохарская.

1. К и н д и й с к и м языкам относится санскрит (что значит 'обработанный') — мертвый литературный язык древней Индии.

¹³ Булгаков С. Н. Философия имени. С. 36—37.

Он имеет длительную историю. Древний санскрит представлен в «Ригведе» (конец II в. до Р.Х.). Классический санскрит, на котором были созданы «Махабхарата» и «Рамаяна», богословская, философская и научная литература, возник в I в. до Р.Х. Индийский грамматист Панини (V в. до Р.Х.) изложил нормы классического санскрита, противопоставив его пракриту — разговорному ненормированному языку, более новому по строю. Именно на пракрите начали проповедовать Сиддхартха Гаутама (Будда) и Вардхамана Махавира (Джина) — создатели буддизма и джайнизма. Постепенно в художественной литературе начинается взаимодействие санскрита и пракрита. В драмах Калидаса (IV в. до Р.Х.) речь слуг, разбойников, злых демонов звучит на грубом пракрите, тогда как речь богов и героев звучит на санскрите. С середины I тысячелетия по Р.Х. развиваются среднеиндийские литературно-письменные языки на основе различных пракрити — врачада, нагара, упанагара, такка, авантья, магадха, прачья, вайдарбха и др. Из среднеиндийских возникают новые индийские языки: лахнда (Пакистан и верхний Инд); письменность на основе арабского алфавита; панджаби (север Индии); письменность на основе видоизмененного алфавита деванагари; раджастхани (к югу от Пенджаба); письменность на основе деванагари; урду (государственный язык Пакистана); письменность на арабской основе; хинди (центральная и отчасти северная и западная Индия); письменность на основе деванагари; бенгальский язык (нижнее течение Ганга); письменность на основе письма нагари; орья (область Орисса к юго-западу от Бенгалии); письменность близка к бенгальской; маратхи (штат Бомбей); письменность на основе деванагари и нагари; сингальский язык (Шри-Ланка, о.Цейлон); сингалезское письмо на основе алфавита пали; дардская группа — кохистани (Пакистан) и кашмири (Пакистан и Кашмирская долина в Индии); кашмирская письменность на основе алфавита шарада; цыганский язык; цыгане — потомки касты неприкасаемых, эмигрировавших через Иран в Европу и расселившихся в Польше, Германии, Италии, Чехии, Молдавии, Румынии, Малороссии; всего цыган около 5 миллионов.

Всего на индийских языках и диалектах говорит около 500 млн. человек.

2.К и р а н с к и м языкам относится мертвый язык «Авесты» — священной книги зороастризма, созданной на общеиранском языке с элементами восточноиранских диалектов. Постепенно общеиранский язык разделился на три группы диалектов — южную, центральную и восточную. Из южных диалектов общеиранского языка развился древнеперсидский язык. VI в. до Р.Х. персы разгромили Мидийское государство и на его основе создали собственную державу, которой покорились все страны Ближнего Востока.

Персидские цари династии Ахменидов (VI—IV вв. до Р.Х.) высекали на камнях гимны, используя клинопись аккадского типа. Персидское царство было покорено Александром Македонским (IV в. до Р.Х.). Из древнеперсидского языка возник среднеперсидский (III — IX вв. до Р.Х.), памятниками которого являются выполненные пехлевийским письмом надписи преобразователя зороастризма Кардира (V в.), Псалтырь, переведенная в VI—VII вв. с сирийского, законы Мани (216—274), религиозные тексты манихеев (VII—IX вв.). Пехлевийское письмо является переработкой арамейского консонантного письма. Из среднеперсидского языка развились современные южно-иранские диалекты: ларский (к северу от Ормузского пролива), фарсский (к северу от ларского), лурский (к северу от Шираза, Исфаган, Боруджирд, к северо-западу от р. Абе-Диз), кумзари (бедуины на северном берегу Ормузского пролива), татский (иудеи иранского происхождения в Дагестане), хорасанский — персов-шиитов и таджиков-суннитов. На основе хорасанского диалекта возник в IX веке литературный язык дари на основе арабского алфавита, на котором творил Рудаки. Постепенно этот язык, получивший название фарси, распространился по Пакистану, Афганистану, Ирану, Средней Азии, Азербайджану, северной Индии, Туркестану; на нем была создана замечательная литература — поэмы Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Джамии и др. Постоянно обновляясь, этот язык остается литературным языком Ирана. К востоку и северо-востоку от хорасанцев распространены таджикские диалекты, на основе которых сложился таджикский литературный язык с его афганским вариантом; у таджиков арабское письмо талик было заменено в 1930 г. латиницей, а в 1940 г. кириллицей. На особом диалекте таджикского языка говорят бухарские евреи, употребляющие в письменности еврейскую графику.

На центральноиранских языках говорят племена мидян и парфян. Из мидийско-парфянских диалектов развились пять групп наречий:

- ♦ курдские в юго-восточной Турции, северной Сирии, северном Ираке, иранском Курдистане, Армении, Туркмении; каспийско-эльбрусские в Азербайджане и на северо-западных склонах Эльбруса; центральноиранские; белуджский язык племени белуджей, кочующего в Пакистане, Иране, Афганистане, Индии, Туркмении; ормури (к югу от Кабула) и парачи (к северу от Кабула). На восточноиранских языках говорили племена хорезмийцев, массагетов, согдийцев, бактрийцев, саков, аланов, сарматов и скифов, кочевавших по огромной территории от Причерноморья до Китая по Северному Кавказу и нижнему Поволжью. Потомками скифо-бактрийских диалектов являются осетинский язык, афганский язык с наречиями пушту, пахто и патанское, мунджанский (в юго-восточной части афганского Бадакшана), ишкашимский

(в северной части афганского Бадакшана) и некоторые другие.

Всего на иранских языках говорят около 70 млн. человек.

3. К с л а в я н с к о й ветви относятся 3 группы: восточнославянская, южнославянская и западнославянская.

К восточнославянской группе относится русский язык с четырьмя наречиями: 1) великорусским (основные диалекты — северновеликорусский, южновеликорусский, западовеликорусский), 2) малорусским (основные диалекты — средненадднепровский, слобожанский, степной), 3) белорусским (основные диалекты — северо-восточный, юго-западный, полесский), 4) червонорусским (основные диалекты — галицийский, карпатский, буковинский)¹⁴.

К южнославянской группе относятся сербохорватский, македонский, словенский и болгарский языки. Эти языки имеют исключительно сложную систему диалектов и говоров.

К западнославянской группе относятся чешский, словацкий, польский, кашубский, верхне- и нижне-лужицкий; мертвым является полабский язык. Эта группа также имеет сложную диалектную систему.

Всего на славянских языках говорит около 250 млн. человек.

Первым литературным языком славян был старославянский — создание просветителей славян св. братьев Кирилла и Мефодия. Для переводов св. Писания и богослужебных книг они создали в IX веке особую азбуку — глаголицу. Позднее, в X веке, их ученики создали новую азбуку, кириллицу, взяв за основу греческое торжественное литургическое письмо. Этим алфавитом в несколько измененном виде мы пользуемся до сих пор.

Русский литературный язык, один из самых сильных и великих литературных языков мира, возник путем синтеза старославянского языка и русского народного языка усилиями М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, И. А. Крылова, А. С. Грибоедова и в особенности А. С. Пушкина, который придал ему окончательную форму.

4. К б а л т и й с к о й ветви относятся литовский, латышский и мертвый прусский языки. Всего на балтийских языках говорит около 1, 5 млн. человек. Следует отметить особую архаичность литовского языка, сохранившего много древних индоевропейских черт; это придает особую ценность этому языку в сравнительно-исторических исследованиях.

5. К г е р м а н с к о й ветви относятся три группы языков: скандинавская (датский, норвежский, шведский, исландский), западно-германская (английский, голландский, фламандский,

¹⁴ См. подробнее: *Ляпунов Б. М.* Единство русского языка в его наречиях // Украинский сепаратизм в России. М. 1998. С. 385—398; *Флоринский Т. Д.* Малорусский язык // Там же. С. 330—384.

фризский, немецкий с двумя основными наречиями — верхненемецким и ниже-немецким, идиш, или новоеврейский) и восточногерманская (мертвый остготский — язык готов, живших в Причерноморье до XVI века, и мертвый вестготский — язык готов, живших в Испании и Италии; огромное значение для индоевропеистики имеет перевод Библии, сделанный епископом Ульфилой в IV веке). Всего на германских языках говорит около 450 млн. человек.

6. К и т а л и й с к о й ветви относятся диалекты племен, населявших Апеннинский полуостров: умбров, сабинов, фалисков, эквов, вестинов, маррукинов, сабеллов, апулов, луканов, а также латинов. От всех этих диалектов, кроме латинского, остались лишь отдельные надписи греческим или этрусским письмом, названия местностей, собственные имена и некоторые заимствования в латинский язык. Племя латинов покорило себе все остальные племена, и латынь вытеснила остальные диалекты. Литературный латинский язык возник во 2-й половине III века до Р.Х. (архаическая латынь), окончательно сложился в I веке до Р.Х. (классическая латынь). Латынь является одним из величайших литературных языков мира, государственным языком Римской империи и католической церкви. После падения Римской империи (V в.) на основе позднелатинских (романских) диалектов стали развиваться романские языки.

7. К р о м а н с к о й ветви относятся три группы языков: западнороманские (испанский, португальский, каталанский в восточной Испании, провансальский на юге Франции, северной Италии, Каталонии, Арагоне, Сицилии, французский), центральнороманские (итальянский, сардинский в Сардинии, рето-романский на востоке Швейцарии и вымершие далматинские диалекты), восточнороманские (румынский и молдавский).

Всего на романских языках говорит около 600 млн. человек.

8. К е л ь т с к о й ветви относятся ирландский, шотландский, бретонский на п-ве Бретань, и валлийский в Уэльсе. Литературным языком ирландцев, шотландцев и валлийцев является английский язык, а бретонцев — французский. Всего на кельтских языках говорят около 6 млн. человек. Следует заметить, что некогда племена кельтов населяли территории нынешней центральной и северной Франции, верхнего Рейна и верхнего Дуная, западной Чехии. Все эти племена были романизированы римлянами, некоторую самобытность сохранили лишь племена, перебравшиеся на Британские острова.

9. К г р е ч е с к о й ветви относится древнегреческий язык, основными диалектами которого были ионийско-аттический, ахейский, беотийский, фессалийский, лесбосский, эолийский,

дорийский, эпирский, критский. Литературный язык начал складываться с IX века до Р.Х. (поэмы Гомера). Классический древнегреческий язык, один из величайших литературных языков мира, сложился в V веке до Р.Х. Греческий язык византийского периода был государственным языком Византийской империи и Восточно-Православной Церкви. В конце XIX века традиционный книжный язык, ориентированный на классические нормы, был сменен новогреческим литературным языком, в котором архаичные и новые формы приобрели стилистическую окраску. Ныне греки живут в Греции, на Кипре, в Грузии (Цалка), Армении (Алаверды), на Донбассе, в Турции и США.

Всего на греческом языке говорит около 12 млн. человек.

10. К а л б а н с к о й ветви относились языки племен, населявших искони Балканский полуостров: иллирийцев, фракийцев, фригийцев, даков. О языке этих племен известно немного по сохранившимся надписям греческим письмом, поэтому родство с ними современного албанского языка остается гипотезой. В конце XIX века возникло три разновидности албанского литературного языка: тоскский — православного населения на юге Албании, гегский — католического населения на севере Албании и арберешский — в албанских униатских поселениях на юге Италии. Всего на албанском языке говорит около 4 млн. человек.

11. К а р м я н с к о й ветви относится один армянский язык. Он обнаруживает родственные связи прежде всего с греческим, индийскими, иранскими и хетто-лувийскими языками. Письменность на армянском языке была создана просветителем армян Месропом Маштоцем в конце IV века, для которой он изобрел по образцу греческого и сирийского письма оригинальный алфавит. Древний армянский литературный язык — грабар — создавался в V—VI вв.; в XI—XII вв. он распадается на несколько местных разновидностей. Новый литературный язык — ашхарабара — начал складываться с XVIII века.

Всего на армянском языке говорит около 6 млн. человек, из них 4 млн. живет на исторической родине, в Армении и Нагорном Карабахе, остальные — в Грузии, Турции, США.

12. К а н а т о л и й с к о й ветви относится мертвый хеттский язык, известный по клинописным и иероглифическим памятникам XVIII—XII вв. до Р.Х., — язык Хеттского государства в Малой Азии (приблизительно на территории совр. Турции). Хеттский язык обнаруживает родство с армянским языком. Близкородственными хеттскому языку являлись лувийский, карийский и палайский, о которых имеются скудные данные в клинописных памятниках.

13. К т о х а р с к о й ветви относятся тохарский А (карашарско-турфанский) и тохарский Б (кучанский) языки. Это были языки

кочевых иранских племен, осевших в восточном Тянь-Шане и в оазисах пустыни Такла-Макан (китайский Туркестан); наиболее значительным было племя тохаров. Памятниками тохарских языков являются обнаруженные археологами в XX веке буддийские тексты, написанные по-согдийски. Тохарские языки обнаруживают некоторое родство с албанским, балто-славянскими и хеттским языками.

Индоевропейская языковая семья является самой многочисленной, насчитывающей свыше 150 языков.

§ 4. Генеалогическая классификация других языков мира

Другие языки мира разделяются на следующие семьи: семито-хамитскую, кавказскую, уральскую, тюркскую, монгольскую, тунгусо-маньчжурскую, китайско-тибетскую, малайско-полинезийскую, палеоазиатскую, эскимосскую, африканскую, индейскую; кроме того существуют языки, чью принадлежность к какой-либо семье установить не удастся.

Семито-хамитская семья языков

Семито-хамитская семья языков состоит из пяти групп: семитской, египетской, берберской, кушитской и чадской.

Семитская группа разделяется на четыре подгруппы: аккадскую, ханаано-арамейскую, арабскую и абиссинскую.

Аккадским языком называют язык семитов-скотоводов, пришедших в междуречье Тигра и Евфрата и поселившихся в его южной области Аккад. Здесь они застали шумеров, у которых семиты заимствовали клинопись, на которой и были сделаны аккадские записи на глиняных табличках. Они относятся к XXIX веку до Р.Х.

На ханаанском языке говорили семиты, населявшие Палестину. По-египетски эта область называлась К'-п'-п', что значит 'красная земля', в переводе на греческий — *Foinikh* — Финикия. Памятниками ханаанского языка являются клинописный архив сирийского г. Халеб-Алеппо (древняя Эбла) XIV — XIII вв. до Р.Х., клинописные тексты XV — XIII в. из г. Угарит, раскопанного в 180 км к юго-западу от Алеппо (угаритская клинопись существенно отличалась от аккадской), памятники буквенного ханаанского письма X — IX вв. до Р.Х. В IX — VIII вв. до Р.Х. возникают два царства — Израильское и Иудейское, и на ханаанском языке были записаны священные тексты, которые впоследствии вошли в Библию. В VII — VI вв. ханаанский язык вытесняется арамейским, ханаанское письмо забывается, заменившись квадратным арамейским письмом. Памятником позднеханаанского языка являются кумранские

рукописи Мертвого моря — религиозные сочинения секты ессеев II века до Р.Х. — I века по Р.Х., записанные квадратным письмом. Во II—IV вв. раввины создают искусственный еврейский (гебраисти) язык из смеси ханаанского и арамейского, на котором был написан Талмуд. Из обновленного гебраисти к началу XX века был создан иврит, ставший официальным языком государства Израиль.

На арамейском языке говорили семиты, кочевавшие в Сирии и проникавшие в Месопотамию. С VII в. до Р.Х. арамейцы распространились по всей Месопотамии, а их язык после крушения Вавилонского царства (VI в. до Р.Х.) стал вторым государственным языком империи Ахменидов. Арамейское квадратное письмо использовалось в делопроизводстве и для записи некоторых ветхозаветных текстов. VIII в. по Р.Х. вся Библия была переведена на арамейский язык, что стало началом сирийской литературы. На арамейском языке говорил Иисус Христос. В христианскую эпоху на арамейском языке разных диалектов создавались письменные памятники монофизитов Сирии, Палестины, Египта и Ливана, православных христиан западной Сирии (малькитская литература), манихеев, несториан и гностиков.

На арабском языке говорили бедуины Аравийского полуострова. Саравийского плоскогорья Неджды кочевники-бедуины проникали в Иорданию, Сирию, Палестину, Египет. После возникновения ислама священная книга мусульман Коран была записана особым куфическим письмом; в Египте вошла в употребление другая разновидность арабского алфавита — несхи, которая позже стала основной. В VII — VIII вв. начались арабские завоевания, сопровождавшиеся насильственной исламизацией покоренных народов. На классическом арабском языке была создана обширная богословская, философская, научная и художественная литература. В настоящее время мусульманство распространено от Прикамья на севере до о. Ява на юге и от Марокко на западе до Индии и Китая на востоке. На живых диалектах арабского языка говорят в Иордании, Ливане, Палестине, Сирии, Ираке, Кувейте, Саудовской Аравии, Йемене, Судане, Египте, Ливии, Алжире, Тунисе, Марокко, Мавритании. На о. Мальта его католическое население говорит на арабском языке и имеет письменность на латинице. Всего на арабском языке говорит около 150 млн. человек. В Сирии и Палестине существовала христианская литература на арабском языке.

На абиссинском языке говорили земледельческие семитские племена на юге Аравийского полуострова (библейское царство Савское); после арабского завоевания эти племена были частью арабизированы, частью вытеснены в совр. Оман, где и сейчас сохраняются бесписьменные диалекты мехри, карави, шахри и др. Часть абиссинцев переселилась в Африку, где создали государство

Аксум (совр. область Эритрея в составе Эфиопии), приняли христианство и создали литературный язык гез, письменность и богослужение на котором продолжают до сих пор. Живыми потомками геза являются современные североэфиопские языки тигри и тигринья. Особой разновидностью абиссинского языка является амхарский — государственный язык Эфиопии.

Египетский язык имеет длительную письменную историю: от IV века до Р.Х. до XVII века по Р.Х. Письменность Древнего, Среднего и Нового царств (XXX—VIII вв. до Р.Х.) была иероглифической; она была расшифрована только в 1822 г. Ж. Шампольоном. После завоевания Египта сначала персами, а затем римлянами египтяне пользовались курсивным демотическим письмом. Наследником египетского языка был коптский язык, который и сейчас остается литургическим языком египетской монофизитской церкви.

К берберской группе относятся многочисленные языки и диалекты семитов, населяющих Мали, Верхнюю Вольту, Нигерию, южный Тунис, Чад, южное Марокко. Всего берберов около 8 млн. человек.

К кушитской группе относятся диалекты племени кушитов, населяющих Эфиопию и Судан. Всего кушитов около 18 млн. человек.

К чадской группе относятся диалекты семитских племен, населяющих побережье озера Чад, Камерун, Чад, Гану, Центральноафриканскую республику, Нигерию. Всего на этих диалектах говорит около 40 млн. человек.

Кавказская семья языков

Кавказская языковая семья делится на три группы: западнокавказские (абхазский, абазинский, кабардино-черкесский, адыгейский; письменность на русской основе), южнокавказские, или картвельские (грузинский, сванский, занский — язык менгрелов и чанов Грузии и Аджарии; грузинский язык имеет письменность с V в. на основе оригинального алфавита, созданного под армянским, греческим и арамейским влиянием) и восточнокавказские (аварский, ингушский, чеченский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский языки, имеющие письменность на русской основе, а также еще около 40 малых, иногда одноаульных, бесписьменных языков). Всего на кавказских языках говорит более 6 млн. человек.

Уральская семья языков

Уральская языковая семья разделяется на три ветви: финскую, угорскую и самодийскую.

Финская ветвь разделяется на три группы: пермские языки, волжские языки и прибалтийские языки. К пермской группе относятся удмурдский и коми языки. К волжской группе относятся марийский и мордовский языки. К прибалтийской группе относятся финский, карельский, ижорский, вепсский, водский, эстонский и ливский языки. Вне групп находится саамский язык.

К угорской ветви относится венгерский язык и обские языки — мансийский и хантыйский.

К самодийской, или самоедской, ветви относятся северносамодийские — ненецкий, энецкий и нганасанский языки и южносамодийский селькупский язык. Всего на уральских языках говорит около 24 млн. человек.

Тюркская семья языков

Тюркская языковая семья разделяется на пять ветвей: болгарскую, огузскую, кыпчакскую, карлукскую и уйгурскую.

К болгарской ветви принадлежали мертвые хазарский и болгарский языки; потомком болгарского является чувашский язык.

Огузская ветвь разделяется на пять групп. К туркменской группе относятся туркменский язык и трухменский — в Ставропольском крае. К сельджукской группе относятся мертвые сельджукский и староосманский языки и живые турецкий и азербайджанский языки. К северноогузской группе относятся мертвые печенежский и узский языки, а также живые гагаузский язык в Молдавии и Одесской области и язык сургучей в Греции. К южноогузской группе относится кашкайский язык кочевого племени в западном Иране. К восточноогузской группе относится саларский язык в западном Китае.

Кыпчакская ветвь разделяется на четыре группы. К центральной группе принадлежат казахский, каракалпакский и ногайский языки. К восточной группе принадлежат киргизский и алтайский языки. К северной группе принадлежат татарский и башкирский языки. К западной группе принадлежат крымско-татарский язык, язык крымчаков — тюркоязычных евреев на Керченском п-ве, караимский — язык потомков хазар-иудаистов в Литве, карачаевский язык в Ставропольском крае, балкарский язык в Кабардино-Балкарии, кумыкский язык в Дагестане.

Карлукская ветвь разделяется на две группы. К уйгурской группе относятся мертвый язык памятников Караханидского государства «Диван лугат ат-Турк» и «Кутадгу билиг». К хорезмийской группе относятся узбекский и новоуйгурский в Туркестане.

Уйгурская ветвь разделяется на три группы. К уйгуро-тукуюской группе принадлежат тувинский язык и карагасский язык в Иркутской области. К якутской группе принадлежат якутский

язык тюркизированных тунгусов и долганский язык на п-ве Таймыр. К хакасской группе принадлежат хакасский, шорский язык в Кемеровской области, сарыг-югурский язык «желтых уйгуров» в западном Китае, среднечулымский язык в Томской области.

Монгольская семья языков

Монгольская языковая семья разделяется на четыре ветви: северную, юго-восточную, юго-западную и восточную.

Северная ветвь разделяется на три группы. К центральной группе относится классический монгольский язык; письменность с конца XVI в. К западной группе относятся ойратский язык в Монголии и калмыцкий язык на нижней Волге. К бурятской группе относятся бурятский язык и баргутский язык в Монголии.

К юго-западной ветви относится хазаро-монгольский язык в Афганистане.

К юго-восточной ветви относятся дунсянский, баоаньский, ту, шира-юйю в Монголии и Китае.

К восточной ветви относится даурский язык во внутренней Монголии.

Тунгусо-маньчжурская семья языков

Тунгусо-маньчжурская языковая семья разделяется на три ветви: тунгусскую, амурскую и маньчжурскую.

К тунгусской ветви относится язык эвенков в Красноярском крае, язык ламутов в Магаданской области, Хабаровском крае, на Камчатке и Чукотке, язык негидальцев на нижнем Амуре.

К амурской ветви относятся гольдский, нанайский, ульчский, удэгейский, ороцкий и орокский языки народов, населяющих побережье рек Амур и Уссури, склоны Сихотэ-Алиня, Сахалин.

К маньчжурской ветви относится классический маньчжурский язык маньчжуров, завоевавших в XVII в. Китай и имевших богатую литературу, а также язык современных маньчжуров (более 4 млн. человек), населяющих район Дунбэя в Китае.

Китайско-тибетская семья языков

Китайско-тибетская языковая семья разделяется на две ветви: тан-китайскую и тибето-бирманскую.

К тан-китайской ветви относятся китайский, дунганский, тайский, лаосский и вьетнамский языки.

К тибето-бирманской ветви относятся тибетский и бирманский языки.

Малайско-полинезийская семья языков

Малайско-полинезийская языковая семья разделяется на две ветви — малайскую и полинезийскую.

Малайская ветвь разделяется на шесть групп. К суматрской группе принадлежат язык аче, индонезийский и батакский. К яванской группе принадлежат язык бали, яванский, сунданский, мадурский. К даякской группе принадлежит даякский язык. К селебесской группе принадлежат ториджский, бугийский и минахасский языки. К филиппинской группе принадлежат тагальский и илоканский языки. К мадагаскарской группе принадлежит мальгашский язык.

К полинезийской ветви принадлежат гавайский, маори, самоа, увеа и другие языки.

Палеоазиатская семья языков

Палеоазиатская языковая семья разделяется на две ветви: чукотскую и сибирскую.

К чукотской ветви относятся чукотский, корякский и камчадалский языки.

К сибирской ветви относятся одульский (юкагирский) и нивхский (гилякский) языки.

Эскимосская семья языков

К эскимосской семье принадлежат эскимосский и алеутский языки.

Африканская семья языков

Африканская языковая семья разделяется на несколько ветвей: языки банту, три ветви бантоидных языков, языки манде, гвинейские языки, языки сонгаи, языки канури-теда, суданские языки, кордофанские языки и нилотские языки. Приводить дальнейшую группировку в данном пособии мы считаем излишним.

Индейская языковая семья

К индейской языковой семье принадлежат языки индейцев — коренных жителей Америки; в Северной Америке — языки племен массачусетс, делавар, мохеган, иллинойс, ирокезов, алабама, навахо, чимакум, пенути, хока и др.; в Центральной Америке языки племен майя, шошоне, хопи и др.; в Южной Америке — языки племен тупи-гуарани, кечуа (язык инков), чон, алакалуф и др.

Вне языковых семей остались баскский язык, аранта — язык аборигенов Австралии, папуа — язык аборигенов Новой Гвинеи, японский, корейский и айнский языки.

§ 5. Этимология

Термин **этимология** греческого происхождения: он состоит из двух частей: $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ 'истинный' и $\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ 'слово, учение'; таким образом, этимология стремится к отысканию «истинного значения» слова, или, как писал итальянский лингвист Витторио Пизани, «найти значение слова в момент его первоначального создания»¹⁵.

Из предыстории этимологии

Этимология родилась в Древней Греции. Раскроем диалог Платона «Кратил». Здесь обсуждается проблема, которая до Платона волновала таких философов, как Парменид, Протагор, Демокрит, и которую можно сформулировать в виде двух взаимоисключающих суждений: 1) имена вещей не случайны, они соответствуют природе вещей (Парменид, Гераклит); 2) имена вещей случайны и не имеют ничего общего с сущностью вещей, они являются результатом соглашения между людьми (Демокрит). Из этого гносеологического спора и родилась этимология. Платон придерживался, в целом, первой точки зрения. В «Кратиле» показано, что «имя есть некое орудие обучения и распределения сущностей» (388c); вследствие этого имена устанавливаются не по произволу, а «в соответствии с природой вещей» (387d-e); дать же имя в соответствии с природой вещей значит воплотить эту природу в звуках и слогах (389d-e); при этом не должно вызывать недоумения то, что природа, или сущность, одной и той же вещи не всегда воплощается в одни и те же звуки и слоги: «Ведь и не всякий кузнец воплощает одно и то же орудие в одном и том же железе: он делает одно и то же орудие для одной и той же цели; и пока он воссоздает один и тот же образ, пусть и в другом железе, это орудие будет правильным, сделает ли его кто-то здесь или у варваров» (389e—390a). Таким образом, при своем возникновении имена были правильными; неправильными их сделали непостоянные и немудрые люди, которые начали переставлять, добавлять или убирать звуки слова. Отсюда возникает задача отыскать истинное слово, $\mu\epsilon\tau\alpha\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma \lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$, то есть возникает наука этимология. Эти здравые идеи Платона были благополучно забыты, видимо, потому, что те конкретные примеры связи смысла и звука, те конкретные этимологии, которые приводит в этом

¹⁵ Пизани В. Этимология. М., 1956. С. 129.

диалоге Платон, с нашей нынешней точки зрения совершенно смехотворны, умопомрачительны и фантастичны и, можно сказать, служат лучшим опровержением тезиса о том, что в звуках воплощен образ, или эйдос, вещи. Поэтому в наше время почти безоговорочно принимается постулат Демокрита об условности языкового знака.

Если немудрые люди, пользуясь словами, изменили их вид ради благозвучия (*ejustomía*), произвольно отбрасывая, прибавляя или переставляя звуки, то это дает основание различать первоначальные (*prv'tera*) и производные (*uŌstera*) слова. Конечно, Платон понимал производность не в современном деривационном значении, для него производность — это результат фонетического затемнения первоначального звучания слова. Это различие первоначальных, истинных, слов и слов производных и стало началом этимологии: задача мыслителя заключалась в том, чтобы в производном найти первоначальное, в *prv'tera* — *uŌstera*. В постановке этой задачи большая заслуга античной мысли. Однако конкретные этимологии Платона и других античных мыслителей были крайне наивны. Они основаны на семантическом сближении сходно звучащих слов. Например: «Мне представляется, — говорит Сократ, — что первые из людей, населявших Элладу, почитали только тех богов, каких и теперь еще почитают многие варвары: Солнце, Луну, Землю, звезды, небо. А поскольку они видели, что все это всегда бежит, совершая круговорот, то от этой-то причины бега (*qeín* ‘бежать’) им и дали имя богов (*qeóV* ‘бог’)»¹⁶. Платон ищет смысловый признак, на основании которого богам было дано имя *qeóV*, и для этого ставит, совершенно произвольно, в родственную связь слова *qeín* и *qeóV* на основании сходства в звучании. Современный этимолог поступает противоположным способом: он доказывает формальное родство слов, а потом стремится понять их смысловую связь.

Завершается диалог спором о том, можно ли при помощи анализа слов познать сущность вещи. Кратил утверждал, что тот, кто знает слова, знает и вещи. Сократ же, возражая ему, говорил, что законодатель мог иметь неправильное представление о вещи и дать ей неправильное имя, которое, однако, сохранилось в языке и употребляется в силу привычки; поэтому нужно отказаться от мнения о том, будто достаточно знать слова, чтобы понимать сущность вещей.

Если под именем понимать одно звучание, то, безусловно, прав Сократ (Платон). Если же под именем вещи понимать ее Собственное Имя (см. об этом гл. 2), то прав Кратил. Собственное Имя вещи есть тайна, проникновение в которую, как обосновывалось выше, может быть только символическим; все попытки выявить сущность вещи из звучания ее имени обречены на субъективистский

¹⁶ Платон. Кратил. 397d-e.

произвол и бесплодие, кем бы они ни предпринимались: таким мыслителем, как о.П.Флоренский, или заведомыми шарлатанами, имя коим легион.

После Платона этимологической проблематикой занимались стоики, которые придумали и самый термин *etymologia*. Они принимали платоновское деление слов на первородные и производные. Первородные слова берут начало от природы, поскольку первоначальные звуки подражают вещам. Здесь стоики следовали за Платоном. Новый шаг, сделанный стоиками, заключался в том, что они поставили вопрос о происхождении слов, обозначающих отвлеченные понятия. Они считали, что слова, рожденные в душе из представлений о вещах, проходят затем через разум и там автоматически воспроизводятся как идеи справедливости, добра, нечестия и т.д. Поэтому этимология «имеет своей задачей, с одной стороны, показать соответствие слова обозначаемому предмету, а с другой — установить истины религиозные, моральные и метафизические, скрытые в этимонах»¹⁷. Поиски истинного значения имели не только теоретический, но и практический смысл. Явно под влиянием стоиков бл.Августину, удрученному смертью матери, для того чтобы воспрянуть духом, «пришло ... в голову пойти помыться (я слышал, что баням — по-гречески они называются *balaneïon* — дано такое название, потому что они изгоняют из души тоску)»¹⁸. Августин производит *balaneïon* от *bállein ajnïan* ‘изгонять печаль’.

Стоики, как и Платон, представляли номинацию как звуковое подражание сущности, но расширили это представление: именование производится не только по сходству, но и по контрасту или смежности. Именование по сходству: звуки лат. *voluptas* ‘наслаждение’ так же легки и нежны для слуха, как и само наслаждение для чувств, а звуки слова *crux* ‘крест’ жестоки для слуха, как и сам крест — место скорби. Именование по контрасту: *война* (лат. *bellum*) названа так потому, что она *non bella* — не прекрасна. Номинация по смежности: лат. *puteus* ‘колодець’ образовано от *potatio* ‘питье’, *urbs* ‘город’ от *orbis* ‘круг’.

Теория стоиков осталась в силе для всей античности. Римский грамматист Варрон в «*De lingualatina*» пишет, что этимология — это часть грамматики, которая изучает *cur et unde sint verba* — почему и откуда явились слова, и указывает на пять трудностей, которые должен преодолевать этимолог: а) некоторые из первоначальных слов исчезли в силу давности, б) другие слова были созданы ошибочно, в) третьи изменили звуковой облик из-за отпадения, прибавления или перестановки звуков, г) четвертые изменили значение, д)

¹⁷ Пизани В. Этимология. С. 21.

¹⁸ Августин Блаженный. Исповедь. IX, XII.

пятое слово является заимствованным, а не исконным. Все эти трудности, кроме второй, подстерегают этимолога и сегодня, хотя само их понимание и способы преодоления коренным образом изменились.

В целом, оценивая вклад античности в этимологию, можно сказать, что она, кроме постановки некоторых проблем, не дала ничего для научной этимологии; хотя конкретные этимологии, созданные в античности, занимают не один том, все они поражают фантастичностью и произвольностью. Не случайно на исходе античности бл. Августин меланхолично заметил: «Как толкование снов, так и происхождение слов представляется каждому в зависимости от его разумения».

В средние века возникли попытки поставить этимологию на библейскую почву, однако это было сделано крайне наивно. Глубоко содержательный рассказ Библии о том, как Бог привел к Адаму всех животных, чтобы видеть, «как он назовет их» (Быт 2, 19¹⁹;) был истолкован в том смысле, что первым языком и общим предком всех остальных языков был древнееврейский, хотя по свидетельству Библии семиты были потомками не Адама, а Сима, сына Ноева. Этимологизирование в таком случае заключалось в возведении какого-либо французского или немецкого слова к древнееврейскому прототипу. Обращение со звуками было таким же, как и в античности. В 1662 г. в Амстердаме вышел этимологический словарь Фосса, в котором утверждалось, что любая гласная может превратиться в любую другую гласную, любая согласная может превратиться в любую другую согласную, любая согласная может превратиться в любую гласную и наоборот. Такая «методология» открывала широчайший простор для выдумок и фантазий.

Такова предыстория этимологии. Положительный смысл этой предыстории заключается лишь в самой постановке вопроса о происхождении слов, создании термина этимология, в нащупывании стойками семантических закономерностей при номинации.

Научная этимология — дитя сравнительно-исторического языкознания — родилась заново в XIX веке.

Методы научной этимологии

Этимология стремится узнать, какой эйдос был именован и как он был именован данным словом. По происхождению все слова разделяются на исконные и заимствованные; об этимологии

---

¹⁹ См. замечательное истолкование этого места в кн. о. С. Булгакова «Философия имени». С. 24—25.

заимствованных слов будет сказано ниже. Термин «исконный» указывает на время возникновения слова: если слово возникло в индоевропейскую эпоху, оно называется исконно индоевропейским; если в общеславянскую или общегерманскую эпоху, то оно называется исконно славянским или исконно германским; если оно возникло в русском или немецком языке, то оно называется исконно русским или немецким. Если слово известно нескольким славянским языкам, то из этого еще не следует, что оно исконно славянское. Оно могло возникнуть, например, в русском языке и отсюда быть заимствованным другими славянскими языками; такое слово называется исконно русским. Слово могло быть заимствовано несколькими славянскими языками из неславянских и даже неиндоевропейских языков; в этом случае оно может быть исконно романским, исконно уральским, семитским и т. д. Как видим, размежевание исконных и заимствованных слов является сложной этимологической проблемой. Исконным слово является в том случае, если можно реконструировать его исконную праформу, из которой по определенным законам и правилам исторической фонетики можно вывести реально существующие слова того или иного родственного языкового континуума. Праформа — это та мера общности, без которой нельзя решить вопроса об общности происхождения тех или иных слов. Из этого следует, что в основе этимологизирования исконных слов лежит сравнительно-историческая фонетика тех или иных языков, их групп, ветвей и семей. В современной этимологии, в отличие от античной, решающим является фонетический, а не семантический критерий. Если звуковая форма двух слов точно и согласно определенным правилам соответствует друг другу и может быть возведена к некоей праформе, то этот факт оказывается решающим, даже если обнаруживается расхождение в значениях этих слов. В то же время если два слова не могут быть возведены к общей праформе, то бессильно даже полное совпадение значений. Так, из-за формального несоответствия не являются родственными греч. θεός 'бог' и лат. *deus* 'бог'.

В конце главы мы приводим таблицы звуковых соответствий важнейших индоевропейских языков.

Допустим, нас интересует происхождение слова *цена*. В др.-рус. языке ему соответствует *цѣна*. Из исторической фонетики русского языка известно, что звук [ѣ] (*y*) происходил из и.-е. долгого *e: или дифтонгов *oi, *ai; однако звук [ц] происходил из о.-слав. *k перед *y* только дифтонгического происхождения (так называемое второе смягчение заднеязычных); сам же звук [к] мог происходить из и.-е. *k и **k^w*; следовательно, можно реконструировать четыре гипотетических и.-е. праформы: *koina, *kaina, **k^woina*, **k^waina*.

Чтобы узнать, какая гипотеза достоверна, нужно произвести сравнение с другими языками: **koina* > греч. *koinh*, **kaina* > греч. *kainh*, **k^woina* > греч. *poinh*, *toinh*, *koinh*, **k^waina* > греч. *rainh*, *tainh*, *kainh*. Из шести потенциальных греческих слов *koinh*, *kainh*, *poinh*, *toinh*, *rainh* и *tainh* в словаре древнегреческого языка есть только два: *koinh* ‘общеупотребительный’ (о языке, диалекте) и ‘пеня, возмездие, кара, наказание’. Из этих двух слов по семантическим соображениям *цену* можно сопоставить только с *poinh*»; оба эти слова восходят к и.-е. **k^woina*, причем греческое слово отражает более раннюю его семантику: первоначально это и.-е. слово обозначало кару, возмездие; очевидно, оно возникло в эпоху узаконенной кровной мести; изменение значения произошло после замены кровной мести денежным штрафом. Интересно, что «Русская правда» Ярослава Мудрого узаконивает обе правовые нормы — и месть, и денежный штраф, называемый *виroy*.

Из этого примера видно, что всякому начинающему этимологу необходимо основательно изучить историческую фонетику сначала родного, например, русского языка и его диалектов, затем — близкородственных славянских языков и, наконец, других индоевропейских языков; особую важность в этимологических исследованиях имеют древние языки — древнегреческий, латинский, готский, древнеиранский, армянский, литовский, старославянский и др.

Помимо знания истории звуков и правил их преобразования, этимологу необходимо иметь представления об их чередовании. Чередования звуков изучает особый раздел исторической фонологии — морфонология.

Чередования звуков в пределах одной морфемы отчасти объясняются историей отдельного языка. Например, так называемые «беглые гласные» русского языка возникли вследствие разной судьбы сверхкратких общеславянских фонем <ь> «ер» и <ь> «ерь»: в слабой позиции они утратились, в сильной перешли в <о> и <е>: *ě]+á]* — *ě]-àà* > *лоб* — *лба*, *ïü+ïü* — *ïü-íß* > *пень* — *пня*. Другие чередования были унаследованы из общеславянского или индоевропейского праязыка. Сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков позволило реконструировать два основных вида чередований гласных.

Первый вид охватывал следующие чередования: **e / *o / *e: / *o:*; в составе дифтонгов эти гласные чередовались так: **ei / *oi / *i; *er / *or / *r; *en / *on / *n; *we / *wo / *u; *el / *ol / *l; *em / *om / *m; *eu / *ou / *u*. Во всех индоевропейских языках эта система чередований разрушилась, оставив более или менее заметные следы; например, **eu / *ou / *u*: и.-е. **b^heu'dh-* / **b^hou'dh-* / **b^hudh-* > о.-слав. **bjud-* / **bud-* / **bъd-* > ст.-сл. *áěřä-^* / *áíeä-èèè* / *á]ä-ð]*,

á]ä-ýòè, рус. *блюду, будить, бодр, бдеть*. Без знания об этой системе чередования гласных установить родство слов *блюсти, будить, бодрый, бдеть* было бы невозможно. Еще пример: *e / *e / *o / *r: и.-е. *g^{wh}er- / *g^{wh}er- / *g^{wh}or- / *g^{wh}r- > о.-слав. *ger- / *ger- / *gor- / *gr- > ст.-сл. æǎð-àâ] ‘горячий’ / æǎð] / äîð-ýòè / äð]-í], рус. *жар, гореть, горн*.

Второй вид чередований охватывал следующие гласные: *e / *o / *a / *∅; *e / *o / *a. Например: *e / *o / *a / *∅: и.-е. *k'erd- / *k'ord- / *k'ard- / *k'rd- > праслав. *serd- > ст.-сл. ñďýä-à, рус. *серед-а, серед-ина*; лат. *con-cord-ia*, греч. kard-îa, праслав. *srbd- > ст.-сл. ñďüä-öǎ, рус. *сердце* (разные рефлексии и.-е. *k' отражают два типа индоевропейских языков — кентум и сатэм; см. об этом выше).

Чередования некогда играли важную смысловую роль, которая ныне утрачена, хотя кое-какие следы остались. Так, в системе глагола *e*-ступень выражала презенс, *o*-ступень — перфект, ∅-ступень — аорист. Реликтом этой системы в русском языке является то, что существительные, обозначающие результат действия, образуются от и.-е. перфектной основы (*o*-ступень), а само действие — от презенсной основы (*e*-ступень): *велеть* — *воля*, *везти* — *воз*, *плести* — *плот*, *нести* — *занос*.

В область изучения морфонологии входят также ударение, исторические комбинаторные изменения звуков и слогов, структура слога, знания о чем также бывают необходимы в этимологических исследованиях. Например, рус. *ладонь* < праслав. *dolnъ ‘долгий’, ср. ст.-сл. äëàüü, рус. *долина*, объясняется метатезой, то есть комбинаторной перестановкой слогов.

Этимологию иногда называют историческим словообразованием, и это верно, поскольку большинство слов образованы от других слов при помощи суффиксов и приставок. Однако вследствие опрощения многие аффиксы становятся незаметными и выделяются только при помощи сравнительного анализа. Так, в словах *горн, дерн, сон* можно установить наличие суффикса *-н-*, при помощи которого от глагольных корней образовывались существительные: *гореть* — *горн*, др.-рус. äüðàðè — äüðí] > *дерн*, о.-слав. *szpätí > *szpntь > др.-рус. ñ]í] > рус. *сон*. В словах *жир, дар, пир* имеется суффикс *-р-*, образовывавший существительные от глаголов: *жить* — *жир*, *дать* — *дар*, *пить* — *пир*. В словах *дело, сало, тягло* выделяется суффикс *-л-*, также образовывавший существительные от глаголов: äýòè — äýèî > *дело* (ср. *o-деть, на-деть*), *садити* — *сало*, *тягати* — *тягло*. В словах *дева, держава* устанавливается суффикс *-в-*: и.-е. *d^hei'- ‘сосать, кормить грудью’ > о.-слав. äýââ > рус. *дева*; ср. родственные слова: греч. qh^hluV ‘женский’, лат. *femina* ‘женщина’; *держава* от *держать*²⁰.

Объяснение происхождения слова зависит не только от правильно восстановленной истории его звуков, но и от

правильного словообразовательного анализа. Какова этимология слова *карактица*? Это слово не книжное, разговорное, поэтому можно предположить, что его написание отражает аканьющее его произношение. Значит, до XV века, то есть до возникновения аканья в русском языке, это слово произносилось как [*корокатица*], ср. *каравай* < *коровай*. В этом слове прежде всего выделяется суффикс *-иц-*: ср. *сварливица*, *ленивица*, *нечестивица*, *молодица*, *любимица*. В основе *корокат-* можно установить наличие еще одного суффикса *-ат-*: ср. *полос-ат-ый*, *волос-ат-ый*, *горб-ат-ый*, *зуб-ат-ый*, *чрев-ат-ый*, *косм-ат-ый*, *жен-ат-ый*, *нос-ат-ый*, *ус-ат-ый*, *хвост-ат-ый* и т. д.; этот суффикс указывает на наличие того, что обозначено производящей основой, причем иногда — в большом количестве или большого размера, — *полос*, *волос*, *зубов*, *носа*, *косм*, *лохм* и т. д. Следовательно, *корокатый* — ‘имеющий короки’. Слова *корока* в русском языке нет, но в болгарском есть неполногласная параллель *крак* ‘нога’; значит, *корокатый* — ‘имеющий много ног’; *корокатица*, *карактица* — ‘многоножка’. В русском языке есть производное слово с тем же корнем — *окорок* ‘бедро’.

Этот пример, во-первых, показывает, что в этимологическом анализе историческая фонетика и словообразование переплетены самым тесным образом. Во-вторых, для этимолога важно правильно установить состав морфем этимологизируемого слова на всю его историческую глубину: благодаря этому удается установить древний корень, который можно ставить в связь с корнями слов других родственных языков, а также определить значение слова на каждой ступени словопроизводства.

Наиболее трудная и ответственная часть этимологического исследования — это определение исконного значения древнего корня.

Сначала этимологи думали, что этимологическое значение представляет собой некое «общее» значение, под которое можно подвести все частные значения этого слова во всех родственных языках. «Общее» значение мыслилось наподобие родового понятия, под которое подводятся видовые понятия данного рода. Однако очень скоро обнаружилось, что все частные значения одного корня в разных языках ни в коем случае нельзя подвести под «общее» значение, или, наоборот, вывести «общее» значение из совокупности частных. В самом деле, что общего между значениями ‘племя’, ‘бытие’ и ‘трава’? Между тем греч. *φύλον* ‘племя’, рус. *бытие* и *былье*, *былинка* восходят к и.-е. корню **b^hu-*. Из этого был сделан вывод, что значения развиваются не от абстрактного «общего» значения к конкретным, а наоборот, от конкретного к абстрактным.

²⁰ См. об этом подробно в кн.: Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.

Вспомним еще раз, что представляет собой акт номинации: некий усмотренный умом смысл, эйдос, переносится на почву инобытия и здесь отождествляется с чем-то уже знакомым и понятным. Естественно, что для древних людей наиболее знакомыми были физические вещи и действия, с которыми и отождествлялись те или иные смыслы.

Возьмем для примера эйдос понимания, мышления, мыслительной способности. Иногда этот эйдос отождествляется с осязанием, ошупыванием: нижне-луж. *makas* ‘щупать, осязать’, но польск. *masae* ‘исследовать’, латыш. *macet* ‘понимать’, рус. *смекалка*, *кумекать*. Нередко этот эйдос отождествляется с битьем, резанием: лат. *putare* ‘резать’ (ср. *ампутация*), но также и ‘понимать’; англ. *understand* < др.-англ. *undar-* ‘между’ + *tend* < лат. *tondeo* ‘резать’; сюда же можно отнести и русские жаргонные словечки *рубить*, *врубиться*. Интересен случай отождествления этого эйдоса с чем-то влажным: лат. *humidis* ‘мокрый’, но рус. *ум*; лат. *sapa* ‘сок’, а *sapere* ‘быть умным’ (не потому ли ум человека, не способного к глубокому пониманию вещей, мы называем *сухим* умом?). Наконец, этот эйдос мог отождествляться с хватанием: ср. рус. *поймать* и *понимать*; греч. *cairéw* ‘хватать’ и ‘понимать’; лат. *capio* ‘брать’ и ‘понимать’.

Эйдос любви мог отождествляться с битьем, мучением: др.-инд. *ama-* ‘побои, натиск’, но лат. *amor* ‘любовь’; нем. диал. *luppen* ‘бить’, но нем. *lieben* ‘любить’, рус. *любить*. Эйдос любви мог отождествляться и с нуждой, голодом: лат. *careo* ‘нуждаться’, но *carus* ‘любимый’; латыш. *kamet* ‘голодать’, но др.-инд. *kamah* ‘любовь’. Этот эйдос мог отождествляться и со склеиванием: англ. диал. *lick* ‘клеить’, но *like* ‘любить’; ср. рус. жаргонное *клеиться* ‘ухаживать’. Эйдос любви мог отождествляться также с покоем, радостью: греч. *ejrwéw* ‘ослабевать’, но *e{rwV* ‘любовь’. Наконец, этот эйдос мог отождествляться с едой: лат. *alere* ‘питаться’, но швед. *alska* ‘любить’²¹.

Из этих примеров видно, что в некоторых языках отождествление эйдоса с инобытием, то есть его понимание, происходило аналогичным путем: рус. *поймать* — *понимать* и лат. *capio* — *capio* и т.п. Это явление получило название изосемантизма; оно оказывается иногда весьма полезным при этимологических разысканиях, так как позволяет строить более или менее достоверные гипотезы о происхождении слов.

Так, в русских диалектах есть слова *журавика*, *журавица*, *жеравика*, *жоровица*, *жаровлика*, обозначающие клюкву. Разнообразие гласных в корне позволяет сделать несколько предположений о

²¹ См. об этом: *Маковский М. М.* Удивительный мир слов и значений. С. 123, 152—153.

происхождении этих слов. Можно предположить, что эти слова образованы от слова *журавль*. Само слово *журавль* произошло от и.-е. **gero-* ‘кричать’, ср. греч. *ge´ranov* ‘журавль’, лит. *gerve* [г’арве] ‘журавль’; праслав. *geravъ > о.-слав. **жеравъ**], ноэмой которого, таким образом, является ‘кричащий’; *geravjъ > **жеравль**. Именно в такой форме это слово употреблено в «Русской правде»: **А в] оетцэ и в] гоесэ и в] жеравэ и в] лебеди лѢ рэзан]**. В некоторых диалектах звук [e > o] не только в ударной позиции (как в литературном языке: [сл’езы > сл’озы]), но и в безударной; в таком случае *жеравль* > *жоравль*. В безударной позиции [o] нередко переходило в [y]: например, *бодяк* > *будяк* ‘татарник’; в таком случае *жоравль* > *журавль*; именно в этой фонетической форме это слово вошло в литературный язык. Итак, *жеравль* > *жоравль* > *журавль*; от этих слов были образованы слова для обозначения клюквы *жеравика*, *жеравица*, *жоравика*; *жаровика* возникла вследствие аканья. Ноэма этих слов — ‘журавлиная ягода’. Чтобы удостовериться в правильности этой этимологической гипотезы, следует посмотреть, как называется клюква в других языках:

	журавль	ягода	клюква
английский	crane	berry	cranberry
шведский	trana	bar	tranbar
эстонский	kure	marj	kuremarj
ненецкий	харе	нгода	харенгода

В этот ряд вписывается и русское название клюквы:

русский	журавль	-ика, -ица	журавика

Наличие такого изосемантического ряда делает более достоверной первую этимологическую версию²².

Этимология заимствованных слов

В лексическом составе любого языка имеются слова, заимствованные из других языков. Слова иноязычного происхождения по языку-источнику называются грецизмами, галлицизмами, германизмами, русизмами, полонизмами и т. д.; по способу заимствования различаются заимствования устного и письменного характера, непосредственные и опосредованные каким-либо другим языком; по

²² См.: Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. М., 1986. С. 58–60.

степени усвоения различаются заимствования — хорошо усвоенные слова, которые даже не воспринимаются как чужие, и варваризмы — слова, которые воспринимаются носителями языка как чужие.

В чем же заключается этимологизация заимствованных слов? В диалоге «Кратил» Платон писал: «При полной невозможности достичь какого-либо результата с помощью имеющихся в его распоряжении средств этимолог может объявить интересующее его слово заимствованием из языка варваров». С первой частью этого суждения можно согласиться и сегодня: к идее заимствования надо обращаться тогда, когда исчерпаны все возможности этимологизации на исконной почве. Однако сегодня уже недостаточно просто объявить слово заимствованным «из языка варваров»; недостаточно даже найти сходное по звучанию и значению иностранное слово; нужно еще доказать, что это слово действительно было заимствовано из данного языка. Доказательства этого бывают двух родов: лингвистические и исторические.

Лингвистические доказательства разделяются на а) фонетические, б) словообразовательные и в) семантические.

А. Каждый язык обладает особой фонологической системой, которая дает признаки, по которым можно опознать заимствованное слово.

- 1) В русском языке исконно отсутствовала фонема <ф>, поэтому все слова русского языка, начинающиеся с [ф] — заимствованные: *фабрика, фаворит, фальшь, фагот, факт, фаянс, фанера, фартук, фарисей, ферзь* и т.д.
- 2) Среди исконно русских слов нет таких, которые начинались бы с <а> или <э> (кроме междометий и местоимений *ах, эх, этот*), и эти слова — заимствованные: *авиация, артист, афиша, автор, амбар, эволюция, эгоизм, элемент, электричество, эхо*.
- 3) Русскому языку не свойственны сочетания двух гласных в корне, как в заимствованных словах: *аорта, радио, боа, пантеон, джоуль*.
- 4) Русскому языку не свойственно сочетание двух одинаковых согласных, как некоторым заимствованным словам: *аббат, ванна, касса, нетто, брутто*.
- 5) Русскому языку не свойственны сочетания *ке, ге, хе, кю, гю, хю* в начале слова: *гюрза, герой, кюре, кегли, кепка, кеды, ген*.
- 6) Межслоговая гармония гласных и ударение на последнем слоге характерны для тюркских языков, из которых в русском языке появились слова *чабан, арба, кизил, кишимши, сундук, чубук, тулуп, фундук, зурна, кумач, кушак, аул, арбуз, табун*.

Б. Каждый язык обладает особыми средствами словообразования, служащими отличительными признаками заимствований. Так, о том, что слова *анархия*, *агония*, *амнистия*, *атрофия*, *атом*, *аномалия*, *анатия* греческого происхождения, свидетельствует приставка *а-* ‘не, без’: *ajnarçia* — ‘безначалие, безвластие’, *ajgonia* — ‘бесплодие’, *ajmnhstia* — ‘непамятование, забвение’, *ajtrofia* — ‘лишение пищи’, *a{tomoV* — ‘неделимый’, *ajpáqeia* — ‘бесстрастие’. О греческом происхождении свидетельствуют также приставки *ана-* ‘раз-’ (*анатомия* ‘рассечение’), *анти-* ‘против’ (*антиномия* ‘противоречие в законах’), *апо-* ‘от, вдали’ (*апостол* ‘посланец’), *диа-* ‘через, посредством’ (*диалектика* ‘посредством разговора’), *эпи-* ‘в, на’ (*эпитет* ‘приложенный’), *дис-* ‘расстройство’ (*дисгармония* ‘расстройство гармонии’), *ката-* ‘движение сверху вниз’ (*катастрофа* ‘ниспровержение’), *мета-* ‘после, за, пре-’ (*метаморфоза* ‘преображение’), *пара-* ‘рядом, близко’ (*паразит* ‘нахлебник’), *пери-* ‘вокруг’ (*периферия* ‘окружность’), *про-* ‘вперед’ (*прогноз* ‘предузнавание’), *гипо-* ‘под, ниже’ (*гипотеза* ‘полагаемое в основание’), *сим-/син-* ‘с, совместно’ (*симпатия* ‘сочувствие’), *ев-* ‘хороший, добрый, благой’ (*евангелие* ‘благовестие’).

Особую трудность для этимологизации представляют редкие древние заимствования, которые «обжились» в языке; для таких заимствований трудно бывает найти язык-источник и обосновать соответствие. Так, считается заимствованным из др.-верхн.-нем. *waga* ‘весы’ корень *ваг-*: *вага* ‘вес, тяжесть’, *важный*, *важить* ‘взвешивать’, *отвага*. Значение последнего слова, пишет М.Фасмер, трудно вывести из первоначального (см.: Фасмер. I, 263). Однако, как нам кажется, объяснение этого возможно: *отвага* — это состояние как бы невесомости, когда человек освобождается от всего тяжелого, тянущего вниз, к земле, и летит ввысь к каким-то идеальным целям, подчас принося в жертву им свое тяжелое материальное естество. На каком основании этот корень признан заимствованным? Почему нельзя предположить его исконный характер и, наоборот, увидеть в нем *Wage* ‘весы’ заимствование из русского языка? Дело в том, что этимологическое исследование корня *ваг-* выявило его изолированность, отсутствие надежных параллелей в славянских и индоевропейских языках, невозможность реконструкции его праславянской и праиндоевропейской праформы, из которой можно было бы вывести по законам исторической фонетики рус. *ваг-*. Именно потому, что были исчерпаны все средства этимологизации этого слова на исконной почве, пришлось предположить его заимствованный характер и искать язык-источник, которым, по-видимому, действительно оказывается немецкий.

Особым видом заимствований являются так называемые кальки. **Кальки** — это семантико-словообразовательные копии иностранных слов. Например, слово *благословить* является калькой греч. *eu|logew*, состоящего из двух частей: *eu* ‘благой’ и *legw* ‘говорить’; славяне заимствовали не слово *eu|logew*, а его внутреннюю структуру, наполнив ее собственным языковым материалом, и значение. Иначе говоря, калька — это перевод слова по составляющим его морфемам. Кальками являются *подлежащее* из греч. *υ|ροκείμενον*, *местоимение* из греч. *αι|ntonumia*, *Пятигорск* из *Бештау* (*беш* — ‘пять’, *тау* — ‘гора’); слова *совесть* и *сознание* оба восходят к греч. *sunéidhsiV*, однако первое является непосредственной калькой греческого слова, а второе — калькой с латинской кальки *conscientia*. К калькам часто прибегали неумеренные ревнители чистоты русского языка, полагая, что кальки — меньшее зло, нежели заимствования. А.С. Шишковым и другими пуристами были придуманы такие кальки: *тихогром* — калька слова *фортепьяно*, *себятник* — калька слова *эгоист*, *предзнание* — калька слова *прогноз*, *побудка* — калька слова *инстинкт*, *рожекорча* — калька слова *гримаса* и т.п. Весьма не редки случаи двойного заимствования — прямого и калькирования. Примерами могут служить слова *пневматический* и *духовный*, *апатия* и *бесстрастие*, *ортодоксальный* и *православный*, *орфография* и *правописание*, *симфония* и *согласие*, *метаморфоза* и *преображение*. Разновидностью калек являются так называемые полукальки, когда одна часть слова калькируется, а другая — заимствуется. Такой полукалькой является слово *телевидение* из англ. *television*: первая часть слова восходит к греч. *thle-* ‘далеко’, а вторая — калька *-vision*. Полной калькой было слово *дальновидение*, которое, однако, не укрепилось в русском языке. Еще одной разновидностью калек являются семантические кальки. Если иностранное и русское слово имеют общее значение ‘а’, а иностранное еще и значение ‘b’, которым русское слово не обладает, то это значение ‘b’ можно искусственно приписать русскому слову. Например, франц. *toucher* имеет значение ‘касаться, трогать руками’ и ‘возбуждать чувства’; это значение было перенесено на русский глагол *трогать*; практически семантическое калькирование происходит тогда, когда появляются соответствующие контексты употребления русского слова во французском значении: *трогать до слез, до глубины души; тронутый зрелищем несчастья; трогательный рассказ* и т.п.

Народная этимология

Народная этимология — это этимология, которая опирается не на научные принципы анализа, а на случайные сопоставления, вызванные простым созвучием слов; римляне называли такую

этимологию «бычьей». В основе народной этимологии лежит благородное стремление понять, объяснить себе происхождение слова. Однако у многих слов утратились древние родственные связи, поэтому в народном сознании возникают легенды, в которых непонятные факты далекого прошлого или чужих языков объясняются близкими и понятными фактами живого языка; непонятное ставится в связь с понятным, и возникает легенда, дающая видимость объяснения и удовлетворяющая любопытство. Так, слово *корабль* ставится в родственную связь со словом *кора*, и из этого делается вывод, что древние славяне изготавливали судна из древесной коры; на самом же деле это слово заимствовано из греческого языка — *karabion* (Фасмер. II, 321). Слово *выдра* сближается с глаголом *выдрать*, хотя на самом деле оно родственно греч. ὄδρα 'водяная змея' и означало водное животное. Тот, кто «знал довольно по латыне, чтоб эпитафы разбирать», нередко ставит в родственную связь женское имя *Ирина* и лат. *ira* 'гнев', тогда как на самом деле это имя заимствовано из греческого языка: *eijrhnh* 'мир', *Eijrhnh* — богиня мира, дочь Зевса и Фемиды.

На народно-этимологическом осмыслении происхождения слов основано изменение их звучания, которое делает явной псевдоэтимологическую связь. Так, дети говорят *гудильник* вместо *будильник*, *строганок* вместо *рубанок*, *копатка* вместо *лопатка*, *полусадик* вместо *палисадник*, *семисезонный* вместо *демисезонный*, *увернимаг* вместо *универмаг*, *мазелин* вместо *вазелин*²³. Сюда же можно отнести просторечное *спинжак* вместо *пиджак*. На народной этимологии основан один из приемов сказовой речи: рассказчик «Левши» говорит *Аболон полведерский* вместо *Аполлон Бельведерский*, *буреметр* вместо *барометр*, *Канделабрия* вместо *Калабрия*, *пубель* вместо *пудель*, *тугамент* вместо *документ*, *Кисельвроде* вместо *Нессельроде*, *клеветон* вместо *фельетон*, *грандеву* вместо *рандеву* и др.

Таблица звуковых соответствий							
Согласные							
И.-е.	Сан.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Ст.-сл.	Рус.
*p	p	p	p	f, b	p	п	п
*p ^h	ph	φ	f	f	p	п	п

²³ См.: Чуковский К. От двух до пяти.

*b	b	β	b	p	b	Б	б
*b ^h	bh	φ[πη]	f, b	b	b	Б	б
*t	t	τ	t	th, d	t	Т	т
*t ^h	th	θ, τ	t	t	t	Т	т
*d	d	δ	d	t	d	Д	д
*d ^h	dh	θ	f, d	d	d	Д	д
*k	h	κ	c	h	k	К, Ч, Ц	к, ч, ц
*k ^ʷ	s	κ	c	h	s	С	с
*k ^h	kh	χ	c	h	h	Х	х
*k ^w	k, z	π, τ, κ	qu, c	hw	k	К, Ч, Ц	к, ч, ц
*g	g	γ	g	k	g	Г, Ж, З	г, ж, з
*g ^ʷ	j	φ[δζ]	g	k	z	З	з
*g ^h	h	χ	f, h	g	g, z	З	з
*g ^w	g, j	β, δ, γ	gu, v, g	kw	g	Г, Ж, З	г, ж, з
*g ^{wh}	gh, h	φ, θ, χ	f, gu, b, v	b, gw, g, w	g	Г, Ж, З	г, ж, з
*s	s	σ, φ ο	s, r	s, r	s, s	С, Ш, Х	с, ш, х
*r	r	ρ	r		r	Р	р
*l	r, l	λ		l	l	Л	л
*m	m	μ	m		m	М	м
*n	n	ν	n		n	Н	н
*r.	r.	ρα, αρ	or		ir, ur	РЬ, РЪ	ер, ор
*l.	r.	λα, αλ	ul		il, ul	ЛЬ, ЛЪ	ел, ол
*m.	a	α	em		im, um	Я	я
*n.	a	α	en		in, un	Я	я

В латинском *b^h > f в начале слова, > b в середине слова;

*d^h > f _____ > d _____;

*g^h > f _____ > h _____;

*d^h > b после u, r, перед r, l.

Гласные							
И-е.	Сан.	Греч.	Лат.	Гот.	Лит.	Ст-сл.	Рус.
*i	i	ι	i	i, ai[e]	i	Ь	е / Ø
*e	a	ε	e	i, ai[e]	e	Є	е
*o	a	ο	o	a	a	О	о
*a	a	α	a	a	a	О	о
*u	u	υ	u	u	u	Ь	о / Ø
*i:	i:	ι	i:	ei[i]	◁	И	и
*e:	a:	η	e:	e	м	Ъ	е
*o:	a:	ω	o:	o	ο	А	а
*a:	a:	α	a:	o	ο	А	а
*u:	u:	υ	u:	u:	u:	Ы	ы

Полугласные							
*w	v	ʹ / Ø	vw	v	В	â	
*j	y[j]	ζ, υ	j	j	j	О	j

Дифтонги							
*eu	o:	ευ	u:	iu	au	Ю	ю
*ou	o:	ου	u:	au[o:]	au	У	у
*au	o:	αυ	au	au[o:]	au	У	у
*ei	e:	ει	i:	ei[i:]	ei, ie	И	и
*oi	e:	οι	oe, u:	ai[e:]	ai	Є	е
*ai	e:	αι	ae	ai[e:]	ai	Є	е
*en	an	εν	en	in	en	Δ	я
*on	an	ον	on	an	an	У	у

*an	an	ov	an	an	an	ʏ	у
*em	am	εμ	em	im	em	ʋ	я
*om	am	ομ	om	am	am	ʏ	у
*am		αμ	am	am	am	ʏ	у

В латинском языке краткие гласные претерпели дальнейшие изменения: *e > o перед w (*newos > novos 'новый'), после sw (*swekuros > swocer > socer 'свекр'), перед сочетаниями la, lo, lu, l+согласный, кроме ll (*seluo > solvo 'развязывать'); *e > i перед сочетаниями ng, nk (*tengo > tingo 'сманивать'); *o > u перед сочетаниями ng, nk, mb, l+согласный (*onkus > unkus 'крюк', *elkos > olkos > ulkus 'язва').

Л и т е р а т у р а

- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков. М., 1984.
- Булгаков С. Н. Философия имени. Париж, 1953. М., 1997.
- Булахов М. Г., Жовтобрюх М. А., Кодухов В. И. Восточнославянские языки. М., 1987.
- Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Сравнительно-исторический и типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1—2. Тбилиси, 1984.
- Ильинский Г. А. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Кондрашов Н. А. Славянские языки. М., 1986.
- Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.
- Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М., 1983.
- Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Мокиенко В. М. Образы русской речи. Л., 1986.

- Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963.
- Откупщиков Ю. В.* К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. 3-е изд. М., 1986.
- Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960.
- Пизани В.* Этимология. М., 1956.
- Платон.* Кратил.
- Потанов В. В.* Краткий лингвистический справочник. Языки и письменность. М., 1997.
- Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М., 1967. С. 382—450, 465—499.
- Савченко А. Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
- Селищев А. М.* Западославянские языки. М., 1941.
- Селищев А. М.* Старославянский язык. М., 1951.
- Семереньи О.* Введение в сравнительное языковедение. М., 1980.
- Смирницкий А. И.* Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства. М., 1955.
- Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Широков О. С.* Введение в языковедение. М., 1985.

Основные этимологические словари

- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—25. М., 1974—1999.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986.
- Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I—IV. Paris, 1968—1980.
- Ernout A. et Meille A.* Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4 ed. Paris, 1959.
- Lehmann W. P.* A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
- Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1. Heidelberg, 1986.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МАС — Словарь русского языка. Под ред. А.П.Евгеньевой. Т. 1—4. М., 1985—1988.
- Преображенский — *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—II. М., 1958.
- Сл ДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. 1—4. М., 1988—1991.
- Сл РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—23. М., 1975—1997.
- Ушаков Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1935—1940.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. Изд. 2-е. М., 1986—1987.
- ЦСБ — *Біблія сирэчъ книги свѣщеннагѡ писанїа вѣтхагѡ и новагѡ завѣта.* М., 1904.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. Вып. 1—25. М., 1974—1999.
- Boisacq — *Boisacq E.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Paris, 1938.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3

Глава 1

ФОНЕТИКА И ФОНОЛОГИЯ

§ 1. Три стороны звуков речи	5
§ 2. Акустические свойства звуков речи	5
§ 3. Устройство речевого аппарата	5
§ 4. Артикуляционная классификация звуков речи	6
§ 5. Слог. Ударение. Такт. Фраза	10
§ 6. Комбинаторные изменения в потоке речи	14
§ 7. Функциональные свойства звуков речи. Фонология	17

Глава 2

ЛЕКСИКОЛОГИЯ: ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ

§ 1. Звук и смысл. Проблема смысла	29
§ 2. Онтологическая теория смысла и ее основания	36
§ 3. Логическая структура предмета	45
§ 4. Сущность и явление, сущность и энергия	53
§ 5. Именованье. Логическая структура слова	56
§ 6. Системные отношения в лексике	67
§ 7. Основные понятия фразеологии	81
§ 8. Лексикография. Основные типы словарей	85

Глава 3

МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

§ 1. Понятие о морфеме. Признаки морфемы	93
§ 2. Типология морфем	95
§ 3. Онтологическая интерпретация понятия морфемы	99

§ 4.	Исторические процессы в морфемной структуре слова	102
§ 5.	Производное слово как основная единица словообразования ..	104
§ 6.	Способы словообразования	106
§ 7.	Понятие словообразовательного типа	108

Глава 4

ГРАММАТИКА

I.	ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ	110
§ 1.	Предмет грамматики	110
§ 2.	Грамматическое значение. Признаки грамматического значения	111
§ 3.	Способы выражения грамматических значений	113
§ 4.	Грамматическая форма и грамматическая категория	118
§ 5.	Части речи	127
§ 6.	Местоимение как особый грамматический класс слов	134
II.	СИНТАКСИС. ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	138
§ 7.	Типы синтаксической связи слов. Способы выражения синтаксических связей и отношений	138
§ 8.	Словосочетание	145
§ 9.	Общая характеристика предложения. Предикация и предикативность	148
§ 10.	Основные аспекты предложения	154

Глава 5

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ЯЗЫКОВ

§ 1.	Предмет лингвистической типологии	158
§ 2.	Из истории лингвистической типологии	159
§ 3.	Морфологическая типология языков в XX веке	163
§ 4.	Синтаксическая и фонологическая типологии языков	165

Глава 6

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА

§ 1.	Территориальная дифференциация языка	169
§ 2.	Социально-культурная дифференциация языка	174

---

*Глава 7***ЯЗЫКОВОЕ РОДСТВО**

§ 1.	Онтология и история языка	184
§ 2.	Историзм и языковое родство	185
§ 3.	Генеалогическая классификация индоевропейских языков	196
§ 4.	Генеалогическая классификация других языков мира	202
§ 5.	Этимология	208
Список сокращений		226

Учебное издание

**Камчатнов Александр Михайлович
Николина Наталья Анатольевна
ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Учебное пособие

Подписано в печать 15.08.2011. Изд. № 2404.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д.17Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)3348265, тел.: (495)3360311.
Email: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП7, Москва В485,
ул. Профсоюзная, д. 90.